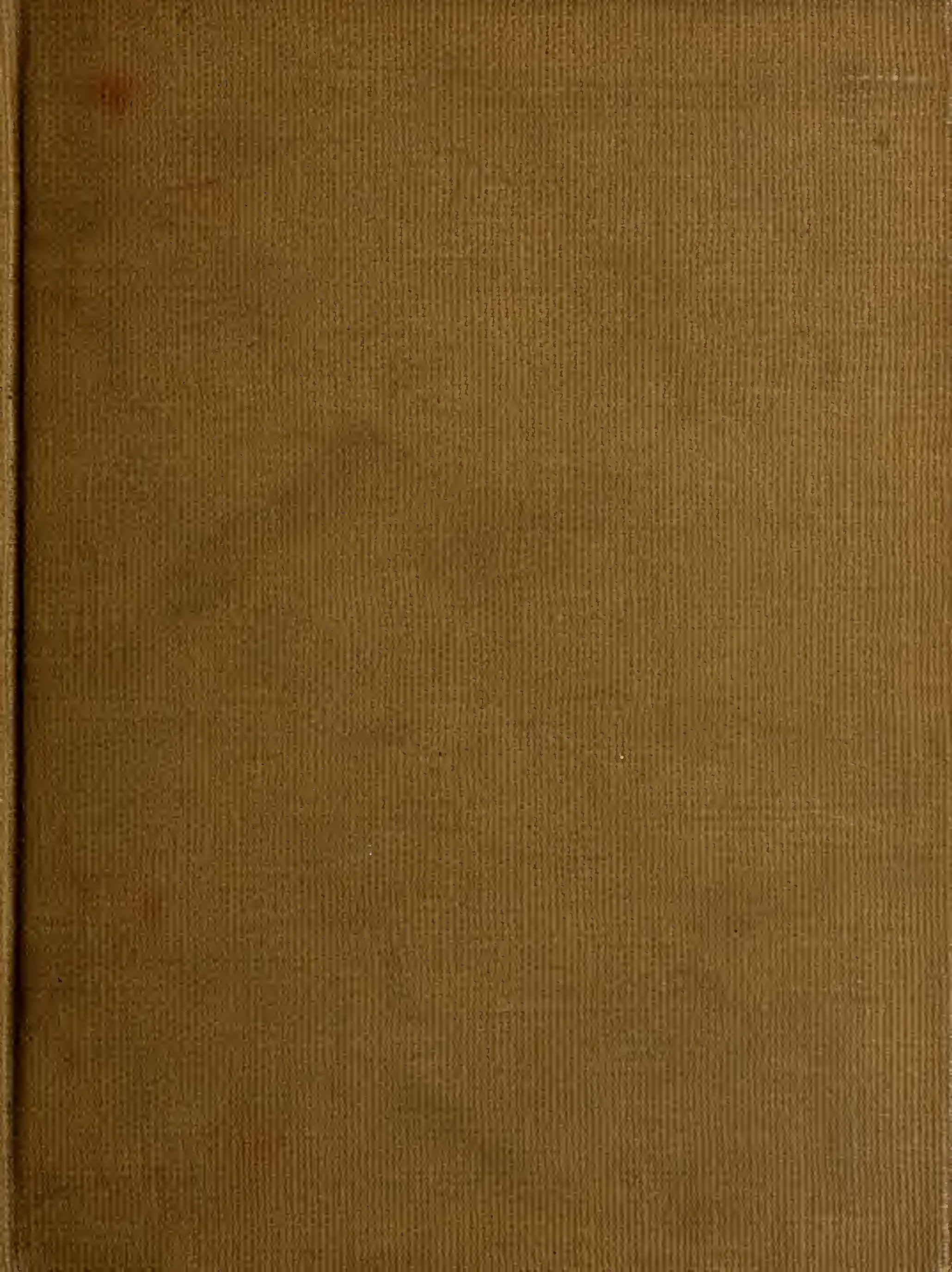

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ВОСПОМИНАНІЯ

Ѳ. П. ЛУБЯНОВСКАГО.

Lubianovskii, Fedor Petrovich.

ВОСПОМИНАНІЯ

ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛУБЯНОВСКАГО.

1777—1834.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К. У ПРЕЧИСТЕН. В., Д. ШИЛОВОЙ.
1872.

Дозволено цензурою. Москва 1 Декабря 1871 года.

Vixisse testemur.

Не припомню, съ котораго времени собираюсь пересмотрѣть старинную свою всякую всячину: духъ отлагательства твердитъ тебѣ свое—успѣешь. Воротимся же къ прошлому. Что̀ до того, если и случится проходить мимо самаго себя, сощемя сердце!

I.

Родился я 9-го Августа 1777-го года въ селѣ Млинахъ Полтавской губерніи Зенковскаго уѣзда, на берегу рѣки Ворсклы, у подошвы горы, отдѣляющей много на версту это селеніе отъ мѣстечка Опошня. Въ селѣ Млинахъ отецъ мой имѣлъ отъ предковъ недвижимое имущество съ крестьянами.

Учился онъ въ Кіевской академіи и, окончивъ курсъ наукъ, рѣшился поискать счастія въ Воронежѣ по приглашенію тогдашняго тамъ архіерея Тихона 1-го, полюбился владыкѣ и, раздѣляя труды его въ устройствѣ и образованіи семинаріи, усердіемъ и знаніемъ пріобрѣлъ его довѣріе. Любилъ отецъ мой воспоминать, не безъ

слезъ и въ глубокой старости, о своемъ несравненномъ наставникѣ Тихонѣ, о неутомимой и неусыпной пастырской его дѣятельности и пламенномъ его ревнiи на всякое дѣло любви, алчущей и жаждущей правды, готовой на помощь и съ малыми средствами, сострраждущей, миротворной, вся терпящей. Это былъ мужъ желаній, говаривалъ отецъ мой, у насъ другой Дмитрій Ростовскій. Изъ сочиненій преосвященнаго Тихона 1-го «Сокровище отъ міра собираемое» для меня драгоцѣнно.

Родители мои жили подъ кровомъ скуднымъ, но не благочестіемъ, не добродѣтелью, не гостепріимствомъ. Отцу моему достойно и праведно было бы повторить привѣтъ, сказанный Христомъ Спасителемъ Наѳанаилу: Се во истинну Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть. А мать моя въ дѣлѣ христіанской любви къ ближнему не знала ни границы, ни мѣры. У сосѣдей были они въ уваженіи. Мѣстеч-

ко Опошне, нѣкогда гнѣздо селитренныхъ заводчиковъ, было тогда еще не бѣдно и не малолюдно; къ тому же гòда не проходило, чтобы на тучныхъ Млинянскихъ лугахъ, по берегу Ворсклы, войска лагеремъ не располагались съ ранней весны до поздней осени. Въ посѣщеніяхъ не было у насъ недостатка; рѣдкій день проходилъ безъ гостей. Меня и старые и молодые ласкали; мать потому называла меня баловнемъ.

Житель Опошнянскій, дворянинъ Коростовецъ изрѣдка также посѣщалъ отца моего и также ласкалъ меня. Было ему во время Шведской войны не болѣе 8 лѣтъ, а въ мои такія же лѣта онъ былъ уже маститый старецъ за 85 лѣтъ. Сохранялось еще тогда, разсказывалъ онъ, преданіе о стоянкѣ Шведскихъ войскъ въ Опошнемъ и окрестностяхъ передъ Полтавскою битвою. Карлъ XII въ Опошнемъ квартировалъ въ домѣ отца его, Коростовца. Былъ довольно высокаго

роста, держалъ себя въ вытяжку, но худой, блѣдный, невзрачный; ежедневно солдатъ муштровалъ; ходилъ живо, скоро и бодро, хотя сапоги были какъ пушки на ногахъ,—вѣроятно ботфорты со шпорами; допускалъ къ себѣ всякаго, кто имѣлъ къ нему надобность; громко приказывалъ своимъ жить съ обывателями честно и мирно. Доставалось отъ него Мазепѣ: завелъ въ такія мѣста, гдѣ не было пива. Велѣлъ построить себѣ пивоварню; при выступленіи подарилъ ее отцу, а мнѣ, говорилъ старикъ, далъ серебрянный талеръ.

*

Отецъ училъ меня Русской и Латинской грамотѣ, самъ большой латинистъ; по десятому же году моего возраста отвезъ меня въ Харьковъ, гдѣ въ Коллегіумѣ по экзамену я поступилъ въ 3-й классъ, чѣмъ отецъ мой, помню, былъ очень доволенъ. Учился я, говорили, не безъ успѣха, съ учителями и товарищами болталъ

полатынѣ, сочинялъ хріи и рѣчи; присталъ потомъ къ отцу, отправь онъ меня въ Москву въ университетъ.

Превосходное учебное заведеніе былъ Харьковскій Коллегіумъ, не взирая на всѣ недостатки его въ сравненіи съ нынѣшнимъ образованіемъ семинарій и вообще всѣхъ духовныхъ училищъ. Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и по учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей: они имѣли рѣдкій даръ развивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, не умирающую, когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ, и вышедши изъ школы, чему не научишься! Предметовъ ученія было не много, но преподавались ревностно и основательно. Латинскій языкъ пріучалъ къ простому, ясному и благозвучному изложенію мыслей. Всѣ мы были поэты: безъ поэзіи, безъ одушевленія ума и

сердца, проповѣдь и въ храмѣ Божіемъ будетъ мертвая буква. Семинаріи нынче богаты, а въ мое время Харьковскій Коллегіумъ помѣщался въ большомъ каменномъ зданіи съ трубою: такъ назывался длинный и широкій во второмъ этажѣ корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго огромныя аудиторіи безъ печей были ни что иное, какъ сараи, гдѣ зимою отъ стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали. На поправки строеній, на содержаніе до 150 студентовъ въ бурсѣ и на жалованье всѣмъ учителямъ отъ инфимы до богословіи 60 р. былъ высшій окладъ; Коллегіумъ получалъ не болѣе 1500 р. въ годъ. Но ни холодъ, ни голодъ не охлаждали охоты къ ученію; привыкали мы, сверхъ того, къ нуждѣ и пріучались довольствоваться малымъ, въ какомъ ни были бы состояніи въ полсѣдствіи времени.

*

На возвратномъ пути изъ Крыма Императрица Екатерина II удостоила

высочайшимъ посѣщеніемъ Харьковъ. За недѣлю передъ тѣмъ въ городѣ уже не было угла свободнаго; жили въ палаткахъ, шалашахъ, сараяхъ, гдѣ кто могъ и успѣлъ пріютиться: все народонаселеніе губерніи, казалось, стеклось въ одно мѣсто; къ счастью, было это лѣтомъ, при ясной, тихой и теплой погодѣ. Показался на Холодной горѣ царскій поѣздъ; насталъ праздниковъ праздникъ. Тысячи голосовъ въ одинъ голосъ громогласно воскликнули: шествуетъ! и все умолкло. Неподвижно, какъ вкопанные, въ тишинѣ благоговѣйной всѣ смотрѣли и ожидали: божество являлось. У городскихъ воротъ встрѣтили Императрицу намѣстникъ Чертковъ и правитель губерніи Норовъ верхомъ, оба военные, генералъ-поручики, но оба въ губернскомъ мундирѣ *). Отъ воротъ до дворца (нынѣ уни-

*) Кафтанъ алаго, воротникъ, обшлага, камзолъ и исподнее зеленаго, vert de pomme, цвѣта.

верситетъ) версты полторы, Императрица ѣхала шагомъ и изъ кареты по обѣ стороны кланялась; слышанъ былъ только звонъ съ колоколенъ. Не случалось мнѣ быть въ другой разъ свидѣтелемъ такой глубокой тишины и благоговѣнія при многочисленномъ стеченіи народа. Императрица показалась на балконѣ дворца; тутъ только обычное ура загремѣло по всему городу. За тѣмъ смерклось; зажгли фейерверкъ, на бѣду не удался; къ тому же ракета угодила въ шею секретарю верхняго земскаго суда. Придворный врачь прибѣжалъ осмотрѣть раненаго; фейерверкъ отмѣненъ; за тѣмъ кто-то изъ свиты вручилъ счастливому секретарю золотые часы, въ изъявленіе соболѣзнованія отъ всемилостивѣйшей Монархини. Звучитъ до сихъ поръ въ ушахъ у меня возгласъ: «Мати ты наша премилосердая», который раздался между тысячами Украинцевъ, когда разнеслась вѣсть о часахъ. На другой день Императрица

уѣхала. Отъ дворца по площади къ соборному Успенія Божіей Матери храму постлано было алое сукно, по которому Ея Величество изволила пѣшкомъ идти въ соборъ, гдѣ слушала молебенъ. Въ этомъ шествіи и я имѣлъ счастіе видѣть Императрицу: опираясь на трость, безъ зонтика въ полуденный зной, она шла очень тихо, съ лицемъ довольнымъ, исполненнымъ благоволѣнія, величественно и милостиво кланялась на обѣ стороны. Изъ собора отправилась въ дальнѣйшій путь.

Въ 8-мь часовъ утра того дня всѣ ученики и учителя Коллегіума были въ классахъ. Принцъ Ангальтъ посѣтилъ заведеніе; меня нарядили изъ класса, гдѣ я былъ тогда, сказать ему привѣтствіе въ двухъ Латинскихъ стихахъ. Погладилъ меня по головѣ и весьма благосклонно просилъ всѣхъ насъ кланяться отъ него батюшкамъ и матушкамъ.

Въ Харьковѣ же удалось мнѣ видѣть князя Потемкина Таврическаго;

было это зимою въ послѣднюю поѣздку его изъ арміи въ столицу по взятіи Очакова. На другой, по пріѣздѣ, праздничный день ожидали князя къ обѣдни въ соборѣ; служилъ архіерей; студентамъ велѣно быть у обѣдни; мнѣ досталось стоять съ лѣвой стороны амвона посреди церкви. Обѣдня и началась поздно и необыкновенно тянулась; архіерей на большомъ выносѣ провозгласилъ протяжнымъ вовсеуслышаніе голосомъ: «военачальники, градоначальники и свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Таврическаго;» прогремѣлъ потомъ при «о спасеніи» тотъ же возгласъ протодіаконъ. Свѣтлѣйшій все еще не являлся; пришелъ уже послѣ «достойно», остановился не на приготовленномъ для него сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, а съ правой стороны амвона посреди церкви, взглянулъ вверхъ во всѣ четыре конца. «Церковь не дурна», сказалъ вслухъ губернатору Кишенскому; вслѣдъ за-

тѣмъ одною рукою взялъ изъ кармана и нюхнулъ табаку, другою вынулъ что-то изъ другаго кармана, бросилъ въ ротъ и жевалъ; еще взглянулъ вверхъ; царскія врата отворялись,— повернулся — въ экипажъ и уѣхалъ. Былъ онъ съ ногъ до головы въ такомъ видѣ: въ бархатныхъ широкихъ сапогахъ, въ венгеркѣ, крытой малиновымъ бархатомъ съ собольей опушкой, въ большой, сверхъ того, шубѣ изъ чернаго мѣху, крытой шелковою же матеріею, съ бѣлою шалью около шеи, съ лицомъ по видимому неумытымъ, бѣлымъ и полнымъ, но болѣе блѣднымъ, чѣмъ свѣжимъ, съ растрепанными волосами на головѣ; показался мнѣ Голіаѳомъ.

Слѣдующія два преданія дошли ко мнѣ не въ Харьковѣ, а въ послѣдствіи времени. Первое отъ И. И. Дмитріева, второе отъ К. Ѳ. Кноринга. Кажется, и здѣсь онѣ не будутъ лишнія, обозначая одно—духъ вѣка, другое—конецъ земной славы.

Костровъ, какъ извѣстно, перевелъ часть Иліады. Нѣкто изъ его доброжелателей въ разговорѣ о Греціи, тогда модномъ, молвилъ Таврическому слово о переводѣ Кострова. Гдѣ же онъ, переводчикъ? спросилъ князь. Пріятели, въ томъ числѣ и Дмитріевъ, одѣли поэта. Отправился онъ къ свѣтлѣйшему съ своимъ доброжелателемъ; нашелъ у него въ обширной залѣ множество шляпъ съ бѣлымъ плюмажемъ, и крестовъ, и звѣздъ, и лентъ разноцвѣтныхъ, и Армянъ, и Грековъ, и Поляковъ, и Персіанъ, и Калмыковъ, и шумъ, и гамъ, какъ на толкучемъ рынкѣ. Свалка эта долго продолжалась. Кто-то шикнулъ: толпа вся вдругъ онѣмѣла и сжалась въ полукругъ, гдѣ кто успѣлъ захватить себѣ мѣсто, передъ дверью. Дверь отворилась: показался свѣтлѣйшій въ простомъ утреннемъ со сна нарядѣ; толпа смиренно преклонилась; онъ, окинувъ глазами густый сонмъ посѣтителей и не сказавъ никому ни слова, обо-

ротился — вмигъ дверь затворилась; толпа хлынула и разбѣжалась съ веселыми лицами. Костровъ остался въ залѣ одинъ, дожидаяся своего покровителя. Бѣжитъ къ нему придворный лакей и, спросивъ, не онъ ли г-ъ Костровъ, объявляетъ, что онъ приглашенъ въ тотъ же день къ столу его свѣтлости. Передъ обѣдомъ князь лежалъ на диванѣ; спросилъ Кострова, въ которой олимпіадѣ жилъ Гомеръ, и на отвѣтъ, взглянувъ на него, сказалъ: видно, ты читалъ Гомера, да читаешь ли по гречески? всталъ и пошли къ столу, за которымъ Костровъ былъ двѣнадцатый. Его свѣтлость говорилъ мало, а кушалъ во здравіе за четырехъ. Костровъ былъ той вѣры, что Юпитеръ шестомъ прогналъ бы съ Олимпа и Ганимеда и Гебу съ нектаромъ и амброзіею, если бы дожилъ до Потемкина, да отвѣдалъ такихъ щей, такой кулебяки и такого ботвинья, какія были у его свѣтлости.

Немало говорено и писано въ свое время о кончинѣ князя Потемкина, разсказывалъ въ 1816 г. К. Ѳ. Кнорингъ. Было то такимъ образомъ. При переѣздѣ изъ одного мѣста въ другое, князь назначилъ ночлегъ по пути у него, Кноринга, тогда командира Таврическаго гренадерскаго полка, и прибылъ въ седьмомъ часу вечера. Приготовлена торжественная встрѣча; но изъ кареты у подъѣзда услышали нерадостный голосъ: «жарко, душно!» Носился слухъ, что князь былъ не совсѣмъ здоровъ, но чтобы молва заключала въ себѣ что либо немаловажное, то въ мысль никому не приходило. Вошедши въ домъ, онъ улегся на диванѣ и велѣлъ отворить окна, повторяя: «жарко, душно!» Ночь была тихая, лунная, свѣжая; что̀ докторъ ни дѣлалъ, что̀ ни подавали для прохлажденія, все ему было душно;—метался, страдалъ. Не прежде десятаго часа докторъ сказалъ, что князь начиналъ успокоиваться и Богъ дастъ

заснетъ. Спутники пошли ужинать къ нему, Кнорингу. Выѣздъ назначенъ между семи и восьми часовъ утра. Можно ли было подумать, что это утро, этотъ день будетъ послѣднiй день жизни знаменитаго мужа! Между двухъ и трехъ часовъ ночи неожиданная тревога: экипажи поданы, князь выѣзжаетъ. Кто какъ успѣлъ прiодѣться со сна, такъ и отправились. Велѣно ѣхать шагомъ. За нѣсколько верстъ отъ ночлега, разсвѣтало. Княжая карета остановилась. Выскочили мы, говорилъ Кнорингъ, изъ экипажей и окружили карету. Больной держалъ въ дрожащихъ рукахъ Св. Икону, вездѣ и всегда его сопутницу, лобызалъ ее, обливалъ слезами, рыдалъ, взывая: Боже мой, Боже мой! Пожелалъ выйти изъ кареты и лечь на травѣ. Постлали коверъ, принесли подъ голову кожаную подушку, уложили его; ничего не говорилъ, стоналъ, казался однакоже покойнѣе. Такъ онъ по желанiю лежалъ на тра-

вѣ, на чистомъ утреннемъ воздухѣ подъ открытымъ небомъ. Скоро затѣмъ, крѣпко и сильно вздохнувъ, протянулся. Смерть и тогда еще никому изъ предстоявшихъ не пришла на мысль. Казакъ изъ конвойныхъ первый сказалъ, что князь отходитъ, и закрыть бы глаза ему; искали по всѣмъ карманамъ имперіала; тотъ же казакъ подалъ мѣдный пятакъ, которымъ и сомкнули глаза покойному.

Въ Харьковѣ же я видѣлъ извѣстнаго странника Сковороду. По сказаніямъ онъ отлично окончилъ курсъ наукъ въ Академіи Кіевской; предпринялъ потомъ пѣшешествіе къ Св. мѣстамъ; былъ въ Іерусалимѣ, на Аѳонской горѣ, въ Константинополѣ; былъ ли на Западѣ, вѣрно не знаю. Странствовалъ долго, возвратился въ отечество и вѣроятно на родину въ Харьковской губерніи. Можно назвать его безсребренникомъ; не было у него никакого имущества: что̀ было на немъ, то лишь и было его. Не имѣлъ онъ и

постояннаго мѣста жительства: всегда готовый, всегда радушный пріютъ ему былъ у Харьковскихъ помѣщиковъ А. И. Коваленскаго и Щербинина; но и то не надолго. Въ Харьковѣ бывалъ разъ, много два раза въ годъ, и то часа на два, повидаться съ другомъ своимъ учителемъ риторики въ Коллегіумѣ, Двигубскимъ, у котораго и мнѣ удалось его видѣть: старикъ выше средняго роста, въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ, въ Украинской овчинной шапкѣ, съ палкой въ рукѣ, по нарѣчію сущій Малороссіянинъ,— показался мнѣ усталымъ и задумчивымъ. Страсть его была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ; вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до обаченья съ любовію; у всѣхъ былъ онъ свой. Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра; но народъ не за тѣмъ и принималъ его подъ свои кровы; напротивъ того хозяинъ

дома, куда онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно ли было что либо поправить, почистить, перемѣнить въ его одѣяніи и обуви; все то немедленно и дѣлалось.

Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и долѣе оставался, любили его какъ роднаго, Онъ отдавалъ имъ все, что̀ имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность; мнился такимъ образомъ приносить ближнему службу и имѣлъ отраду не въ одномъ мѣстѣ не находить уже ни прежнихъ, противныхъ чистотѣ нравовъ, обычаевъ, ни раздора, ни суевѣрія; утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ. Въ проѣздъ мой въ 1831 году черезъ Харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика крестьянина и вздумалъ спросить его, помнятъ ли они Сковороду. «Сковорода, отвѣ-

чалъ онъ, былъ человѣкъ разумный и добрый, училъ и насъ добру, страху Божіему и упованію на милосердіе распятаго за грѣхи наши Господа нашего Іисуса Христа. Когда начнетъ бывало разсказывать намъ страсти Господни, или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце бывало до того размягчится, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ!»—Умеръ онъ въ имѣніи и въ домѣ А. И. Коваленскаго. Изъ сочиненій Сковороды небольшое «Кольцо» для меня лучшее.

*

Отецъ и мать не скоро рѣшились отпустить меня въ Москву одинокаго. Не имѣя однако же въ виду ничего для меня лучшаго, помолясь, благословили и отдали меня Промыслу Божіему. Не скоро потомъ и я доѣхалъ до Москвы, не къ началу курсовъ, а только уже въ концѣ Декабря. Немедленно просилъ я начальство позволить мнѣ съ новаго, 1793 года слушать профессорскія лекціи. По пра-

виламъ, сказано мнѣ, безъ предварительнаго экзамена это не допускается.

Въ назначенный впослѣдствіи для экзамена день введенъ я въ обширную конференцъ-залу съ трономъ и портретомъ Императрицы подъ балдахиномъ. Профессоры, сидя за столомъ, разсуждали. Ректоръ, подозвавъ меня къ себѣ, спросилъ, чему и гдѣ я учился, и благосклонно затѣмъ предоставилъ мнѣ написать на Латинскомъ языкѣ, что̀ самъ придумаю, о необходимости и пользѣ ученія. «Изъясните намъ вкратцѣ, говорилъ онъ мнѣ, ваши мысли объ этомъ важномъ предметѣ». Профессоръ Страховъ, замѣтивъ, вѣроятно, что я струсилъ, сказалъ мнѣ ласковое слово и указалъ комнату, гдѣ я, заключась отъ всего міра, долженъ былъ пройти сквозь огонь испытанія. Собрался я съ духомъ, написалъ, что̀ могъ и съумѣлъ, и предсталъ передъ ареопагъ. Ректоръ мнѣ же поручилъ прочитать вслухъ и внятно написанное. Слуша-

ли со вниманіемъ. Ректоръ, обратясь къ собранію съ довольнымъ лицемъ, громко сказалъ optime, и никій же осуди. Помню, какъ сердце мое въ тотъ моментъ ужъ подлинно взыграло радостію. Единогласно положено выдать мнѣ видъ на профессорскія лекціи. Дверь храма наукъ мнѣ отверзлась. Съ трудомъ, не вдалекѣ отъ университета, нашелъ я себѣ пріютъ весьма некрасный, не совсѣмъ и безопасный отъ ветхой на немъ крыши, но по моимъ тогда средствамъ: что̀ отецъ могъ назначить мнѣ на содержаніе въ годъ, того и на полгода не доставало.

Спустя мѣсяца три, въ этотъ обвѣтшалый домишко зашелъ неизвѣстный мнѣ съ вида бояринъ, и когда, на спросъ его о студентѣ Лубяновскомъ, я вышелъ къ нему изъ за угла своего: «Познакомимся», сказалъ онъ мнѣ, благосклонно взявъ меня за руку. Это былъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. «Пишетъ мнѣ о тебѣ ста-

рый другъ мой, Захарій Яковлевичъ Карнѣевъ (родный братъ моей матери, мнѣ дядя, тогда Орловскій вице-губернаторъ, въ послѣдствіи Минскій гражданскій губернаторъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта). Я хотѣлъ видѣть, гдѣ и какъ ты живешь: не просторно, оттого и воздухъ не благорастворенный. День ныньче воскресный, ученья нѣтъ, погуляемъ». Пришли мы въ домъ къ профессору Чеботареву. Представивъ меня ему и супругѣ его: «Это, сказалъ онъ имъ, тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я говорилъ вамъ, примите его въ свою семью». Мнѣ же сказалъ, что у Харитона Андрѣевича и Софіи Ивановны я буду какъ дома, ни въ чемъ не буду нуждаться, докладывалъ бы имъ о своихъ надобностяхъ. Заключилъ, обратясь ко мнѣ, этими словами: «Помни Бога, молись не только языкомъ, но и сердцемъ, старайся успѣвать въ наукахъ, веди себя скромно. Мы будемъ видѣться». Уди-

вленный такою простотою благотворнаго великодушія и, въ неожиданномъ измѣненіи тогдашняго моего быта видя явный знакъ Небеснаго милосерднаго Промысла и о мнѣ ничтожномъ юношѣ, слезами только могъ я выразить волненіе сердца.

На другой же день переселился я къ Харитону Андрѣевичу, и съ того же дня Иванъ Владиміровичъ не только во все время ученья моего въ Московскомъ университетѣ, но и въ началѣ службы моей былъ мнѣ, мало скажу, другимъ отцомъ: будь я сынъ его, не былъ бы онъ и тогда мнѣ лучшимъ отцомъ. Онъ оставилъ по себѣ Записки, и кто не читалъ ихъ, кто не видалъ въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, мужа глубокаго разума и возвышенной въ истинномъ духѣ евангельскомъ добродѣтели?

Курсы далеко ушли въ послѣдніе четыре мѣсяца истекшаго года; предлежало мнѣ и догнать ихъ и не отставать отъ нихъ. Большое пособіе

оказали мнѣ профессора и товарищи; не щадилъ я и самъ себя; жажда во всемъ успѣть снѣдала меня. Къ тому же Русская словесность была въ тотъ годъ на очереди къ полученію золотой и двухъ серебряныхъ медалей; было до 20-ти состязателей, въ томъ числѣ и я; и мнѣ, разумѣется, не хотѣлось ударить лицемъ въ грязь. Въ срокъ подали мы свои диссертаціи профессору краснорѣчія, каждый за своею печатью; такъ они внесены и въ Конференцію, гдѣ разсматривались въ общемъ собраніи профессоровъ. Моя по оцѣнкѣ заняла второе мѣсто, — и первая серебряная медаль мнѣ предназначена.

Въ день торжественнаго университетскаго акта собраніе стариковъ въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, также и дамъ, было не малочисленно; говорены рѣчи, одна на Латинскомъ, другая на Русскомъ языкѣ; читана длинная ода; была и музыка. Затѣмъ кураторъ, знаменитый М. М. Херас-

ковъ, вышелъ и сталъ у подножія Императорскаго трона, и когда инспекторъ провозгласилъ имена новопроизведенныхъ студентовъ, мы вышли на сцену. Кураторъ сказалъ намъ слѣдующее привѣтствіе: «Ея Императорское Величество, премудрая наша Монархиня, въ воздаяніе за ваше прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, всемилостивѣйше изволитъ жаловать вамъ офицерскія шпаги», — и каждому изъ насъ вручилъ стальную шпагу. Провозглашены за тѣмъ такимъ же порядкомъ имена трехъ состязателей медалей, и кураторъ отъ Ея же Императорскаго Величества вручилъ намъ медали. Поднялись тогда голубыя, красныя ленты, дамы и всѣ любители просвѣщенія — сонмомъ къ намъ, увѣнчаннымъ, съ поздравленіемъ насъ съ Монаршею милостію; отъ насъ всѣ обращались къ куратору, ректору и инспектору съ изъявленіемъ признательности за труды, ими подъятые, въ распространеніи просвѣщенія въ Имперіи.

На этой, казалось, невинной выставкѣ я въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ движенiе какого-то до той поры бездыханнаго червя (въ послѣдствiи съ лѣтами и онъ росъ) цѣлаго насѣкомаго, преувертливаго и прелукаваго, съ которымъ долго было мнѣ много хлопотъ и работы нерѣдко до поту, даже до слезъ; а тогда щекотанье этого червяка — самолюбiя такъ мнѣ было по сердцу. Худое и не худое, видно, за мертво спало во мнѣ до будильника, до случая.

Во все время, что̀ я пробылъ въ университетѣ, постоянно думалъ о томъ, не потерять бы мнѣ времени безъ полезнаго прiобрѣтенiя. Грѣшно было бы впрочемъ и не занять, много ли, мало ли, отъ такихъ профессоровъ каковы были Шаденъ, Баузе, Вигандъ, Мельманъ, Чеботаревъ, Страховъ. Если позволено сослаться на пословицу — изъ кожи лѣзли, чтобы все то, что̀ сами прiобрѣли неуто-

мимымъ трудомъ, передать намъ съ логическою ясностію, въ систематическомъ порядкѣ, съ обдуманнымъ сужденіемъ. Что̀ въ иностранныхъ университетахъ, то и въ Московскомъ преподавалось; студенты выбирали себѣ предметы и профессоровъ по совѣту и по желанію; изрѣдка переходили изъ одного въ другой факультетъ. Въ томъ числѣ и я, изучая со тщаніемъ и рвеніемъ предметы историко-филологическаго факультета, отдавалъ по нѣскольку послѣ-обѣденныхъ часовъ въ недѣлю профессорамъ химіи и анатоміи, въ надеждѣ получить хотя нѣкоторое понятіе отъ перваго—о превращеніи вещества изъ вида въ лучшій видъ, по сказанному, что тварь покорилась суетѣ неволею, въ упованіи освободиться отъ работы истлѣнія; отъ втораго — о чудномъ устроеніи тѣла человѣка для временной, преходящей жизни его на землѣ. Эти послѣ-обѣденные часы не совсѣмъ были поте-

ряны; но не было отъ нихъ и ожидаемаго пріобрѣтенія.

Мельманъ, любимый, говорили, ученикъ Канта, былъ нашимъ профессоромъ эстетики. Мужчина лѣтъ подъ сорокъ, всегда одинъ, словно въ кельѣ, всегда погруженный въ размышленія, онъ слылъ въ литературномъ кружкѣ безстрастнымъ отшельникомъ отъ міра, влюбленнымъ по уши въ безжалостную Критику, дщерь философа Канта. Былъ онъ однакоже съ отличными способностями и съ даромъ слова,—Цицеронъ въ Латинской словесности. Познакомивъ насъ съ Гораціемъ, Виргиліемъ, Люкреціемъ, Цицерономъ, Тацитомъ, онъ удачно развивалъ ихъ мысли нравственныя и политическія, превозносилъ ихъ умъ и съ пріятнымъ велерѣчіемъ водилъ насъ отъ одного къ другому изъ нихъ, какъ по цвѣтистому лугу отъ одного прекраснаго къ другому цвѣтку еще превосходнѣйшему, присвоивая имъ, иногда казалось

намъ, и такія идеи, о которыхъ тѣ господа не думали и не гадали. Представлялось намъ также, что онъ не всегда и высказывалъ намъ все то, что̀ было у него на сердцѣ. Не смотря на то, мы слушали его съ удовольствіемъ. Неожиданно онъ пересталъ являться на лекціи. Черезъ нѣсколько дней шопотомъ заговорили, что Мельмана велѣно отправить къ митрополиту Платону; потомъ, что онъ высланъ и по секрету отвезенъ за границу; наконецъ, что, не доѣзжая до Кенигсберга, онъ застрѣлился.

Начавъ учиться въ семинаріи и окончивъ, какъ говорится, науки въ университетѣ, я нерѣдко сравнивалъ себя съ собою же съ концевъ промежутка между семинаріею и университетомъ. Изъ семинаріи вышелъ я съ благоговѣніемъ къ Евангелію и ученію церкви, съ покорностію начальству и не отъ страха, а по чувству необходимости въ руководствѣ,

съ привычкою къ нуждѣ, съ равною охотою къ ученію и къ исполненію обязанности, въ чемъ бы она ни состояла. Въ университетѣ семинарское сѣмя, не скажу, чтобы совсѣмъ засохло во мнѣ; но по мѣрѣ развитія во мнѣ круга понятій странныя мечты вкрадывались въ голову. Составилась во мнѣ прежде всего забавная самонадѣянность; не только я умѣлъ бы самъ вездѣ ходить безъ помочей, но и другихъ водить. Семинарскаго ученія въ мое время была рѣшительно одна цѣль, приготовленіе молодыхъ людей къ духовному званію. Меня къ тому не готовили, но я шелъ со всѣми по одной и той же тропѣ; другой въ томъ мѣстѣ тогда еще не было. Въ университетѣ никто изъ насъ, за исключеніемъ медицинскаго факультета, не имѣлъ опредѣлительной цѣли, хотя и то правда — не знаешь, куда Богъ поведетъ. Всѣ мы просвѣщались, приготовляли себя, думали и не на шутку, — къ го-

сударственной службѣ, и чѣмъ болѣе хвалили насъ за прилежаніе и успѣхи, тѣмъ болѣе мечтали мы о себѣ. Смѣешься теперь надъ этими юношескими мечтаніями, а они не всегда безъ послѣдствій, не вѣтромъ и наносятся. Много ли молодыхъ людей съ здравымъ, холоднымъ и разборчивымъ смысломъ, способныхъ не вдругъ поддаваться первому впечатлѣнію отъ того, что̀ видятъ и слышатъ? Въ жаръ бросало не одного меня, когда бывало, наши профессора — мастера на это Нѣмцы — вызывая тѣни Грековъ и Римлянъ, съ силою и властію, славословили ихъ высокую мудрость, ихъ несравненныя, въ безсмертный примѣръ человѣчеству, доблести, сами приходили и насъ приводили въ восторгъ, отъ чего въ воображеніи нашемъ заараждались пустыя надежды, безразсудныя притязанія, а сердце между тѣмъ оставалось безъ пищи. Такъ одинъ изъ моихъ товарищей студентовъ увѣдомлялъ меня въ

Декабрѣ 1796 г. о царской милости университету: послѣдовало высочайшее повелѣніе пригласить на службу 12 изъ казенныхъ студентовъ и немедленно прислать ихъ въ Петербургъ. Вызвались отличнѣйшіе по успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, въ томъ числѣ и корреспондентъ мой, по письму котораго приглашеніе на службу по высочайшему повелѣнію обѣщало имъ горы золотыя. Пріѣхавъ въ столицу, я отыскалъ шестерыхъ изъ нихъ,—гдѣ же? въ холодныхъ, сырыхъ и темныхъ подвалахъ огромнаго зданія: то была канцелярія С. Петербургскаго тогда коменданта барона А. А. Аракчеева. Унылые, блѣдные, въ унтеръ-офицерскихъ доспѣхахъ, они переписывали на бѣло формулярные списки нижнихъ воинскихъ чиновъ, и не забыть мнѣ отчаянія, съ которымъ они, не смѣя оторваться отъ дѣла, подъ надзоромъ стараго безпощаднаго капрала, томными глазами высказывали все, что̀

было у нихъ на сердцѣ; недолго и пожили на бѣломъ свѣтѣ.

Въ это время, 1793—1796, Московскій университетъ, еще до пятидесятилѣтія своей жизни, былъ уже въ славѣ, и справедливо; но и нѣкоторые недостатки его не укрывались. По себѣ сужу, а чай не согрѣшилъ бы, сказавъ тоже и о сотоварищахъ: между тѣмъ, какъ я, приготовляя себя ко всему, порядочно ни къ чему себя не подготовилъ; изучалъ исторію Грековъ, Римлянъ, другихъ народовъ, ихъ законы, религію, нравы, внутреннія учрежденія, междоусобныя несогласія, раздоры, войны, увлекался разсказомъ, какъ и отъ чего эти колоссы и потрясались и падали; восхищался Виргиліемъ, Гораціемъ, Тацитомъ, переходилъ отъ одного къ другому возрасту мудрованія ума человѣческаго, скитался такимъ образомъ, можетъ быть и не совсѣмъ тщетно, все же за рубежемъ, въ чужихъ краяхъ: — съ роднымъ отече-

ственнымъ краемъ, и не только съ Русскою исторіею, но съ Русскою землею, съ Русскими рѣками и морями былъ я знакомъ такъ мало, поверхностно, что если бы велѣли намъ тогда описать битву Русскихъ съ Татарами на Куликовомъ полѣ, я охотнѣе согласился бы описать Пуническія войны. Каѳедра Русской исторіи тогда ожидала еще профессора. По Русскому законодательству мы были на рукахъ г. Горюшкина, славившагося тогда въ Москвѣ всеобъемлющимъ законовѣдѣніемъ, разумомъ въ сочиненіи прошеній и практическимъ знаніемъ примѣнять законъ къ данному случаю. Подъ руководствомъ его можно было выучитьси писать прошенія на высочайшее имя по изданной формѣ и по пунктамъ. Если дозволено назвать это недостатками, то нельзя не принять въ уваженіе, что тогда не было еще ни Русской исторіи Карамзина, ни Пол-

наго Собравія, ни Свода законовъ, ни лицеевъ, ни училища правовѣдѣнія.

*

Три года я прожилъ въ Москвѣ у почтеннаго Харитона Андрѣевича Чеботарева. Иванъ Владиміровичъ не рѣдко навѣщалъ меня, а я во всѣ свободные отъ ученія дни къ нему приходилъ и оставался у него съ утра до вӗчера. Живъ еще былъ отецъ его Владиміръ Ивановичъ, генералъ-поручикъ, кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, тогда почти столѣтній старикъ, лишившійся зрѣнія, но не чудесной памяти. Иванъ Владиміровичъ представилъ меня почтенному старцу:—позволилъ мнѣ входить къ нему, узнавалъ меня по походкѣ, называлъ Ѳедюшею.

Дневникъ мой начинался съ того немногаго, что̀ удалось мнѣ слышать отъ Владиміра Ивановича. Царицу Евдокію Ѳедоровну онъ называлъ своею теткою и разсказывалъ о ней бри-

гадиру Ртищеву (*), при чемъ и я былъ, два случая.—Петръ Алексѣевичь, однажды порядочно покутивъ съ пріятелями въ с. Преображенскомъ, возвращался въ Кремль гораздо за полночь по Покровкѣ, мимо дома князя Репнина, старика что̀ былъ начальникъ Сибирскаго Приказа. Сыновья Репнина были съ Царемъ. «Завернуть бы къ отцу», молвилъ Петръ Алексѣевичь. Побѣжали, встревожили старика; встрѣтилъ Царя съ радушіемъ и честію, потчивалъ завѣтнымъ виномъ, съ почетомъ и до воротъ проводилъ. Были на ту пору съ Царемъ и два князя Голицыны, изъ которыхъ одинъ Царицѣ не доброхотствовалъ. Не обошлось и въ Кремлѣ безъ шума и крика. Петръ Алексѣевичь хотѣлъ войти къ Царицѣ; испугалась и заперлась. «Что за сокровище? сказалъ тотъ недоброхотъ. Не въ первый разъ

(*) Въ послѣдствіи главнокомандующій на Кавказѣ въ 1809 г., сенаторъ въ Москвѣ.

говорю,—брось ее». Скоро и одѣли ее въ чернецкую рясу. Репнинъ пожурилъ сыновей и не словомъ только, а по власти родительской, за безчестье, что завели въ домъ къ нему Царя въ такой часъ и въ такомъ видѣ, а Царю написалъ, что за честь ему сдѣланную онъ положилъ обѣтъ на себя—ни шагу не ступить, пока живъ, изъ дома.

На душу Петру Алексѣевичу по временамъ находила такая черная туча (правду сказать, было отъ чего) что онъ запирался и никого не допускалъ къ себѣ. Въ такіе припадки, не сказавъ никому ни слова, онъ два раза ѣздилъ въ Ладожскій монастырь, что̀ на Волховѣ, куда перевезена была Царица-монахиня, видѣлся съ нею, часа по два просиживалъ въ келіи, привозилъ ей и денегъ по двѣ тысячи рублей. Въ третій разъ также и туда же пріѣхалъ, остановился у монастырскихъ воротъ, не выходилъ изъ экипажа, призадумался, постоялъ

и крикнулъ: назадъ!—Царевича Алексѣя Петровича Владиміръ Ивановичъ называлъ внучатнымъ своимъ братомъ. Между мужемъ и женой, между отцемъ и сыномъ, Богъ судія *).

---

*) У покойнаго Константина Матвѣевича Бороздина читалъ я подлинный въ продолженіи десяти лѣтъ журналъ или дневникъ маіора отъ воротъ Петропавловской крѣпости, гдѣ все происходившее въ ней кратко записывалось: письмо во всей книгѣ одинаковое, старинное. Въ журналѣ этомъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ записано четыре раза такимъ образомъ: „Привезенъ (мѣсяцъ и число) въ крѣпость Е. В. царевичь Алексѣй Петровичь и посаженъ въ равелинъ. Спустя три дня, пріѣхали въ крѣпость въ началѣ 10-го часа по утру Е. В. Царь, е. с. князь Меньшиковъ, съ ними еще десять особъ; всѣ пошли въ равелинъ, и былъ малый застѣнокъ; уѣхали въ полдень. Черезъ три дня послѣ того опять прибыли въ крѣпость — Царь, князь Меньшиковъ и тѣже десять особъ; пошли прямо въ равелинъ, и былъ также малый застѣнокъ; уѣхали въ полдень. Черезъ три же дня опять пріѣхали въ крѣпость Е. В. Царь, е. с. князь Меньшиковъ, прежніе десять и другихъ еще немало особъ. Пошли въ равелинъ, и былъ большой застѣнокъ; уѣхали гораздо за полдень. Въ 6 часовъ по-

Царя бояринъ описывалъ такъ. Виденъ собою и высокъ былъ Петръ Алексѣевичь, выше всѣхъ насъ и не однимъ только ростомъ. Любо было смотрѣть на него, когда былъ веселъ, и снявъ шляпу здоровался; голосъ былъ пріятный и звучный; волосы по лбу разсыпàлись; изъ очей умъ да огонь искрами сыпались; подаритъ бывало, какъ посмотритъ на кого съ ласкою; а на кого взглянетъ гнѣвно, да еще губы сожметъ, у того вся душа, говорили, въ пятку уходила. Я при немъ началъ только служить. Былъ онъ строгъ, но и трудолюбивъ, не щадилъ себя, покоя себѣ не давалъ.

Помѣщаю здѣсь часть того, чтò слышалъ отъ стараго Русскаго боярина и чтò сбереглось въ юношескомъ моемъ дневникѣ; или лучше пусть

полудни того же дня царевичь Алексѣй Петровичь предалъ духъ Богу. На другой день съ ранняго утра до поздняго вечера Царь изволилъ пировать у е. с. князя Меньшикова".

бояринъ самъ говоритъ: это живыя картины вѣка его.

На Сухаревой башнѣ пробилъ адмиральскій часъ. Сказали Петру Алексѣевичу, что адмиралтейскій поставщикъ Исаевъ просилъ поднести Его Величеству чарку своей сосновки. Не одна сосновка была на завтракѣ. Государь уходилъ, Исаевъ въ ноги: «Солнышко ты наше, удостой и щей похлѣбать у раба твоего». Пошли къ нему и обѣдать. За столомъ служилъ хозяинъ съ сыномъ Ильею. По обѣдѣ, Петръ Алексѣевичь приподнялъ со лба волосы у молодаго Исаева, посмотрѣлъ ему въ глаза, замѣтилъ что-то въ записной своей книжкѣ и сказалъ Ильѣ: «работай, да отца слушайся»; а отцу: «спасибо за хлѣбъ-за соль, хозяинъ»; ушелъ. Минулъ не одинъ годъ; взяли мы Ригу. Московскій тогдашній начальникъ получаетъ съ нарочнымъ приказъ отыскать Илью Исаева и тотъ часъ выслать его въ Ригу. Пріѣхалъ

Илья. Государь велѣлъ магистрату собраться. Пришли всѣ въ парикахъ. Выходитъ Петръ Алексѣевичь изъ одной, и въ тоже время въ другую дверь входитъ Исаевъ. «Здравствуй г. оберъ-биргермейстеръ всѣхъ Россійскихъ магистратовъ,» сказалъ ему Царь. Ему нуженъ былъ въ Ригѣ свой человѣкъ, а такъ и Нѣмцевъ онъ не обидѣлъ. Послѣ Исаевъ былъ и начальникомъ Рижской таможни. Петръ Алексѣевичь крестилъ у него всѣхъ дѣтей и каждый разъ давалъ или присылалъ по рублю на зубокъ. Имѣлъ онъ въ Ригѣ водочный заводъ и составилъ было себѣ нескудное состояніе, да въ проѣздъ Царевича черезъ Ригу далъ ему немало казенныхъ денегъ; въ царской опалѣ за то не былъ, а деньги долженъ былъ всѣ въ казну воротить, отъ чего разстроился такъ, что въ приданое дочери, супругѣ Владиміра Ивановича, сберегъ только нитку изумрудовъ. Эти изумруды проданы за шесть ты-

сячь рублей. Владиміръ Ивановичь приложилъ къ нимъ 2 т. руб., купилъ въ царствованіе Анны Іоанновны за 8 т. руб. село Ретяжи въ Кромскомъ уѣздѣ; въ царствованіе Александра Павловича оно продано Аникіеву съ публичнаго торга за 960 т. рублей.

Привезли Петру Алексѣевичу стальныя Русскія издѣлія; показывалъ ихъ послѣ обѣда гостямъ и хвалилъ отдѣлку: не хуже-де Англійской. Другіе вторили ему, а Головинъ-Басъ, тотъ, что̀ въ Парижѣ дивился, какъ тамъ и ребятишки на улицахъ болтали пофранцузски, посмотрѣвъ на издѣлья, покачалъ головою и сказалъ: хуже. Петръ Алексѣевичь хотѣлъ переувѣрить его; тотъ на своемъ стоялъ. Вышелъ изъ терпѣнія Петръ Алексѣевичь, схватилъ его за затылокъ и, приговаривая три раза «не хуже», далъ ему въ спину инструментомъ три добрыхъ щелчка, а Басъ три же раза твердилъ свое «хуже». Съ тѣмъ и разошлись.

Этотъ же Головинъ, когда правилъ за генералъ-провіантмейстера, не утвердилъ на торгахъ цѣны на провіантъ; состоялась по 35 или по 40 коп. за четверть, а онъ, вишь, хотѣлъ купить еще дешевле. Положено вновь быть торгамъ. Петръ Алексѣевичь келейно позвалъ къ себѣ поставщиковъ и приказалъ имъ просить по 60 коп. за четверть. Волосы на себѣ рвалъ Головинъ, а долженъ былъ доложить Государю. Въ третій разъ торгъ, а Петръ Алексѣевичь келейно же велѣлъ поставщикамъ просить не ниже 75 коп. за четверть. Басъ разшумѣлся. Зашелъ на тотъ часъ въ коммисію Петръ Алексѣевичь и спросилъ, о чемъ рѣчь; пожалѣлъ, что казна заплатитъ за хлѣбъ въ тридорога; да не быть же войску безъ хлѣба: велѣлъ утвердить цѣну по 75 коп. за четверть. А Головина взялъ съ собою обѣдать. «Спасибо, Басъ, за усердіе, сказалъ ему; да вотъ что: дешевая отъ казны закупка хлѣба

не всегда-то такъ хороша и полезна, какъ думается».

Молодые дворяне посланы учиться въ Венецію, а оттуда въ Голландію; воротились въ зимнее время, пришли къ Государю въ 6-ть часовъ утра; со свѣчею въ рукахъ ползалъ по картѣ; распрашивалъ ихъ, остался доволенъ. Просились къ матерямъ на побывку. «Нельзя, время военное, отпуски запрещены, а вы въ службѣ по флоту; буду однако ходатайствовать»—и велѣлъ имъ идти въ Адмиралтействъ-коллегію. Пришелъ самъ гораздо послѣ 8-ми часовъ. «Поздненько, Петръ Алексѣевичь, поздненько», сказалъ генералъ-адмиралъ.—«Дѣла были, ваше сіятельство».—«То особь-статья, а здѣсь по регламенту. Садись, Петръ Алексѣевичь. Да что тамъ за молодцы? Ты-де прислалъ ихъ.» Объяснилъ, кто они: учились-де хорошо и вели себя честно; доложилъ о просьбѣ ихъ повидаться съ родными; взяты-де почти силою отъ матерей. «Нельзя,

Петръ Алексѣевичь; самъ знаешь, Государь запретилъ теперь отпуски.»—«Государь на это слова не скажетъ». —Не онъ, такъ дубинка заговоритъ». «Да не угодно ли будетъ вашему сіятельству зачислить ихъ въ штатъ къ себѣ?»—«На что они мнѣ?» И молвилъ генералъ-адмиралъ что-то на ухо секретарю; велѣлъ потомъ молодымъ людямъ войти въ присутствіе. «Похваляютъ васъ, сказалъ имъ, что и учились хорошо и не буянили. За то я всѣхъ васъ беру въ штатъ къ себѣ. Не хотите ли у родныхъ побывать? Съ Богомъ! А черезъ 28 дней сюда на службу».

Шереметевъ подъ Ригою захотѣлъ поохотиться. Былъ тогда въ нашей службѣ какой-то принцъ съ поморья, говорили, изъ Мекленбургіи. Петръ Алексѣевичь ласкалъ его. Поѣхалъ и онъ за фельдмаршаломъ. Пока дошли до звѣря, принцъ распрашивалъ Шереметева о Мальтѣ; какъ же не отвязывался и хотѣлъ знать, не ѣз-

дилъ ли онъ еще куда изъ Мальты, то Шереметевъ провелъ его кругомъ всего свѣта: вздумалось-де ему объѣхать ужъ всю Европу, взглянуть и на Царьградъ, и въ Египтѣ пожариться, посмотрѣть и на Америку. Румянцовъ, Ушаковъ, принцъ, обыкновенная бесѣда государева, воротились къ обѣду. За столомъ принцъ не могъ довольно надивиться, какъ фельдмаршалъ успѣлъ объѣхать столько земель. «Да, я посылалъ его въ Мальту.»—«А оттуда гдѣ онъ ни былъ!» И разсказалъ все его путешествіе. Молчалъ Петръ Алексѣевичъ, а послѣ стола, уходя отдохнуть, велѣлъ Румянцову и Ушакову остаться; отдавая потомъ имъ вопросные пункты, приказалъ взять по нимъ отвѣтъ отъ фельдмаршала, между прочимъ: отъ кого онъ имѣлъ отпускъ въ Царьградъ, въ Египетъ, въ Америку? Нашли его въ пылу разсказа о собакахъ и зайцахъ. «И шутка не въ шутку; самъ иду съ повинною головою», ска-

залъ Шереметевъ. Когда же Петръ Алексѣевичь сталъ журить его за то, что такъ дурачилъ иностраннаго принца: «Дѣтина-то онъ больно плоховатый, отвѣчалъ Шереметевъ; не куда было бѣжать отъ спросовъ. Такъ слушай же, подумалъ я, а онъ и уши развѣсилъ».

Знаешь ли ты старика Нефедьева, что̀ живетъ у Измайлова? Не разсказывалъ онъ, какая бѣда приключилась ему въ молодости на часахъ во дворцѣ при Аннѣ Іоанновнѣ? Императрица, вишь, любила Японскій фарфоръ; въ залѣ, гдѣ онъ былъ поставленъ, Нефедьеву досталось стоять на часахъ: умеръ было со скуки. Поставили его на часы въ другой разъ въ той же залѣ; скуки ради взялъ съ собою мячикъ и игравши въ фарфоръ угодилъ; не мало разбилось. Шалунъ спряталъ мячикъ и ждалъ смѣны, какъ ни въ чемъ не бывало. Пошелъ розыскъ. «Бѣгала крыса, топнулъ ногою, крыса на горку, все и рухнулось на

полъ». Такъ доложили и Государынѣ. Не повѣрила, велѣла отыскать виноватаго. Сколько ни суетились, все таже крыса — воровка. Императрица приказала привести къ себѣ часоваго. «Кто разбилъ фарфоръ? говори правду», сказала ему и пригрозила. «Я разбилъ, Ваше Величество.» — «Какъ?» «Скуки ради игралъ въ мячикъ, а онъ въ фарфоръ угодилъ.» — «Гдѣ же мячикъ»? — «Здѣсь», и сталъ разстегивать штаны. Генералъ-адъютантъ схватилъ его за руку. «Не мѣшайте ему, когда сами не умѣли дознать. Вотъ тебѣ десять рублей за то, что признался, а впередъ не лги и на часахъ не шали.»

Пріѣхалъ графъ Ѳ. А. Остерманъ. Владиміръ Ивановичь велѣлъ извиниться по немощи. «Случалось ли тебѣ видѣть Остермана? спросилъ меня. — «Не одинъ разъ въ Успенскомъ соборѣ.» — «Человѣкъ онъ хорошій, да говорятъ забывается. Но онъ, да и братъ его далеко не то, что̀ былъ

отецъ ихъ. Тотъ былъ Нѣмецкій студентъ и принялся къ нашему вицъ-адмиралу, тоже Нѣмцу, дневникъ писать. На кораблѣ фриштикъ былъ для Петра Алексѣевича. Поѣвши, Государь сошелъ отдохнуть. Тутъ между денщикомъ его и Остерманомъ на палубѣ дошло до драки. Русскій, разумѣется, не въ грязь же ударилъ. Выходитъ Петръ Алексѣевичь. Остерманъ къ нему съ жалобою: дай, вишь, ему сатисфакцію. Петръ Алексѣевичь, сказавъ ему: «пьяное дѣло!» приподнялъ со лба у него волосы, посмотрѣлъ ему въ глаза и скоро затѣмъ взялъ его къ себѣ, вывелъ въ люди. Былъ онъ человѣкъ разумный и на все гожъ; да послѣ Петра Алексѣевича онъ, почитай, все и дѣлалъ, пока высоко стоялъ. Потомъ ему гораздо не посчастливилось. Въ свою пору онъ иногда и лукавилъ. Лучше было ему не идти, куда звали, — подагра не пускала; не подписывать, что̀ подавали,—отъ хирагры пальцы

окостенѣли. А принималъ онъ у себя ужъ впрямь по нѣмецки, обыкновенно по вечерамъ. Иной былъ у него сто разъ, а все не слыхалъ, какъ онъ говорилъ. Въ углу пріемной комнаты стоялъ карточный столъ и три стула: за тѣмъ ни стола, ни стула. Хозяинъ, вышедши къ гостямъ и на всѣ четыре конца раскланявшись, отмѣнно ласково, но безсловесно, садился играть въ карты съ сыновьями и то безъ денегъ. Кончалась партія, кланялся также во всѣ четыре конца и уходилъ.

Въ семилѣтнюю войну, говорилъ старикъ бояринъ, не одинъ былъ главнокомандующій: былъ и Бутурлинъ, а старшимъ по немъ аншефъ Лопухинъ, Василій Абрамовичъ, которому тетка наша Царица Евдокія Ѳедоровна отдала большой бриліантъ, приготовленный не той-другой невѣстѣ Петра Алексѣевича II на день свадьбы. Знатный былъ генералъ Василій Абрамовичъ, солдатъ любилъ, какъ дѣ-

тей. Приходитъ вѣсть изъ авангарда, что Пруссакъ неожиданно поднялся. Лопухинъ полетѣлъ прямо въ пылъ сраженія, раненъ и въ плѣнъ взятъ. «Вставай въ одинъ голосъ! закричали солдаты, вставай живые и мертвые: отецъ нашъ въ полону». Плѣннаго отбили и непріятеля прогнали. Василій Абрамовичъ умеръ отъ раны на полѣ сраженія. И Калмыки покупали свѣчи и отправляли по немъ панихиды.

Князь Голицынъ, что̀ послѣ Хотинъ взялъ, командовалъ въ эту войну отдѣльнымъ отрядомъ. Вино, не отъ своихъ маркитантовъ, рѣкою разлилось въ его корпусѣ; люди съ кругу спились, плохо и слушались. Голицынъ не зналъ, что̀ дѣлать; не могъ ли, не умѣлъ ли унять пьянства; боялся между тѣмъ нападенія и звалъ на помощь къ себѣ Петра Румянцова съ корпусомъ. Тотъ, узнавъ, что дѣло плоховато, не торопился. Голицынъ самъ поскакалъ къ нему, а Пруссаки

тутъ-то и разшевелились. Солдаты опомнились. Смотри пожалуй, что затѣялъ Ѳедоръ Ѳедоровичь! Выстроились стѣною, въ штыки ударили и за попойку разбили Пруссаковъ на голову. Но донесеніе о пьянствѣ, ослушаніи въ корпусѣ и о медленности Румянцова давно ушло: хотѣли отдать весь корпусъ подъ судъ; но по извѣстію о побѣдѣ «побѣдителя не казнятъ», сказала Императрица; чтобы однако же знали, чему подвергались, велѣла послать генерала. Посланъ Замятинъ прочитать передъ каждымъ полкомъ келейно артикулы. Румянцова позвали въ Питеръ, гдѣ онъ попалъ было въ руки князя Никиты Трубецкаго. Тотъ проучилъ бы его посвойски, если бы пріятели не отправили его скорѣе обратно въ армію.

Этотъ князь Никита былъ съ грѣхомъ пополамъ. Лопухинымъ, мужу и женѣ, урѣзали языки и въ Сибирь сослали ихъ по его милости; а когда

воротили ихъ изъ ссылки, то онъ изъ первыхъ прибѣжалъ къ нѣмымъ съ подзравленіемъ о возвращеніи. По его же милости и Апраксина, фельдмаршала, параличь разбилъ. Въ семилѣтнюю войну и онъ былъ главнокомандующимъ. Оттуда (за что, то ихъ дѣло) перевезли его въ подзорный дворецъ, что̀ у Трехъ Рукъ, и тамъ былъ надъ нимъ кригсъ-ратъ, а презусомъ въ немъ князь Никита. Содержался онъ подъ присмотромъ капрала. Елисавета Петровна (такая добрая, что однажды, завидѣвъ гуртъ быковъ, и на спросъ, куда гнали, услышавъ, что гнали на бойню, велѣла воротить его на Царскосельскіе свои луга, а деньги за весь гуртъ выдала изъ Кабинета) ѣдучи въ Петербургъ, замѣтила какъ-то Апраксина на крыльцѣ подзорнаго и приказала не медля кончить его дѣло, и если не окажется ничего новаго, то объявить ему тотъ часъ и безъ доклада ей монаршую милость. Пре-

зусъ надоумилъ ассесоровъ, что когда по допросѣ онъ скажетъ имъ «приступить къ послѣднему», то это и будетъ значить объявить монаршую милость. «Чтожъ, господа, приступить бы къ послѣднему?» Старикъ отъ этого слова затрясся, подумалъ, что станутъ пытать его и скоро умеръ.

Комедія была, какъ Салтыковъ, Петръ Семеновичь, прибылъ въ армію. Взялъ команду отъ Фермора. Этотъ былъ строгій начальникъ, боялись его, да между нимъ и меньшими властями было не такъ-то и ладно. Салтыковъ любилъ псовую охоту, послалъ въ походъ и собакъ; самъ пріѣхалъ въ лагерь ночью. По утру командиры собрались къ ставкѣ главнокомандующаго. Къ нему между тѣмъ вводили собакъ одну за другою. Громкимъ голосомъ онъ называлъ одну спѣсивою, другую капризною, ту упрямою, другую безмозглою; всѣхъ такъ перебралъ и, сказавъ имъ нраво-

ученіе, пригрозилъ, если не образумятся. Потомъ вышелъ и со всѣми обнимался. Имѣяй уши слышати да слышитъ. А солдаты полюбили его вотъ съ чего. Осматривая мѣста, онъ завидѣлъ въ глубокомъ оврагѣ солдатъ: добыли быка и работали, кожу сдирали. Подъѣхавъ, онъ закричалъ имъ: убирайтесь скорѣе, ребята, не то Фермору скажу. И пошло по всему войску: Отецъ ты нашъ родной Петръ Семеновичъ! Рады стараться.

Молва была про Петра Семеновича, яко бы онъ, когда Екатерина Алексѣевна за Московскую чуму уволила его отъ службы, всеподданнѣйшимъ письмомъ просилъ Ея Величество приказать принять отъ него обратно въ казну жалованье и все, что̀ получалъ онъ деньгами со дня ея царствованія. Шесть мѣсяцовъ, говорили, письмо лежало на царскомъ столѣ; потомъ въ каминъ пошло.

«Я попалъ въ армію какъ куръ во щи», говорилъ Владиміръ Ивано-

вичъ. Сидѣлъ я по очереди въ Военной Коллегіи. Зашелъ къ намъ Петръ Ѳедоровичъ. «Тебѣ ли, собака (милостивое слово его) бумагу марать? Ступай въ армію». На другой день и указъ. Пока я пособрался, стали звать меня на обѣды и на куртаги. Въ одинъ день за столомъ шумно было; послѣ обѣда въ руки намъ трубки съ предлинными чубуками, и пошли мы за Петромъ Ѳедоровичемъ на другую половину. Случись, что въ комнатѣ, чрезъ которую надо было проходить намъ, у камина стояла Екатерина Алексѣевна. Петръ Ѳедоровичъ подошелъ къ ней, сказалъ ли что или ничего не сказалъ, а раскланялся. Всѣ за нимъ, а я у дверей позамялся, не зналъ что дѣлать съ собою и съ трубкою. Замѣтила, подозвала меня къ себѣ и молвила: «Цѣню вашу деликатность, Владиміръ Ивановичъ; видите житье мое», и велѣла идти за Государемъ. Въ другой разъ Петръ Ѳедоровичъ на куртагѣ усердно игралъ съ музыкантами на

скрипкѣ, а Екатерина Алексѣевна въ карты играла. Подошелъ я къ столу. «Скоро ли въ армію?» спросила меня. «Не пригоже бы мнѣ, отвѣчалъ я, дѣтей-сиротъ покидать». «Надобно дѣлать, что̀ Государь велитъ», и прибавила: «Не надолго, Владиміръ Ивановичъ».

Пріѣхалъ я въ армію, бывалъ и обѣдывалъ у короля. Какъ я кромѣ Русской грамоты ни покаковски не учился, то король выучилъ для меня комплиментъ, и гдѣ ни встрѣчалъ меня, всегда бывало спрашиваетъ: здоровы ли ваше превосходительство? Репнинъ потомъ говорилъ, что когда онъ объявилъ королю о кончинѣ Петра Ѳедоровича, то онъ только и сказалъ ему: «прощай комплиментъ мой».

Захаръ Чернышевъ, не помню по какому случаю, показывалъ королю свой корпусъ: оба, за ними и штабы, скакали, какъ угорѣлые, прыгали черезъ канавы и рытвины. Я отсталъ и объѣхалъ. Король сталъ

подшучивать. «Скажи его величеству, просилъ я Захара, что у него нѣтъ, какъ у меня, ни Петруши, ни Ванюши». По неволѣ замолчишь, отвѣтилъ король.

Скоро затѣмъ велѣно войскамъ воротиться изъ Пруссіи. Захаръ ускакалъ въ Петербургъ, а корпусъ вести мнѣ поручилъ. Былъ онъ человѣкъ разумный и мнѣ хорошій пріятель, да такой живчикъ, такой скороговорка; чего онъ ни насказалъ мнѣ, какъ вести корпусъ; прислалъ къ тому еще и толстый пакетъ за печатью съ инструкціею. Случись въ Москвѣ мирное торжество послѣ Турецкой войны; позвалъ я пріятелей на обѣдъ къ себѣ, былъ и Захаръ. Зашла рѣчь о семилѣтней войнѣ. Нельзя же было ему не вспомнить, въ какомъ порядкѣ его корпусъ воротился домой по инструкціи. Не вытерпѣлъ я и вынесъ ему толстый пакетъ его нераспечатанный. «Смотри, Захаръ Григорьевичъ, какъ я

сберегъ командирскую печать?» — «Это что?» «Въ томъ то и дѣло, что твой пакетъ съ инструкціею охранно лежалъ у меня, а корпусъ я и безъ нея привелъ по добру по здорову. Вольно было столько писать! Спросилъ бы меня, стану ли читать». Не мало хохотали.

Елизавета Петровна посылала гвардіи офицера къ Миниху въ Сибирь спросить о здоровьѣ; послала ему съ нимъ и шесть тысячь рублей; сомнѣвалась, приметъ ли Минихъ деньги, и крѣпко наказывала офицеру поступить, какъ съумѣетъ, только не ворочаться съ отказомъ и съ деньгами. Тотъ сказалъ офицеру раздѣлить привезенныя деньги на три равныя части; послалъ между тѣмъ за приходскимъ священникомъ. «Вотъ вамъ, батюшка, сказалъ ему, двѣ тысячи рублей для васъ и для бѣдныхъ; другія двѣ тысячи вамъ, г-нъ офицеръ, за поѣздку; а мнѣ и остальныхъ двухъ тысячь много на непредвиди-

мые случаи. Спасибо Императрицѣ за память; со мною же, доложите, все-де по добру по здорову».

Важная оказія была, разсказывалъ Владиміръ Ивановичъ, какъ Минихъ воротился изъ ссылки. Сбѣжались во дворецъ, какъ на праздникъ. Смотримъ: входитъ Минихъ въ залу въ солдатской шинели, но съ такимъ же спокойнымъ, горделивымъ и величавымъ лицомъ, съ какимъ являлся главнокомандующимъ передъ войсками. Голубыя и красныя ленты разступились передъ нимъ съ низкимъ поклономъ; языкъ у всѣхъ насъ отнялся: такая сдѣлалась тишь. Онъ сѣлъ, а мы всѣ поодаль около сжались. Переходилъ онъ глазами отъ одного къ другому изъ насъ; неожиданно меня къ себѣ подозвалъ. «Г. Лопухинъ, — не ошибаюсь? Вы уже въ генеральскомъ мундирѣ!» Я служилъ подъ нимъ маіоромъ; зналъ меня и жаловалъ. Вдругъ выбѣжалъ къ нему изъ кабинета Гудовичь Ан-

дрей. Пошелъ нашъ Минихъ за нимъ также спокойно и величаво; пробылъ въ кабинетѣ болѣе часа, вышелъ оттуда въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, въ голубой лентѣ, но все съ тѣмъ же лицемъ, ни печальнымъ, ни радостнымъ, и все также спокойно и величаво смотрѣлъ, какъ ему челомъ чуть объ полъ не били, когда адъютанты Государевы провожали его до золотой кареты.

*

Не забыть мнѣ счастливыхъ часовъ, которые проводилъ я въ свободное время въ гостинной престарѣлаго Русскаго боярина или съ своимъ благодѣтелемъ. Иванъ Владиміровичъ любилъ пѣшкомъ ходить; здоровье его того требовало. Любимыя его мѣста прогулки въ теплое время были Симоновъ монастырь и Воробьевы горы. Отсюда онъ иногда заѣзжалъ къ гр. Алексѣю и Ѳедору Орловымъ, и не выходилъ отъ нихъ безъ благопріобрѣтенія.

Въ этихъ Запискахъ вообще я хотѣлъ изъ всего, чтò видѣлъ и слышалъ, отчасти чтò и со мною случалось, помѣстить немногое и изъ немногаго лишь то, чтò можетъ болѣе или менѣе обозначать духъ различныхъ промежутковъ времени.

Въ первую Турецкую войну при Екатеринѣ большая нужда была въ деньгахъ, разсказывалъ графъ Өедоръ Орловъ; о Голландскомъ займѣ шли переговоры, въ успѣхѣ не было сомнѣнія, все же деньги были еще не на лицо, а отъ гр. Румянцова между тѣмъ приходили обычныя скорби и жалобы его на злодѣйства и козни враговъ: они-де остановкою въ деньгахъ искали его погибели. Императрица поручаетъ гр. Өедору Орлову спросить Демидова, нельзя ли перехватить у него миліона четыре рублей. Призываетъ конторщика. Тотъ говоритъ, что въ кассѣ всего только два съ половиною миліона. Велитъ сходить къ Володимірову и у него взять

полтора миліона. «Такъ и будетъ четыре, продолжалъ Демидовъ, только не для Императрицы; для нея нѣтъ у меня ни алтына. Такой у меня искони бѣ, видишь, норовъ: ни гроша тому, кто можетъ посѣчь меня. Ты, Ѳедоръ Григорьевичъ, пожалуй возьми себѣ на перехватъ четыре миліона рублей и безъ процентовъ, только смотри, назначь самъ себѣ день, часъ и минуту, когда воротишь мнѣ деньги, а до того, для повѣрки, твои часы у меня, мои у тебя останутся. Не воротишь денегъ въ тотъ день, часъ и минуту, какъ самъ назначишь, деньги твои, я уже не возьму ихъ; за то созову къ себѣ своихъ, а ты приведешь ко мнѣ своихъ пріятелей, и я при всѣхъ ихъ дамъ тебѣ три оплеухи за то, что слова не сдержишь. Не хочешь такъ: Богъ съ тобою». Графъ не тотчасъ согласился на условіе, и то по убѣжденію Императрицы. Назначили достаточный срокъ; деньги ранѣе при-

шли изъ Голландіи; но Демидовъ не принялъ своихъ до заповѣдной минуты.

Знаменитый въ свое время начальникъ полиціи въ Москвѣ былъ очень вхожъ въ домъ къ гр. Алексѣю Орлову. Подмѣтили и графу сказали, что онъ былъ шпіономъ за нимъ отъ князя Потемкина. Не повѣрилъ; сталъ однакоже всматриваться; вышелъ потомъ изъ терпѣнія и однажды послѣ обѣда повелъ гостя въ кабинетъ къ себѣ. Сѣли одинъ противъ другаго къ столу, на которомъ лежали два пистолета. Графъ велѣлъ ему выбрать, какой онъ хотѣлъ, пистолетъ, взялъ у него, выстрѣлилъ и, пробивъ пулею стѣну перегородки: «Видишь, сказалъ ему, другая пуля такъ пойдетъ тебѣ въ сердце, если не скажешь правды: шпіонъ ли ты за мной отъ Потемкина?» Признался и выболталъ всю подноготную. «Простилъ я проказника, говорилъ графъ, и приказалъ ему быть издали шпіо-

номъ отъ меня за Потемкинымъ. Докладывалъ не лишнее.»

Съ признательностію вспоминаю о добромъ, умномъ и любезномъ нашемъ тогда врачѣ Я. И. Зумблатѣ. Слылъ франъ-масономъ. По христіанской любви къ ближнему, онъ былъ ея жертвою въ помощи страждущимъ, которыхъ на рукахъ у него было множество. Отъ больнаго привезли его ночью домой и на смертный одръ. Такъ, какъ онъ умеръ, умираютъ съ вѣрою во Христа лишь праведники.

Два здѣсь изъ многихъ его разсказовъ. Въ Охотномъ ряду въ Москвѣ жили въ старинномъ боярскомъ домѣ три брата Юрьевы. Зумблатъ былъ врачь и другъ ихъ. Въ 11-ть часовъ вечера онъ оставилъ ихъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ. Въ третьемъ часу ночи прислали сказать, что одинъ изъ нихъ при смерти: нашелъ онъ его дѣйствительно въ безнадежномъ положеніи:—заснулъ, во снѣ что-то

видѣлъ, отъ боли въ груди проснулся, повторялъ, что дурно ему, спрашивалъ икону, которая представилась ему въ сновидѣніи; приносили ему всѣ, сколько ни было образовъ въ старинномъ ихъ домѣ: все не тотъ, что́ онъ видѣлъ во снѣ. Вспомнили, что на чердакѣ былъ еще сундукъ съ образами. Между этими онъ узналъ представившійся во снѣ ему образъ, облилъ его слезами и съ горячею молитвою скончался.

Молодой человѣкъ, единственный сынъ богатыхъ родителей, возвратясь изъ Парижа въ Москву, вскружилъ голову многимъ и прежде всѣхъ отцу и матери; зимою простудился и занемогъ; а какъ оправился, то Зумблатъ, врачь его, совѣтовалъ ему больше беречь себя, да и Волтера и Гельвеція бросить. Не прошло года, онъ вновь занемогъ, и уже сильнѣе прежняго; вновь однакоже оправился, а врачь выпустилъ его изъ рукъ своихъ съ тѣмъ же совѣтомъ. Не дол-

го онъ перелеталъ отъ забавы къ забавѣ, слегъ, и опасная болѣзнь развилась въ немъ сильно и быстро: до того ослабѣлъ, что самъ не могъ приподняться. Въ одинъ день Зумблатъ замѣтилъ, что больной хотѣлъ поговорить съ нимъ на единѣ: такъ и устроилъ. «Вы учили меня доброму, да я не послушалъ васъ. Нельзя ли позвать ко мнѣ священника, только такъ, чтобы не знали про то ни мать, ни отецъ?» Священникъ пришелъ въ 5-ть часовъ утра. По исповѣди, больнаго съ трудомъ приподняли на простыняхъ пріобщаться. Священникъ уходилъ. Зумблатъ провожалъ его и неожиданно увидѣлъ за собою больнаго: самъ всталъ съ кровати, проводилъ Св. Дары до 3-й двери, былъ неописанно доволенъ, самъ воротился, легъ, а черезъ полчаса заснулъ вѣчнымъ сномъ.

Въ манежѣ гр. Алексѣя Григорьевича Орлова я учился верховой ѣздѣ; поэтому, впослѣдствіи, онъ бла-

госклонно принималъ меня въ Дрезденѣ.

Поработавъ однажды съ неумолимымъ его берейторомъ Ипатомъ до поту въ ненастный осенній день, я прошелъ еще версты четыре пѣшкомъ по грязи до дома; простудился и слегъ. Въ одну ночь сдѣлалось мнѣ очень дурно: не дожить мнѣ, думалъ я, до свѣта; такъ испугался. И какъ стало мнѣ легче, то испугъ мой вылился на бумагу въ «Утреннихъ мысляхъ послѣ безпокойной ночи», памятныхъ мнѣ и потому, что ими совсѣмъ и на вѣкъ заколодило во мнѣ ключь Кастальской воды; бились въ душѣ какъ птички въ клѣткѣ, такъ и вылетѣли. Напечатаны въ Другѣ Юношества Невзорова. Сказано (вѣрно въ шутку), что Державинъ желалъ бы быть сочинителемъ этой поэзіи.

Оправясь отъ болѣзни, продолжалъ я обычныя прогулки съ Иваномъ Владиміровичемъ. Побывъ съ нимъ часъ-другой, мнѣ казалось, я дѣ-

лался умнѣе и сердцемъ лучше. Съ глубокимъ просвѣщеннымъ умомъ, съ высокою евангельскою добродѣтелью соединялъ онъ столько простоты, доброжелательства, пріятства въ обхожденіи, что не разстался бы съ нимъ, не пересталъ бы его слушать. Сомнѣваюсь, было ли въ Москвѣ такое глухое захолустье, куда бы онъ по временамъ не заходилъ и гдѣ жители не сбѣгались бы поклониться и здоровья пожелать батюшкѣ Ивану Владиміровичу. «Не даромъ ты зашелъ къ намъ, Московскій нашъ Іоаннъ Милостивый,—говорили,—есть у насъ и круглые сироты, и неизлѣчимо больные, и немощные старцы. Покажемъ тебѣ ихъ, не изволишь ли помочь имъ?» Пріятно ему было желаніе жителей помощи отъ него тѣмъ, кто въ ней подлинно нуждался. Страсть по евангельской любви помогать ближнему завлекала его: лѣвая рука не знала, что̀ дѣлала правая. Не это была главная при-

чина долговъ и неразлучныхъ съ ними заботъ его: были другія важнѣйшія, не отъ него. По смерти его однакоже все его имѣніе продано; старинный домъ Лопухинскій обратился въ достойное употребленіе, въ церковь, а кредиторы всѣ свое получили и не безъ лихвы.

Одинъ изъ кредиторовъ Ивана Владиміровича самъ разсказывалъ мнѣ. Просилъ онъ его уплатить ему часть должной суммы на приданое дочери, замужъ выходила; обѣщано, сумма и день уплаты назначены; должникъ самъ хотѣлъ прійти съ деньгами и сдержалъ слово. Кредиторъ ожидалъ его съ роскошнымъ завтракомъ, не мало и другихъ гостей со стороны жениха и невѣсты. Закусили. Лопухинъ съ привѣтнымъ спасибо ушелъ, не сказавъ ни слова о деньгахъ. Кредиторъ за нимъ; тотъ поворотилъ въ калитку вѣтхаго домика въ переулкѣ; кредиторъ за угломъ притаился и, выждавъ, пока

тотъ вышелъ, вошелъ и спрашивалъ, былъ ли тамъ Лопухинъ. Лопухинъ ли сейчасъ отъ нея вышелъ, отвѣчала заливаясь слезами, мать, окруженная шестью малолѣтными дѣтьми,— она не знаетъ, а Богъ черезъ этого господина сотворилъ чудо милосердія, даровалъ ей изъ рукъ его 4000 рублей на искупленіе мужа ея (дѣтей этихъ отца) изъ ямы, гдѣ онъ содержится по неосторожному ручательству. Не угощать бы мнѣ завтракомъ!

Въ 1794-мъ году Иванъ Владиміровичъ подарилъ мнѣ книгу La Philosophie Divine, совѣтуя читать на досугѣ и по силѣ помочи размышлять о томъ, что̀ пойму, не ломая себѣ головы надъ тѣмъ, что̀ покажется не яснымъ. Вѣкъ проводишь въ чтеніи; съ однимъ сочинителемъ порадуешься, съ другимъ подосадуешь, съ инымъ и поплачешь; что̀ написано съ чувствомъ, и особенно что̀ писано съ душевною скорбію или съ живымъ отъ сердца желані-

емъ истиннаго добра, то едвали и читается безъ слезъ и безъ порыва въ душѣ къ тому же добру. Живетъ подъ мертвою буквою и тотъ духъ, который дышетъ идѣже хощетъ, и тотъ гласъ мраза тонка, идѣже Господь. Знаю человѣка, на котораго эта книга, по милосердію Господа Спасителя нашего, имѣла благодатное вліяніе на всю его жизнь переломомъ въ мысляхъ и въ сердцѣ.

II.

Разбирая бумаги князя Николая Васильевича *), я нашелъ между ними превѣжливыя и препочтительныя собственноручныя письма къ нему Потемкина съ дороги отъ Очакова; нашелъ списки и съ нѣкоторыхъ отвѣтовъ князя Н. В. Князь Потемкинъ не четко, а умно и складно изъяснялъ политическія наши отношенія къ другимъ государствамъ, связь ихъ съ тогдашнею войною, мысли какъ лучше для насъ та война могла бы окончиться; въ двухъ или трехъ письмахъ ясно намекалъ, что не надобно было предпринимать ничего рѣшительнаго до дальнѣйшихъ

*) Генерала фельдмаршала князя Репнина.

повелѣній. На отвѣты князя Николая Васильевича не нашелъ я въ бумагахъ ни одного отзыва отъ Потемкина. Пришло мнѣ это, лѣтъ черезъ двадцать, на память въ разговорѣ съ Василіемъ Степановичемъ Поповымъ. «Да, говорилъ онъ, я тогда струсилъ: присылаютъ ко мнѣ ночью съ приказомъ быть въ Царское Село къ Императрицѣ въ шестомъ часу утра. Не въ духѣ была. Правда ли, спросила меня, что цѣлый эскадронъ курьеровъ отъ князя Репнина живетъ у васъ въ Петербургѣ?—До десяти наберется.—Зачѣмъ же не отправляете ихъ?—Нѣтъ приказанія.—Зачѣмъ же не спрашиваете?—По бумагамъ, что̀ сданы мнѣ, спрашивалъ; ничего не приказано.—Да развѣ вы не все то знаете, съ чѣмъ кто присланъ?—И третьей части не знаю. —Такъ скажите же своему князю, чтобы сегодня же, непремѣнно сегодня, онъ отвѣчалъ Репнину, что̀ по нужнѣе; скажите ему: я велю; а мнѣ

пришлите записку, въ которомъ часу курьеръ вашъ уѣдетъ. Въ тотъ же день всѣ курьеры отправлены; но тотъ, съ кѣмъ бумаги посланы, встрѣтился на половинѣ дороги съ донесеніемъ князя Репнина о Мачинскомъ дѣлѣ.»

«Не добились мы, продолжалъ Василій Степановичъ, отъ кого Императрица узнала про курьеровъ. Ходилъ передъ тѣмъ по городу слухъ, что однажды, прежде чѣмъ Государыня вышла къ столу, гости пошли къ закускѣ, въ томъ числѣ гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Сей послѣдній, въ общей бесѣдѣ о войнѣ, говорилъ, что изъ арміи не было извѣстій, и Репнинъ-де ничего не дѣлалъ. Орловъ, молча, подобралъ къ себѣ всѣ ножи со стола, и потомъ просилъ Нарышкина отрѣзать ему чего-то кусокъ. Тотъ туда и сюда: нѣтъ ножа. «Такъ-то и Репнину, когда ничего не даютъ ему, нечего дѣлать,— сказалъ Орловъ.»

Въ тѣхъ же бумагахъ было письмо Ивана Ивановича Шувалова къ князю Николаю Васильевичу. Рѣдкій день, писалъ онъ, не вижу я Императрицы; видѣлъ ее во всякомъ расположеніи духа, и въ кручинѣ, и въ радости; но не помню, чтобы она была когда нибудь такъ довольна, такъ счастлива и весела, какъ по полученіи донесенія о Мачинскомъ дѣлѣ и особенно еще о подписаніи прелиминарныхъ мирныхъ пунктовъ. Эта война, писалъ Шуваловъ, такъ уже была тяжела для нея, что если бы не это донесеніе, она рѣшилась просить Прусскаго короля о посредничествѣ между нею и султаномъ; а эта мысль убивала ее.

Тамъ же находилась переписка о Польскихъ дѣлахъ, и между прочимъ о необходимости, а потому и желаніи Императрицы взять Варшаву. „Если угодно, -отвѣчалъ на это кн. Николай Васильевичъ,—я пойду и возьму Варшаву, и скоро возьму;

только теперь то не можетъ быть безъ пролитія крови и весьма большаго съ обѣихъ сторонъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ займемъ Варшаву безъ всякаго. За то отвѣчаю». Поэтому ли, или по обстоятельствамъ посланъ Суворовъ подъ Варшаву, гдѣ и совершилось Прагское побоище во славу великаго нашего лирика.

Назначилъ князь Н. В. молодаго офицера полковымъ адъютантомъ въ Измайловскій полкъ, въ которомъ былъ подполковникомъ. Нѣкоторые обидѣлись, съ ними всѣ зашумѣли. «Есть въ полку не мало достойнѣйшихъ; тотъ ничѣмъ еще не отличился; нельзя было ожидать такой несправедливости; нельзя равнодушно перенести столь явной обиды всему полку». Все это одинъ изъ офицеровъ по уполномоченію и именемъ всѣхъ помѣстилъ въ письмѣ къ подполковнику. Князь отвѣчалъ ему, что въ правилахъ службы, равно извѣстныхъ и имъ и ему, нѣтъ того, чтобы началь-

нику спрашивать у подчиненныхъ чтó ему дѣлать; если онъ съ товарищами и поразгорячился, то вѣроятно самъ уже сожалѣетъ о томъ, что написалъ ему. На этотъ отвѣтъ другое письмо отъ того же офицера съ раскаяніемъ въ заблужденіи отъ запальчивости. Ошибаться всякому свойственно, отвѣчалъ ему князь, но увидѣть и признать свою ошибку еще лучше, нежели никогда не ошибаться.

У фельдмаршала графа Гудовича въ Москвѣ послѣ обѣда (гдѣ случилось и мнѣ быть) зашла рѣчь о знаменитыхъ нашихъ полководцахъ, между прочими и о кн. Н. В. Репнинѣ. Говорили о Кагульскомъ, Рымникскомъ, Анапскомъ, Мачинскомъ дѣлахъ. Степанъ Степановичъ Апраксинъ разсказывалъ при этомъ, что онъ и кн. В. В. Долгоруковъ командовали полками подъ Очаковымъ и по приказу главнокомандующаго полки у нихъ отняты. Огорчились, бросили Потемкина, стали ходить къ Репни-

ну; но ошиблись въ разсчетѣ: Репнинъ ни слова имъ ни о Потемкинѣ, ни объ отказѣ имъ отъ команды. По утру однажды при нихъ онъ велѣлъ показать себѣ рыбу: принесли большое корыто съ животрепещущею. Объяснялъ повару, какую и какъ изготовить. «Вчера, говорилъ имъ, Запорожцы прислали мнѣ рыбы; я обѣдалъ у князя Григорія Александровича и попросилъ его къ себѣ сего дня на рыбу. Вы у меня же обѣдаете». Извинялись по непріятнымъ отношеніямъ ихъ къ князю Потемкину. «Улыбались вы, сказалъ имъ князь, когда я говорилъ съ своимъ поваромъ. Ефремъ мой не знаетъ вкуса князя Григорія Александровича, не обѣдалъ еще у него, а я частехонько;—вольно звать и не звать, а позовешь, такъ угощай гостя по его, а не по своему вкусу. Что́ же лежитъ до вашихъ отношеній къ кн. Григорію Александровичу, то здѣсь у насъ въ лицѣ его—главнокоман-

дующій. Сдѣлаетъ онъ то, другое и не по нашему: повинуйся и не ропщи и дурнаго примѣра другимъ собою не подавай. Мнѣ и всякому вольно думать, что̀ угодно, о князѣ Григоріѣ Александровичѣ; но главнокомандующему Русскою арміею, имя рекъ Потемкину, я всегда слуга покорный и всеохотный. Не мнѣ выбирать главнокомандующаго; мое дѣло слушаться; а это что за послушаніе, когда я думаю только о томъ, чѣмъ бы мнѣ кольнуть его, да ужалить? Это не дѣло; упаси насъ Богъ отъ такой неурядицы: у насъ тогда была бы татарщина. Извольте у меня сего дня обѣдать». Хозяинъ вышелъ на встрѣчу гостю. Князь Потемкинъ былъ въ духѣ, взглянулъ и на нихъ не гнѣвно. За столомъ онъ и всѣ были веселы; но подъ конецъ обѣда онъ уже былъ совсѣмъ не тотъ. «О чемъ такъ вдругъ закручинились ваша свѣтлость?» спросилъ хозяинъ. —Не взыщите, князь Николай Васи-

льевичъ, отвѣчалъ гость: грусть находитъ вдругъ на меня, какъ черная туча, ничто не мило, иногда помышляю идти въ монахи.—«Чтожъ, ваша свѣтлость, не дурное дѣло и это: сего дня іеромонахомъ, чрезъ день архимандритомъ, черезъ недѣлю во епископы, затѣмъ и бѣлый клобукъ; будете благословлять насъ обѣими, а мы будемъ цѣловать у васъ правую». Расхохотался главнокомандующій, за нимъ и всѣ.

*

Явился я къ князю Николаю Васильевичу въ Гроднѣ, гдѣ онъ по занятіи Литвы имѣлъ пребываніе: принялъ меня милостиво и отдалъ на руки Ѳ. И. Энгелю, тогда правителю его канцеляріи по гражданской части.

Въ Гроднѣ онъ жилъ на походную ногу, все же какъ Русскій бояринъ. Не было у него блеску для глазъ, роскоши, пышности; но были довольство во всемъ и приличіе. Каждый день съ 7 часовъ утра онъ занимал-

ся дѣлами, принимая между тѣмъ всякаго, кто имѣлъ къ нему надобность: не любилъ заставлять дожидаться. Въ два часа пополудни къ столу выходилъ. Столъ его въ Гроднѣ каждый день накрывался на 120 персонъ; и то еще иногда адъютантамъ за столомъ не было мѣста. Послѣ обѣда онъ отдыхалъ минутъ двадцать, много полчаса; опять занимался дѣлами; а въ хорошую погоду ѣздилъ верхомъ дышать загороднымъ воздухомъ. На конюшнѣ его было до сорока верховыхъ лошадей; но за старшими и за гостями часто недоставало ихъ для всѣхъ адъютантовъ. Въ 8 часовъ вечера приходилъ въ гостиную къ княгинѣ, у которой десятка три-четыре дамъ и мужчинъ каждый день ужинали; въ 11 часовъ оставлялъ общество. Два раза въ недѣлю были балы; пріѣзжали въ Гродну на балы изъ Варшавы и Львова. Полковникъ Багмевскій, по преданности къ нему, завѣдывалъ тогда его

хозяйствомъ и, въ послѣдствіи, говорилъ мнѣ, что когда сказалъ ему о большихъ издержкахъ по такой жизни, то онъ отвѣчалъ: „Государыня не давно пожаловала мнѣ пять тысячь душъ; но и безъ того я отдалъ бы послѣдній свой рубль, чтобы привязать новыхъ ея подданныхъ къ ней и къ Россіи, а на это нѣтъ другаго способа, кромѣ ласки съ одной, справедливости съ другой стороны. Сверхъ того у меня и не безъ такихъ гостей которымъ не всегда есть на что пообѣдать; да безъ обращенія съ людьми какъ ихъ и узнаешь?»

Въ Гроднѣ тогда стояли два пѣхотныхъ полка: Старооскольскій и Псковскій. Полковники, перваго Коновницынъ, послѣдняго Өедоръ Ливенъ, обязаны были не только сами часто обѣдать у князя, но приводить съ собою къ столу и тѣхъ изъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, по ихъ мнѣнію, заслуживали того, чтобы князь ближе узналъ ихъ. У нихъ же

столъ былъ также каждый день для своихъ офицеровъ; уходя, просили старшаго штабъ-офицера хозяйничать. Вспоминая о тогдашнихъ удовольствіяхъ Гродненской жизни, не забылъ я до сихъ поръ перваго по службѣ окрика на меня за бумагу, которую полѣнился я переписать къ назначенному часу. Ни малѣйшаго упущенія молодыхъ подчиненныхъ князь не оставлялъ безъ замѣчанія; въ этихъ случаяхъ даже вспыльчивость въ немъ проявлялась. Бумагу же ту, совсѣмъ почти перепpавленную княземъ собственноручно, помню, пробѣжалъ я не безъ удивленія, какъ онъ могъ терять время, спускаться до такихъ мелочей и подробностей, какими бумага была наполнена. Рѣчь шла о томъ, что̀ и сколько кому выдавать, по тогдашнему положенію края, изъ казны и что̀ отъ земства. Гораздо послѣ уже я гдѣ-то читалъ, что когда Питтъ вступилъ въ министерство и увидѣлъ надобность поправить финан-

сы, то началъ съ мелочей и прежде всего съ пересмотра, сколько кто получалъ жалованья изъ казначейства, чѣмъ кто сверхъ того пользовался, какіе обороты дѣлались казенными деньгами, сколько ихъ не въ прокъ уходило.

*

Князь пріѣхалъ заранѣе изъ Гродны въ Вильну, чтобы открыть въ Екатерининъ день Виленскую губернію по учрежденію; здѣсь получилъ 9-го Ноября 1796 года слѣдующее собственноручное письмо отъ Наслѣдника Цесаревича Павла Петровича: «Князь Николай Васильевичъ, обстоятельства требуютъ присутствія вашего при мнѣ; распорядясь, пріѣзжайте. Мать моя кончается.» Черезъ два дня, безъ всякой огласки, онъ отправился по Рижскому тракту, взявъ съ собою двухъ младшихъ своихъ адъютантовъ, въ томъ числѣ и меня.

Въ Митавѣ былъ уже полученъ манифестъ о восшествіи на престолъ

Императора Павла I. Пріѣхавъ въ столицу, князь нашелъ себя генералъ-фельдмаршаломъ и гвардіи Измайловскаго полка баталіоннымъ командиромъ.

Литва, Лифляндія и Эстляндія оставлены по прежнему въ его управленіи, также и войска, тамъ находившіяся, съ наименованіемъ его инспекторомъ Литовской инспекціи. Я сталъ инспекторскимъ при немъ адъютантомъ.

Былъ я тогда очень молодъ, а нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала. Еще до пріѣзда князя эта эпоха имѣла уже свои названія. Называли ее, гдѣ какъ требовалось: торжественно и громогласно—возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ, осторожно, въ полголоса—царствомъ власти, силы и страха; въ тайнѣ между четырехъ глазъ — затмѣніемъ свыше. Не наше это дѣло,

Исторіи, которая, а съ нею и потомство, можетъ быть, будутъ и справедливѣе современниковъ. Не забыть мнѣ однако, что еще въ Москвѣ случалось мнѣ подслушивать, какъ умные люди перешептывались, что въ послѣдніе передъ этою эпохою годы темныя пятна вездѣ пробивались сквозь мерцаніе славы, отъ оскудѣнія бдительности; даже въ войскахъ пожилые бригадиры находили, что Потемкинскій солдатъ совсѣмъ непохожъ былъ на солдата Румянцовскаго, и какъ ни мало времени былъ я на службѣ при Императрицѣ, но когда бывало на смотру войскъ, на ученьѣ, на маневрахъ, князь Николай Васильевичъ строго взыскивалъ за неисправность и упущенія, то и мнѣ случалось слышать отзывы сквозь зубы, что Суворовъ на все такое сквозь пальцы смотрѣлъ. Если же дозволено по такому говору заключать о надобности такъ названнаго возрожденія, то нельзя не согласить-

ся, что идея разбудить и двинуть все свѣжею силою была благовременна, особенно еще подъ заревомъ Французской революціи. Но такова судьба человѣчества: высокія, благонамѣренныя и общеполезныя идеи въ мужѣ ума, власти и силы, не всегда дѣйствуютъ согласно съ духомъ мужа совѣта и желаній, долготерпѣливаго и коснаго во гнѣвѣ. Царь самъ за работою (такъ тогда говорили о возрожденіи) съ ранней зари, съ 6 часовъ утра. Генералъ-прокуроръ, въ домѣ котораго жилъ князь и я при немъ, каждый день отправлялся съ докладами во дворецъ въ 5 ½ часовъ утра. Приходя съ порученіемъ отъ князя къ графу Н. И. Салтыкову, въ исходѣ 6-го часа утра, не одинъ разъ я находилъ уже его не въ томъ, въ другомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Наслѣдника. Ad exemplum regis componitur orbis *). Въ

*) Міръ живетъ примѣромъ государя.

канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ на столахъ свѣчи горѣли съ 5 часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что̀ былъ противъ Зимняго дворца, всѣ люстры и всѣ камины ярко пылали. Сенаторы съ 8 часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе—съ головы началось. Сѣдые съ Георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эспантономъ. Объ этомъ ратномъ строѣ въ послѣдствіи времени одинъ старый и разумный генералъ говорилъ мнѣ, что идея дать войскамъ свѣжую силу все же не безъ пользы прошла по Русской землѣ: обратилась-де въ постоянную и недремлющую бдительность съ грозною взыскательностью, и тѣмъ заранѣе приготовляла войска къ великой отечественной брани. Потомъ онъ же, оборотивъ медаль, говаривалъ, что отсюда починъ преобладанія наруж-

наго вида, всего глазамъ на показъ, замѣняющаго трудъ ума наглядною механическою работою.

За пересудами и за различною тогдашнею, отчасти до сей поры памятною, былью въ кругахъ службы, не безъ удовольствія воспоминаешь, что, не взирая на то, народъ, тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ мнѣ случилось быть въ эту годину, отъ Нѣмана до Оки, до Волги и до Вологды, народъ бодрый, хотя также отъ страха какъ бы совсѣмъ въ сторонѣ, благоденствовалъ, если на землѣ и то уже благоденствіе, когда дешевы хлѣбъ, соль, да вино, да на плечахъ зипунъ и тулупъ, а на ногахъ лапти, не тяжелые къ тому рекрутскіе наборы и подати умѣренныя. Такой еще тогда вѣкъ былъ, что и отсутствіе первыхъ матеріальныхъ потребностей жизни въ народѣ не низко цѣнилось.

Предстояла печально-торжественная церемонія перенесенія тѣла императора Петра III изъ Невскаго мона-

стыря въ Зимній Дворецъ. Заранѣе самъ Государь изволилъ дѣлать рекогносцировку отъ Зимняго Дворца до Лавры. Войска отданы были подъ команду князя Николая Васильевича, приказано собрать генераловъ на военный совѣтъ и обо всемъ окончательно распорядиться. Дня за два до этой церемоніи была другая процессія, которой унылѣе ничего въ жизни я не видѣлъ: перевозили изъ Дворца въ Невскій къ гробу Петра III государственныя регаліи. Процессія началась въ 7 часовъ вечера, въ Декабрѣ, при 20 градусахъ стужи, въ темнотѣ отъ густаго тумана. Болѣе тридцати каретъ, обитыхъ чернымъ сукномъ, цугами въ шесть лошадей, тихо тянулись одна за другою; лошади съ головы до земли были въ черномъ же сукнѣ; у каждой шелъ придворный лакей съ факеломъ въ рукѣ, въ черной епанчѣ съ длинными воротниками и въ шляпѣ съ широкими полями, обложенной крепомъ; въ такомъ же нарядѣ, съ факелами же въ

рукахъ, лакеи шли съ обѣихъ сторонъ у каждой кареты; кучера сидѣли въ шляпахъ какъ подъ наметами. Въ каждой каретѣ кавалеры въ глубокомъ траурѣ держали регаліи. Мракъ ночи, могильная чернота на людяхъ, на животныхъ и на колесницахъ, глубокая тишь въ многолюдной толпѣ, зловѣщій свѣтъ отъ гробовыхъ факеловъ, блѣдныя отъ того лица, все вмѣстѣ составляло печальнѣйшее позорище *).

Торжественное перенесеніе гроба со всѣми Императорскими почестями, не смотря на сильную стужу, совершилось благополучно. Войска стояли отъ монастырскихъ воротъ до Зимняго Дворца; Государь и Великіе Князья пѣшкомъ слѣдовали за колесницею; потерпѣлъ отъ стужи, говорили, только траурный рыцарь. Князь, командуя войсками, не былъ въ церкви; я

---

*) См. о вторичномъ погребеніи Петра III-го въ Русскаго Архивѣ 1871 года.

за нимъ потому же. С. И. Плещеевъ разсказывалъ князю, что гробъ вскрытъ на моментъ—ни образа, ни подобія; — уцѣлѣли только шляпа, перчатки, ботфорты; а самая процессія съ перваго шага было замялась. Тотъ, кому назначено было нести корону Императорскую (гр. А. Г. О. *) зашелъ въ темный уголъ и взрыдъ плакалъ. Съ трудомъ отыскали, а еще съ бо̀льшимъ трудомъ убѣдили его взять корону въ трепетавшія руки. Гробъ Петра III стоялъ нѣсколько дней въ Зимнемъ Дворцѣ рядомъ съ гробомъ Екатерины. Въ день выноса въ крѣпость, гробъ Императора предшествовалъ гробу Императрицы; за симъ послѣднимъ Государь изволилъ итти пѣшкомъ въ черномъ одѣяніи, съ воротникомъ изъ кружевъ въ нѣсколько рядовъ; за нимъ Императрица, Великіе Князья и Великія Княгини, всѣ въ такомъ же глубокомъ траурѣ.

---

*) Гр. А Г. Орловъ-Чесменскій.

Имѣлъ я въ это время два поучительные урока. Князь Пл. Ал. Зубовъ жилъ уже не въ Зимнемъ Дворцѣ, мало кто потому и знать любопытствовалъ, въ живыхъ ли еще его свѣтлость обрѣтался; все же онъ былъ еще генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Кн. Ник. Васильевичъ послалъ меня доложить ему о военномъ совѣтѣ по случаю перенесенія тѣла Петра III и спросить, угодно ли будетъ его свѣтлости пожаловать въ собраніе. Жилъ онъ въ домѣ сестры своей Жеребцовой на Англійской набережной. Ни души не нашелъ я ни на лѣстницѣ, ни въ передней; далѣе встрѣтилъ въ сумрачномъ углу частнаго пристава, который, удивленный, показалось мнѣ, нечаяннымъ явленіемъ, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и, допросивъ, кто я, откуда, отъ кого и зачѣмъ, сперва позамялся, потомъ бросился въ переднюю; минутъ черезъ пять дверь траурной гостиной отворилась. Князь читалъ книгу на ди-

ванѣ и всталъ, какъ я вошелъ. На блѣдномъ и уныломъ его лицѣ пробѣжало неожиданное, по видимому, удовольствіе, когда онъ услышалъ, за чѣмъ я присланъ; благодарилъ за вниманіе и сожалѣлъ, что по болѣзни не могъ быть ни въ совѣтѣ, ни въ церемоніи. Принявъ приказаніе, хотѣлъ я откланяться;—остановилъ меня, посадилъ возлѣ себя и распрашивалъ, откуда я, кто отецъ мой, гдѣ я учился, давно ли въ службѣ, давно ли при князѣ Николаѣ Васильевичѣ? Разговоръ этотъ онъ заключилъ, и не безъ чувства, слѣдующими словами: «Какъ вы счастливы! Я завидую вамъ: начинаете службу при великомъ всѣми доблестями государственномъ мужѣ; не всѣ такъ счастливы».

Надобно было писать къ гр. Суворову по службѣ, а вмѣстѣ и письмо, не помню о чемъ. Онъ командовалъ еще тогда войсками, кажется, въ Умани; но въ столицѣ переставалъ уже славиться знаніемъ службы. Написалъ я офиці-

альную бумагу и письмо; князь одѣвался, велѣлъ мнѣ прочитать, обѣ одобрилъ; я положилъ ихъ на столъ къ подписанію. Взялъ въ руку перо. «Это что?» съ гнѣвомъ сказалъ мнѣ; бумага была написана въ формѣ отношенія.—«Да какъ я прежде писалъ официіально къ графу Александру Васильевичу?"—Рапортами—„ А теперь я-де самъ фельдмаршалъ. Полно, братецъ; онъ все таки сталъ выше меня; подит-ка, напиши попрежнему: его сіятельству.... отъ фельдмаршала князя Репнина рапортъ. Да и въ письмѣ-то, вижу, къ милостивый государь ты пришилъ *мой*, и это шалость. Переписать, да и впредь это помнить.»

Съ пріѣзда въ столицу до окончанія погребальныхъ церемоній князю Николаю Васильевичу при Дворѣ было какъ лучше желать нельзя. И кто у него тогда не былъ съ поклономъ? Кто и насъ не ласкалъ? Былъ у него и великій нашъ лирикъ Державинъ. Доложивъ о немъ князю, я бросился

на встрѣчу къ обожаемому мною тогда творцу Фелицы, оды Богъ, Водопада, Памятника герою и проч. Князь принялъ его передъ кабинетомъ, пробылъ съ нимъ въ кабинетѣ около часа, проводилъ его потомъ до третьей комнаты и разстался съ нимъ, говоря: «Прощай другъ мой, Гаврило Романовичъ». Бывъ очевидцемъ пріема, въ которомъ съ простотою пр'язни и искренняго доброжелательства соединялось уваженіе къ личному достоинству, я не могъ безъ негодованія читать лжесловнаго описанія этого самаго пріема, помнится, въ Библіотекѣ для Чтенія, гдѣ Репнинъ выставленъ напоказъ гордецомъ, безчувственнымъ къ тогдашнему положенію Гаврила Романовича. А по запискѣ его дѣло было вотъ въ чемъ. Не везло ему тогда; приписывая эту невзгоду завистникамъ, онъ метался неудачно во всѣ углы и, исчисливъ свои труды по службѣ и по литературѣ, просилъ князя подать ему руку, подняться, доложить о немъ Императору. Отъ князя

онъ, конечно, не имѣлъ, да и не могъ имѣть инаго отвѣта, какъ самаго чистосердечнаго, безъ всякаго ненавистнаго ему обнадеживанія, а поэтъ, вѣроятно, растолковалъ себѣ это иначе.

*

Скоро по пріѣздѣ князя Николая Васильевича въ столицу, Императоръ приказалъ ему послать за двумя арестантами, которые содержались въ Динаминдѣ; приказано привезти ихъ съ дороги прямо во дворецъ къ Его Величеству. Прямо туда и привезъ ихъ въ началѣ Декабря 1796 года Егоръ Егоровичъ Гине, въ послѣдствіи президентъ Лифляндскаго оберъ-гофъ-герихта. Были они скопцы изъ числа главныхъ учителей этого толка. По разсказу Гине, Императоръ довольно долго, но тихо говорилъ съ ними въ кабинетѣ; потомъ, обратясь къ Гине, велѣлъ ему отдать ихъ на руки тогдашнему военному губернатору Николаю Петровичу Архарову, самому же, пока

останется въ Петербургѣ, бывать у нихъ и о чемъ нужно докладывать кому слѣдовать будетъ. Гине прожилъ три недѣли въ одной комнатѣ со мною; въ одинъ вечеръ воротился въ такомъ встревоженномъ духѣ, съ лицомъ, до того разстроеннымъ, что я не узналъ его; спѣшилъ собраться въ дорогу, послалъ за лошадьми; съ нетерпѣніемъ ожидалъ князя съ куртага; откланялся, — получилъ-де изъ дому печальное извѣстіе, — и ускакалъ...

Императоръ, не смотря ни на какую погоду, каждый день выходилъ къ разводу, рѣдко когда безъ ученья. Послѣ развода богатый завтракъ былъ во дворцѣ для офицеровъ. Спустя нѣсколько дней послѣ печальныхъ церемоній, былъ сильный морозъ съ рѣзкимъ вѣтромъ. До развода въ тотъ день флигель-адъютантъ пріѣзжалъ сказать князю отъ Государя, чтобы до стола зашелъ въ кабинетъ къ Его Величеству. У развода проходя ми-

мо князя: «Каково, князь Н. В.?» сказалъ Императоръ. — «Холодно, Ваше Величество,» отвѣчалъ князь. Разводъ по обыкновенію долго тянулся Потомъ проводили мы князя до кареты. Черезъ полчаса онъ возвращается; мы перепугались, а онъ преспокойно сѣлъ съ нами за столъ и порядочно покушалъ. Когда онъ по приказанію хотѣлъ войти въ кабинетъ: не велѣно пускать тѣхъ, кому холодно, сказалъ ему Кутайсовъ; и съ того дня стало вдругъ такъ смирно и тихо около князя! Отъ «холодно» Богъ вѣсть какимъ образомъ родилась холодная оппозиція противъ новыхъ воинскихъ строевъ. Не на долго однакожъ: скоро все пошло по прежнему, хотя также не надолго.

Въ самомъ началѣ 1797 г. на стеклянномъ заводѣ одного изъ Вологодскихъ помѣщиковъ, Поздѣева, крестьяне (всѣхъ ихъ было не болѣе 400 душъ) перестали исправно выходить на работу; приказчикъ изъ дворо-

выхъ не умѣлъ съ ними сладить; закричалъ исправнику—бунтъ; исправникъ губернатору; губернаторъ, чтобы не пропустить почты, генералъ-прокурору; сей послѣдній Императору—бунтъ! Слонъ выросъ изъ мухи, и кто же могъ предупредить повсемѣстный пожаръ, какъ не князь Николай Васильевичъ? Послали князя въ Вологду спасать отечество, и въ тотъ же день отправленъ туда на подводахъ Егерскій гвардейскій баталіонъ съ полковникомъ, помнится, Рачинскимъ.

Въ это путешествіе князь заѣзжалъ къ княгинѣ Дашковой, которая витала тогда въ Череповскомъ своемъ захолустьѣ, верстъ за десять въ сторонѣ отъ дороги въ Вологду черезъ Тихвинъ. Въ числѣ знаменитостей предъидущаго царствованія суждено было и ей удалиться въ пустыню. Въ крестьянскихъ пошевенькахъ въ одну лошадь (иначе невозможно было проѣхать по замерзшимъ

тундрамъ) онъ нашелъ ее въ деревнишкѣ ея Коротовой, въ крестьянской избѣ, въ опальномъ одиночествѣ, въ длинномъ мужскомъ сюртукѣ изъ сѣрой байки, съ подобіемъ чепца на головѣ, со щитомъ на груди — звѣздою ордена Екатерины отъ внезапной напасти, въ страхѣ и чаяніи грядущихъ. Неописанно утѣшенная неожиданнымъ посѣщеніемъ, она встрѣтила гостя радостнымъ словомъ: Въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко мнѣ.

Пріѣхали въ Вологду гусемъ по глубокимъ снѣгамъ. Губернаторъ Шамшевъ встрѣтилъ князя обычнымъ благовѣстіемъ, что и въ губернскомъ городѣ обстояло благополучно и во всей губерніи тишина царствовала. Не успѣли мы еще порядочно обогрѣться, какъ фельдъегерь прискакалъ съ высочайшимъ собственноручнымъ рескриптомъ, въ которомъ Императоръ, возлагая всю надежду въ столь важномъ происшествіи на испытанную преданность князя къ

нему и къ отечеству, требовалъ немедленнаго увѣдомленія, — не нужно ли личное присутствіе Его Величества въ Вологдѣ для совершеннаго усмиренія бунта?

Былъ я тогда очень молодъ, а начиналъ понимать, какъ мало совѣсти въ людяхъ, когда не тому-другому нужно съ рукъ сбыть антипода по мыслямъ и намѣреніямъ: ничѣмъ не дорожатъ, ниже славою, ниже покоемъ того самаго лица, которое осыпаетъ ихъ почестями и благодѣяніями. Такая неблагодарность въ послѣдствіи нерѣдко поражала меня. Не знаю въ жизни ни горшаго несчастія, какъ заблуждаться, ни бо̀льшаго грѣха, какъ держать другаго въ заблужденіи по своимъ видамъ.

Три недѣли пробыли въ Вологдѣ; надобно было послать за бунтовщиками, а они жили не близко. Между тѣмъ самъ помѣщикъ, пріѣхавъ въ свое имѣніе, совершилъ на мѣстѣ судъ и расправу патріархальнымъ по-

рядкомъ: посѣкъ пьяныхъ буяновъ, и все пошло по прежнему. Привезли бунтовщиковъ. Повалились къ ногамъ князя: «Съ дурости, ваше сіятельство, ей Богу съ дурости! Выпили грѣшные люди! Народъ темный! Согрѣшили передъ Богомъ. Баринъ, отецъ нашъ, заступись за насъ у его сіятельства!» Все кончилось тихо и смирно; баталіонный командиръ только сѣтовалъ, что возвращался безъ побѣдныхъ лавровъ.

Вологодскіе дворяне какъ по заказу сбѣжались. Губернаторъ крайне заботился, не оставить бы фельдмаршала безъ общества. Князь побоялся отдать себя въ кабалу на вечера; къ столу принималъ; за обѣдомъ каждый день было до 15 собесѣдниковъ. До обѣда другаго разговора не было, какъ только о сельскомъ хозяйствѣ: «Сысой Панкратіевичъ говоритъ *такъ* у него, а у васъ, Трофимъ Савельевичъ, *какъ*?» — И каждый, видя съ какимъ вниманіемъ и любопытствомъ его слушали,

не истощался въ объясненіяхъ объ ужи́нѣ и умолотѣ. За столомъ же съ перваго раза, какъ показались Вологодскіе рыжички, они одни и играли исключительную роль. За то князь говорилъ, что онъ въ Вологдѣ прошелъ полный курсъ науки о приготовленіи рыжичковъ. Нельзя было довольно надивиться доступности его, простотѣ въ обращеніи съ величіемъ въ лицѣ и походкѣ, искусству равняться съ другими, не показывая и вида того. Въ Вологдѣ были еще тогда богатые домы купцовъ Митрополовыхъ. Одинъ изъ нихъ позвалъ князя къ себѣ на обѣдъ. Послѣ привѣтствій фельдмаршалъ спросилъ у хозяина: гдѣ же хозяйка дома?—Какъ ей смѣть показаться въ присутствіи вашего сіятельства? — Поведите же меня къ ней.—И вышелъ съ нею объ руку; повелъ ее къ столу и посадилъ подлѣ себя.

Собирались мы въ обратный путь, какъ князь получилъ повелѣніе спѣ-

шить, по укрощеніи Вологодскаго бунта, для того же въ Орелъ, куда уже двинуты были: гусарскій Линденера и пѣхотный князя Алексѣя Ив. Горчакова полки съ артилеріею.

Въ Брасовѣ, главномъ селѣ имѣнія Степана Степановича Апраксина, скопилось до 12 т. крестьянъ своихъ и пришлыхъ: бросили господскія работы, опустошили запасы хлѣба для винокуренія, выкатили изъ подваловъ бочки съ виномъ и пьяные провозгласили себя государевыми; убили управителя, а присланнаго на слѣдствіе совѣтника губернскаго правленія держали въ кандалахъ подъ карауломъ; провѣдавъ о войскѣ, что̀ шло къ нимъ, устроили батарею на погостѣ противъ главной улицы селенія, отыскали на господскомъ дворѣ порохъ и полдюжины пушекъ и открыли огонь, какъ только войско показалось. На требованіе выслать стариковъ, лучшихъ людей, выдать зачинщиковъ и повиниться, отвѣчали

пальбою съ погоста. Вдругъ толпа съ погоста и съ улицы ринулась съ крикомъ: бери пушки! Двѣ пушки поставлены были противъ улицы у въѣзда въ село. Одинъ выстрѣлъ картечью, и вся толпа на колѣна, и бунту конецъ. Сами выдали зачинщиковъ съ проклятіями и обычнымъ воплемъ: люди мы темные, народъ неученый, пьяное дѣло! Больно контуженъ при этомъ Линденеръ; поставленъ былъ съ полкомъ за погостомъ, хотѣлъ поговорить съ стариками и подъѣхалъ къ батареѣ. Тутъ одинъ изъ выборныхъ (самъ этотъ арестантъ разсказывалъ намъ) зашедши сзади, огромною дубиною со всего маху въ спину пугнулъ генерала. «Ахъ! ты нехристь! что ты толкуешь православнымъ ломанымъ своимъ языкомъ?»

*

Воротился князь Николай Васильевичъ изъ Орла въ Павловскъ передъ отъѣздомъ Двора въ Москву къ коро-

націи. Помѣстили его во дворцѣ, только на рукахъ не носили, и до Москвы онъ ѣхалъ въ одной каретѣ съ Императоромъ и Императрицею. Отпустивъ меня съ послѣдняго ночлега, приказалъ мнѣ пріѣхать за нимъ въ Петровскій дворецъ, гдѣ Государь имѣлъ пребываніе до торжественнаго вшествія въ первопрестольный градъ.

Въ день прибытія всѣ, въ толпѣ и я, были свидѣтелями магической силы слова, сказаннаго кстати и во̀ время. Митрополитъ Платонъ, когда Ихъ Величества вышли принимать поздравленія, сказалъ краткую рѣчь съ лицемъ, по тогдашнему недугу его блѣднымъ и страждущимъ, но голосомъ свѣтлымъ и съ какимъ-то отъ души чувствомъ. Императоръ до того растрогался, что закрылъ платкомъ лицо и заплакалъ; Императрица за нимъ, и во всемъ собраніи развѣ десятый не плакалъ. «Преосвященный, громко сказалъ ему Государь, отирая слезы, не забылъ я, сколько я обязанъ вамъ,

и признательность мою покажу передъ свѣтомъ.» Въ тотъ же день присланъ ему Андреевскій орденъ.

Въ Вербное Воскресеніе совершился торжественный въѣздъ изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободскій дворецъ. На страстной недѣли два раза была въ присутствіи Государя рекогносцировка въ Кремлѣ, гдѣ войскамъ стоять въ день коронаціи. Коронація совершилась въ Свѣтлое Воскресенье 7-го Апрѣля. Князь Николай Васильевичъ командовалъ войсками; Карнѣевъ и я были за нимъ. Императоръ, въ порфирѣ, въ коронѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ, подъ балдахиномъ, шелъ изъ собора въ соборъ бодрымъ шагомъ и съ веселымъ лицемъ. Поровнявшись съ княземъ: Fais-je bien mon rôle, mon prince? сказалъ ему; а Императрица, слѣдуя за нимъ, тутъ же два раза вслухъ повторила: Mais plus doucement, mon ami, plus doucement *). На другой день

*) Князь, хорошо ли я выполняю мою роль? — Но потише, мой другъ, потише.

Императоръ и Императрица на тронѣ въ грановитой палатѣ принимали поздравленія. Тутъ читанъ списокъ пожалованныхъ въ предъидущій день милостей; однихъ крестьянъ, говорили, болѣе ста тысячъ душъ, земли по 15 десятинъ на каждую душу. Здѣсь между прочимъ всѣ офицеры, переведенные изъ Гатчины въ гвардію, получили значительныя имѣнія.

Въ досужный отъ нарядныхъ тогда праздниковъ день кн. Николай Васильевичъ пригласилъ на обѣдъ къ себѣ стариковъ, давнишнихъ пріятелей и сослуживцевъ. За столомъ было, со внукомъ хозяина и съ нами, двумя адъютантами, шестнадцать персонъ, безъ насъ троихъ юношей— невступно полное тысячелѣтіе. Старики встрѣтились радостно, какъ родные послѣ долгой разлуки, отъ удовольствія помолодѣли; бесѣда оживлялась воспоминаніями; каждый прилагалъ свое къ взаимной общей потѣхѣ, безъ оглядки на себя, съ свободною простотою и

чистосердечіемъ. Совсѣмъ, кажется, сошло у насъ въ гробъ съ стариками умѣнье вести въ обществѣ такія умныя и вмѣстѣ пріятнѣйшія бесѣды. Отъ стола съ возвеселившимся сердцемъ, проходя мимо бюста покойной Императрицы, словно опомнились, остановились, молча смотрѣли какъ на живую, молча, взглянувъ другъ на друга, отерли глаза и отошли.

Изъ Москвы Императоръ изволилъ отправиться въ Литву. Князь Н. В., Литовскій военный губернаторъ, принялъ Его Величество въ Гроднѣ. Во все время пребыванія въ Литвѣ Государь былъ отмѣнно доволенъ и веселъ; да и въ пути, по разсказу очевидцевъ изъ свиты, незабавный случай былъ лишь одинъ, но и тотъ окончился смѣхомъ по милости таракана. Его Величество желалъ видѣть обыкновенный, вседневный бытъ народа, и за тѣмъ строго было воспрещено поправлять дороги, чинить мосты, гати и дѣлать какія бы то ни было приготовленія.

Въ Смоленской губерніи Государь замѣтилъ на мосту по неубраннымъ щепамъ свѣжія подѣлки и, спросивъ, кто приказалъ чинить мостъ, о предводителѣ, отъ котораго то было приказано, велѣлъ кн. Безбородко написать что-то весьма не легкое. Прибыли между тѣмъ на ночлегъ. Его Величество, смотря изъ окна на собравшуюся передъ квартирою толпу: «Намъ здѣсь рады», сказалъ пришедшему.—Столько ли бы еще было народа, тотъ отвѣчалъ, если бы не Безбородко. — А что съ нимъ?—Сѣлъ за столъ въ избѣ, въ своей квартирѣ, писать; тараканъ ему на руку; боится, какъ огня, таракановъ; выскочилъ изъ избы и какъ шальной, съ перомъ въ рукѣ и безъ шляпы, побѣжалъ по селу, а народъ толпою за нимъ. — «Въ погоню за нимъ и сюда привести.» «Что, князь Александръ Андреевичъ, струсили? Бросьте» *).

*) Читалъ я описаніе этого случая, цѣлую драму, гдѣ М. М. Философовъ не пустилъ Императора въ соборную церковь въ Смо.

Разводы и ученья, полковыя и баталіонныя, въ Вильнѣ и Гроднѣ, шли препорядочно и съ похвалою. Не такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, было бы въ Ковнѣ, если бы тамъ шефъ полка, Таврическаго гренадерскаго, что̀ былъ кн. Потемкина, полуслѣпой и ветхій Якоби совсѣмъ не оглохъ. Пришелъ онъ съ полкомъ въ Литовскую инспекцію въ отсутствіе кн. Н. В. изъ Литвы, былъ подъ судомъ и подъ спудомъ въ продолженіи не одной земской давности; нечаянно назначенъ шефомъ полка и произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Взглянувъ на роту, приготовленную къ разводу и съ перваго шага увидѣвъ, что тамъ все еще было по старому, Императоръ обратился къ шефу не безъ гнѣвнаго

ленскѣ, пока онъ не простилъ предводителя. Философовъ, хотя былъ тогда Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ, но Государя въ Смоленскѣ не видѣлъ, находился на ту пору въ Минскѣ по особому порученію. Самый мостъ, предметъ драмы, былъ гораздо за Смоленскомъ къ Бѣлоруссіи.

слова. Тотъ со слезами благодарилъ за всемилостивѣйшій отзывъ о полку и о немъ. Подоспѣлъ князь съ докладомъ, что старикъ, совсѣмъ оглохлый, плохо и видѣлъ. Тутъ же велѣно генералъ-адъютанту отдать въ приказѣ объ увольненіе Якоби отъ службы по прошенію за старостью съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ. Смотря на роту, Его Величество изволилъ сказать: «Львы, а не люди, да неучь»; и тутъ же приказалъ барону А. А. Аракчееву остаться въ Ковнѣ, выучить полкъ. Адъютанта его не было съ нимъ; оставленъ я при немъ.

Шесть недѣль находился я при Алексѣѣ Андреевичѣ, и два раза въ день, съ ранней зари и послѣ обѣда, подготовлялъ полкъ на смотръ ему и на ученье. Онъ былъ тогда въ полномъ разгарѣ ратнаго рвенія; къ тому же довѣріе, по которому онъ, въ неожиданномъ отдѣленіи (Государь возвратился въ столицу черезъ Ригу) остался на берегу Нѣмана, не совсѣмъ, казалось мнѣ,

было ему по сердцу. Отъ всего этого, чего я тутъ не видѣлъ, чего не слышалъ! Самъ же до сей поры не понимаю, какъ тогда все сходило съ рукъ мнѣ. Не только нынче, но и тогда не было во мнѣ малѣйшей тѣни сомнѣнія въ томъ, чтобы самый младшій изъ офицеровъ не зналъ во сто разъ лучше меня хитросплетеній воинскаго строя. При всемъ томъ не постигаю, откуда бралась тогда во мнѣ такая находчивость, что ни ротные, ни баталіонные начальники, ни самъ полковой командиръ, старый служака Булгаковъ, не замѣчали темнаго невѣжества въ животрепещущей моей скороговоркѣ и по какому-то затмѣнію себя же называли непонятливыми. Самъ Алексѣй Андреевичъ, при прощаньи съ полкомъ, благодаря всѣхъ за усердіе, благодарилъ и меня за содѣйствіе ему въ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на него порученія; тоже писалъ и фельдмаршалу, похваляя способность мою къ военному дѣлу. Читая

это письмо, князь, посмотрѣвъ на меня съ ногъ до головы, молвилъ: таковскій!

Сколько строгъ и грозенъ былъ Алексѣй Андреевичъ передъ полкомъ, столько же дома былъ привѣтливъ и ласковъ. Походное хозяйство, по лучшему моему въ этой части разумѣнію, тотчасъ образовалось. Поручено мнѣ пригласить офицеровъ однажды навсегда на чай къ А. А. послѣ вечерняго ученья. Собиралось каждый день человѣкъ 10—15. Послѣ обычныхъ вопросовъ, откуда кто, давно ли въ службѣ, былъ ли въ походахъ, генералъ благосклонно и вразумительно изъяснялъ равненіе строя, плутонги, эшелоны, пуань-де-вю, пуань-д'аппюи и прочія мистеріи воинскаго устава; дозволялъ, даже и не безъ удовольствія, вопросы себѣ, отвѣчалъ терпѣливо и съ знаніемъ дѣла; самъ вопросами удостовѣрялся, хорошо ли понято, о чемъ вчера говорено.

Два раза въ недѣлю А. А. отправлялъ длинныя письма къ Государю

Наслѣднику Цесаревичу, а мнѣ поручалъ списывать ихъ отъ слова до слова для архива его. Каждое письмо начиналось, каждое же и оканчивалось, хотя не всегда въ однѣхъ и тѣхъ же выраженіямъ, изліяніемъ изъ глубины сердца одной и той же приверженности душевной, живѣйшей, вѣчно непоколебимой; а между началомъ и заключеніемъ каждое письмо наполнялось пространнымъ описаніемъ, съ перваго шага—невѣдѣнія во всѣхъ строевыхъ эволюціяхъ, потомъ--надежды къ исправленію при неусыпномъ трудѣ и точномъ исполненіи монаршей воли, наконецъ—вождѣленныхъ успѣховъ и усовершенія.

Кратковременная бытность моя подъ начальствомъ гр. А. А. не осталась безъ возмездія: при всякой встрѣчѣ онъ узнавалъ меня; иногда жалъ мнѣ и руку, а когда я приходилъ къ нему съ бумагами по разнымъ комитетамъ, то никогда не заставлялъ дожидаться, что̀ въ ту пору имѣло свою пріятность.

Рано еще теперь, да и не мнѣ, судить о гр. А. А. Аракчеевѣ; не въ судъ же и не въ осужденіе будь сказано, что въ положеніи, въ которое судьба завела его, онъ едвали и могъ не почитать себя государственнымъ человѣкомъ, и мнился потому службу приносити Россіи.

По возвращеніи изъ Риги фельдмаршалъ скоро отправился по инспекціи и изъ адъютантовъ взялъ меня съ собою: привыкъ ко мнѣ, жаловалъ меня, такъ что и секретныя бумаги, и деньги, и бриллiанты, и весь походный домъ его были на моихъ рукахъ. За то и я, при всей моей тогда вѣтренности, ничего такъ не боялся, какъ навлечь на себя его неудовольствіе; любилъ его, какъ отца и съ 7 часовъ утра до 9-ти вечера не отходилъ отъ него. Оттого во все время службы при немъ ни однажды не удалось мнѣ быть въ обществѣ молодыхъ людей, а послѣ охота отпала. Такая отеческая милость его ко мнѣ не мѣшала ему быть взыс-

кательнымъ и строгимъ по службѣ; ни малѣйшей неисправности, ни минутнаго упущенія онъ не оставлялъ безъ замѣчанія мнѣ, иногда и не безъ гнѣва. Чувствительнѣйшее для меня изъ подобныхъ взысканій было слѣдующее. Приказано мнѣ написать, не помню о чемъ, отношеніе къ канцлеру; написано, поправлено, мнѣ же велѣно и переписать его тотчасъ послѣ обѣда; фельдъегерь изъ за границы остановленъ въ Вильнѣ за этой депешей. Случись это на бѣду въ тотъ день, въ который дамы Виленскія просили князя на каву въ Закретъ *).Отправились съ нимъ верхомъ на лошадяхъ десятка три кавалеровъ,—какъ и мнѣ тамъ же не быть? Дамы выходили уже на встрѣчу, какъ онъ, завидѣвъ меня, спросилъ: «И вы здѣсь? А отношеніе къ канцлеру? Воротиться»;—велѣно тотчасъ переписать. Нельзя же было мнѣ, посрам-

---

*) Закретъ—въ Вильнѣ за городомъ гулянье. На каву—попольски на кофе.

ленному такъ явно и гласно, не надуться. Подписавъ бумагу: «служба, другъ мой,--сказалъ мнѣ,—требуетъ точности; стерпится, слюбится». По службѣ онъ всегда и со всѣми былъ строгъ и взыскателенъ; за то и люди выходили изъ его школы. Назову нѣкоторыхъ, кого зналъ лицемъ къ лицу: Я. И. Булгаковъ, Н. А. Львовъ, Д. П. Трощинскій, П. П. Панкратьевъ, И. А. Алексѣевъ, кн. Д. И. Лобановъ-Ростовскій, Я. Д. Мерлинъ, Ѳ. И. Энгель, П. А. Багмевскій, П. И. Литке, Е. Е. Гине, И. Н. Инзовъ, Е. В. Карнѣевъ. Никто изъ нихъ по службѣ не ударилъ лицемъ въ грязь, а духъ Репнина и по кончинѣ его соединялъ всѣхъ насъ, не смотря на разстояніе въ лѣтахъ, чинахъ и почестяхъ, взаимною, словно родственною любовью и доброжелательствомъ.

Пріѣхавъ въ Полангенъ для смотра 4 егерскаго баталіона, князь занемогъ и три дня пробылъ у командира, подполковника Михаила Богдановича

Барклая-де-Толли. Послѣ смотра, при отъѣздѣ, Михаилъ Богдановичъ верхомъ на лошади провожалъ его. Замѣтивъ это, князь остановился, обнялъ и отпустилъ подполковника, а мнѣ сказалъ: «Отличнѣйшій офицеръ Михайло Богдановичъ; мнѣ не дожить до того, а вы увидите, какъ онъ далеко пойдетъ и по заслугѣ, и съ пользою». Рѣдкій даръ имѣлъ князь Николай Васильевичъ предузнавать людей. Такъ и послѣ того, отлучаясь за границу, онъ назначилъ на свое мѣсто, по предоставленной ему Императоромъ власти, инспекторомъ Литовской арміи младшаго изъ всѣхъ тамъ бывшихъ генераловъ, генералъ-маіора барона (въ послѣдствіи фельдмаршала, графа и князя) Сакена, по совѣсти, писалъ Государю, и убѣжденію для пользы службы; а были тамъ не только генералъ-маіоры старше его, но и генералъ-лейтенанты и генералы отъ инфантеріи.

Возвращаясь въ Вильну, князь не долго могъ заниматься устройствомъ

края, не долго и пожилъ по прежнему. Всемилостивѣйше дозволено было ему имѣть за столомъ и болѣе положенныхъ по уставу фельдмаршалу приборовъ; вызванъ въ Августѣ на маневры въ Гатчину и поселенъ во дворцѣ, гдѣ и мы, Карнѣевъ и я, преизобильно снабжаемые всѣмъ изъ придворнаго буфета и кухни, въ маслѣ катались.

Первые это были маневры по восшествіи на престолъ Императора. Командовали — авангардомъ Наслѣдникъ Цесаревичь, аріергардомъ фельдмаршалъ графъ Каменскій, фельдмаршалъ кн. Репнинъ былъ главнокомандующимъ. Не проходило дня безъ дождя, не взирая на то все шло превосходно. Государь оттого былъ еще довольнѣе и веселѣе. И въ мелкихъ стычкахъ и въ главныхъ битвахъ случилась лишь одна невзгода, — пыжъ изъ пушки угодилъ въ ребро фельдмаршалу Каменскому: приказано контуженнаго охранно отнести

въ вагенбургъ. За послѣднимъ маневромъ и за приказомъ у развода велѣно собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ. Адъютанты, въ томъ числѣ и я, пріютились за начальниками. Окруженный побѣдоносными и побѣжденными вождями, Императоръ, изустно повторивъ все то, что̀ было отдано въ приказѣ, особенное всѣмъ войскамъ благоволеніе и удовольствіе, потомъ изволилъ сказать (такъ у меня записано): „Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не всѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось, вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія Россійскаго.“ Маневры заключились парадомъ, на которомъ, проходя мимо Императрицы, никто не салютовалъ эспантономъ такъ легко, такъ искусно и ловко, какъ Императоръ и главнокомандующій фельдмаршалъ, оба по званію баталіонныхъ командировъ, въ штиблетахъ.

Въ это время по общему производству поступилъ я въ поручики, и когда у развода благодарилъ Государя по тогдашнему обряду съ колѣнопреклоненіемъ, съ лобзаніемъ руки Его Величества и принятіемъ отъ него лобзанія въ щеку, Императоръ взялъ меня за палецъ и, обратясь къ князю Н. В., спрашивалъ: хорошо ли служу, кто отецъ мой, богатъ ли?, а на отвѣтъ: что отецъ мой ѣстъ и булку по праздникамъ, изволилъ пожать мнѣ палецъ и сказалъ съ царскою улыбкою благоволенія: «Служи, примѣръ у тебя передъ глазами; прочее придетъ».

По снѣгу уже отпустили князя въ Вильну. На дорогѣ въ Литвѣ мы встрѣтили старика Тимана (отставной маіоръ), который изъ за границы ѣхалъ на житье къ князю по древней къ нему привязанности. Нельзя было желать разумнѣйшаго, болѣе начитаннаго, болѣе богатаго разнородными свѣдѣніями и любезнѣйшаго со-

бесѣдника - христіанина. Былъ онъ нѣкогда отправленъ, по назначенію покойной Императрицы, за границу съ гр. Бобринскимъ и другими молодыми людьми; не могъ ужиться съ ними, въ Неаполѣ отсталъ отъ нихъ и съ той поры, съ однимъ вѣрнымъ червонцемъ на прожитокъ въ сутки, бѣгалъ по бѣлому свѣту и изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ не былъ только въ Константинополѣ; живалъ по году, по два при разныхъ Нѣмецкихъ дворахъ, былъ въ сношеніи съ извѣстнѣйшими учеными тогдашняго времени, зналъ и Месмера и Каліостро, живой Conversation-Lexicon, съ здравымъ и свѣтлымъ взглядомъ на дѣла и на вещи; пріѣхалъ умереть въ домѣ князя Н. В., но прежде его похоронилъ. Не наслушаешься бывало этого добраго, умнаго и всегда веселаго старика. Не изъ послѣднихъ магнетизеровъ, онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вовсе пересталъ магнетизировать. Я долго ходилъ за нимъ,

чтобы узнать, отъ чего онъ, христіанинъ, не внемля никакимъ убѣжденіямъ, бросилъ этотъ способъ помогать страждущимъ, между тѣмъ какъ самъ же разсказывалъ о полезномъ дѣйствіи магнетизированія въ разныхъ болѣзняхъ. По словамъ его, въ искренности которыхъ не находилъ я и не нахожу причины усомниться, магнетизируя, онъ чувствовалъ силу, которой не замѣчалъ въ себѣ въ обыкновенномъ, нормальномъ своемъ состояніи; возбужденіе въ себѣ этой силы онъ не приписывалъ одному необходимому и рѣшительному, въ такихъ случаяхъ, напряженію мысли и воли, а разбирая себя не понималъ, чтò то за сила и откуда она; по этому единственно недоумѣнію перестал магнетизировать, хотя магнетизировалъ довольно удачно и всегда безмездно. «Обѣдня у Русскихъ, — сказалъ онъ мнѣ при этомъ, — оканчивается молитвою, гдѣ говорится, что всякое даяніе благо и всякъ даръ

совершенъ отъ Отца Свѣтовъ; свѣтъ — премудрость, которая въ душу злохудожную не входитъ и въ тѣлѣ повинномъ грѣху не живетъ».

Князь надѣялся воротиться на долго въ Вильну, куда и семейство его прибыло. Подъ начальствомъ его были Литва, Лифляндія, Эстляндія и до 70/т. войска, а насъ при немъ всего было шестеро. Дѣла намъ было много, слишкомъ много, при большой и скорой тогда ломкѣ и переломкѣ, а шло. Князь, отдавъ приказанія по бумагамъ, на иныя не рѣдко самъ диктовалъ мнѣ отвѣты или представленія, гдѣ не всегда перемѣнялъ слова два-три: такъ они были рѣшительны, ясны и полны. Выраженія «поступить по законамъ, по усмотрѣнію, по мѣстному соображенію обстоятельствъ» были антиподы его; не употреблялъ и не терпѣлъ ихъ. Надо писать, говорилъ, такъ, чтобы никому не нужно было ломать себѣ голову, какъ исполнить предписанное, и неудачу сваливать съ себя на другаго не должно.

При всемъ томъ рѣдкій день онъ не выходилъ къ разводу. Я всегда былъ при немъ, какъ младшій изъ адъютантовъ. Кто не поспѣвалъ къ нему въ домъ, подавали меморіалы на улицѣ. Такъ однажды мальчикъ везъ за веревку тележку, въ которой сидѣла, согнувшись, тѣнь человѣка. Надѣвъ очки, князь всматривался и приказалъ мнѣ распросить, кто онъ, что̀ нужно ему и какъ онъ старъ. Подавая изсохшею рукою меморіалъ, старикъ-шляхтичь сказалъ, что ему 114 лѣтъ, въ чемъ по видимому грѣшно было и усомниться; а въ меморіалѣ просилъ о рѣшеніи процесса объ уволокѣ земли, захваченной у него богатымъ сосѣдомъ еще при Августѣ III. — Есть-ли родня? — Ни роду, ни племени. — Сколько дохода надѣется имѣть отъ той уволоки? — До трехъ червонцевъ. — Будетъ ли доволенъ, если я буду давать ему 25 червонныхъ въ годъ, пока онъ живъ, да затѣмъ перестанетъ-ли тягаться? — Дорога̀ старику была уволока; не тотчасъ,

а согласился. Велѣно мнѣ отнести ему 25 червонныхъ за первый годъ и условиться, куда впредь высылать; а адвокатъ подалъ просьбу въ судъ о прекращенiи тяжбы. «Стыдно и срамно для человѣчества, сказалъ князь, въ такой старости и немощи тягаться изъ пяди земли». Вообще онъ не умѣлъ пройти мимо просящаго, не сказавъ мнѣ: «подай ему, другъ мой», и я каждый разъ, выходя съ полнымъ серебра, возвращался съ пустымъ карманомъ. Однажды, прошедши мимо нищаго и тоже сказавъ мнѣ, онъ воротился къ нему и вынувъ, сколько захватилъ, изъ кошелька серебра и золота, положилъ мнѣ въ руку. Я подалъ ему.—Видно больше ему нужно: сердце покоя не давало.

Удивительны были всегдашняя готовность его на помощь нуждающимся и великодушiе. Сопернику, который велъ съ нимъ незаконную тяжбу объ имѣнiи изъ трехъ тысячь душъ крестьянъ, онъ, по рѣшенiи дѣла въ его пользу, подарилъ эти три тысячи душъ

для дѣтей его, оставшихся безъ кола и двора. Нѣкто получилъ отъ него изъ моихъ рукъ сто тысячь рублей. Выборные изъ пожалованнаго ему Императоромъ въ Нижегородской губерніи на Волгѣ имѣнія, шесть тысячь душъ, явились къ нему съ просьбою отъ міра не посылать къ нимъ управителя и получать отъ нихъ по 90/т. рублей въ годъ. Управителя не послалъ, а оброку назначилъ по 60/т. руб. въ годъ. По старымъ, адъютантами писаннымъ приходамъ и расходамъ, онъ втайнѣ издержалъ до 200 тысячъ рублей на пособія офицерамъ и даже солдатамъ въ Очаковскую кампанію. Расточи, даде убогимъ. Изъ всѣхъ его дѣлъ любви къ ближнему, извѣстныхъ и скрытныхъ, особенно прекрасны двѣ черты его великодушія. Командовалъ онъ войсками въ Уманѣ (*) и неожиданно получилъ другое назначе-

---

(*) Разсказывалъ мнѣ это Андрей Лаврентьевичъ Львовъ, тогда генеральсъ-адютантъ его; подтвердилъ мнѣ тоже и самъ виноватый.

ніе; на подъемъ при этомъ Императрица приказала выдать ему 60/тысячь рублей. Начальникъ коммиссіи, откуда эта сумма была назначена, проигравъ въ карты больше того, не зналъ, куда броситься, въ огонь или въ воду или въ казенный сундукъ, — рѣшился на послѣдній. Львовъ долженъ былъ открыть князю тайну. Князь призвалъ къ себѣ начальника коммиссіи, крѣпко журилъ его, потомъ вынесъ ему изъ кабинета росписку въ полученіи изъ коммиссіи 60/т.р. и его же просилъ пріискать емуденегъ въ займы. Изъ конфискованныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ пожаловано ему 5 или 6 тыс. душъ крестьянъ, принадлежавшихъ одному изъ знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ Польскихъ сановниковъ, семидесятилѣтнему графу Огинскому, у котораго за конфискаціею, болѣе 30/т. душъ, едвали осталась одна полная тысяча червонныхъ въ годъ на прожитокъ. Пославъ принять имѣніе, онъ велѣлъ узнать, сколько дохода получалъ от-

туда прежній помѣщикъ и высылалъ ему по смерть его, въ продолженіи 6 или 7 лѣтъ, тотъ же доходъ, по пяти тысячъ червонныхъ ежегодно. Нельзя не влюбиться въ такую чистую, высокую и свѣтлую душу.

Въ началѣ Марта 1798 года князь вновь получилъ отъ Императора собственноручное приглашеніе прибыть въ столицу и принятъ съ отличною милостью. Назначено ему отправиться въ Берликъ къ коронаціи, Huldigung, короля Фридриха Вильгельма III. Сверхъ Тимана и трехъ адъютантовъ: Ивана Никитича Инзова, Карнѣева и меня, онъ взялъ съ собою старшаго внука своего, князя Николая Волконскаго (потомъ Репнина). Остановка была за секретною инструкціею, за которою не одинъ разъ я ходилъ къ канцлеру кн. Безбородкѣ. Находилъ я канцлера въ 6 часовъ утра каждый разъ въ безпрекословной преданности лихому парикмахеру. Въ послѣдній разъ, какъ толь-

ко завидѣлъ меня сквозь облако пудры: «За инструкціею? пишу, пишу (сказалъ мнѣ съ карандашемъ и бумагою въ рукахъ), вчера лишь получилъ приказаніе отъ Его Величества; надобно было дождаться отвѣта изъ Вѣны». Дѣйствительно, между тѣмъ какъ художникъ трудился надъ волосами его, онъ продолжалъ писать карандашемъ на колѣнахъ и написанные листы бросалъ на полъ. Удивлялись въ свое время быстротѣ и легкости князя Безбородки въ работѣ; но въ этомъ, кажется, не много чудеснаго, когда съ хорошею памятью все напередъ порядочно обдумано. Переломъ въ дѣловомъ слогѣ у насъ отъ князя Безбородки.

Князю Виктору Павловичу Кочубею достались отъ него разныя рукописи; нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣдствіи онъ поручалъ мнѣ переводить: такъ онѣ писаны связно и неразборчиво карандашемъ на скорую руку; во всѣхъ заключались здравыя и свѣтлыя мы-

сли, дѣльное и основательное знаніе.

Двѣ бумаги были особенно для меня замѣчательны: о государственныхъ фондахъ и о раздѣленіи внутренняго управленія въ государствѣ на министерства, о чемъ вѣроятно и тогда уже думали. Не жаловалъ князь Александръ Андреевичъ ни министерствъ, ни министровъ; боялся отъ того въ самодержавномъ правленіи какого-то ущерба въ единой власти, а болѣе всего самолюбія съ властью въ рукахъ и безотчетностью.

Былъ у него подкамердинеръ Степанъ, отпущенъ на волю и долго впослѣдствіи служилъ у меня по найму; много разсказывалъ мнѣ о послѣднемъ времени его жизни. Былъ спокоенъ; но задумчивъ, любилъ уединяться; одинъ гр. Петръ Васильевичъ Завадовскій входилъ къ нему безъ доклада. Однажды Степанъ отворилъ ему дверь кабинета; графъ въ удивленіи на порогѣ остановился: «Помилуйте, князь Александръ Андреевичъ (говорилъ)

какое малодушіе! На что это похоже!» Князь на колѣнахъ молился; услышавъ голосъ гостя, вскочилъ, отиралъ слезы и извинялся. Когда болѣзнь его усилилась такъ, что онъ слегъ, да никого изъ чужихъ притомъ у него не было, то онъ читалъ не рѣдко со слезами, не большую не Русскую книжку съ картинкою, распятіемъ, и пряталъ ее подъ подушку, когда кто входилъ къ нему. Увидѣвъ у меня Подражаніе Іисусу Христу на Французскомъ языкѣ съ тѣмъ же изображеніемъ, Степанъ сказалъ, что точно такую книжку князь Александръ Андреевичъ любилъ читать, пока могъ, на смертнотъ одрѣ.

*

Съ большимъ удовольствіемъ я поѣхалъ за границу: поѣздки въ чужіе края не были еще тогда такъ обыкновенны, какъ нынче; но надежды мои съ перваго шага осѣклись. Ни Берлинъ и песчаныя окрестности его, ни праздники, по случаю Huldigung,

при дворѣ и у знати, ни военные парады, ни коллекціи рѣдкостей (для науки было въ нихъ не мало, для глаза не много) ни произведенія изящныхъ художествъ, ни сліяніе шума и скрипа мельничныхъ колесъ по сосѣдству со звуками музыки въ бѣлой залѣ королевскаго замка, ни переданные потомству въ мраморахъ герои семилѣтней войны (одинъ въ Испанскомъ парикѣ и Римской тогѣ, другой въ огромной треугольной шляпѣ на головѣ съ косою въ аршинъ по хребту, третій въ полномъ гусарскомъ облаченіи и т. д.) ни завѣтный по вечерамъ побѣгъ Берлинскихъ гражданъ ins grüne, гдѣ тысячи садились въ тѣни Тиргартена за длинные столы (молчатъ, мужъ съ трубкою во рту передъ кружкою пива, жена съ чулкомъ и съ вѣчнымъ движеніемъ пальцевъ передъ тою же кружкою) все это не было ни прелестно, ни ослѣпительно. За то я не рѣдко являлся съ глубокимъ почтеніемъ къ живымъ еще тог-

да современникамъ Фридриха Великаго, то съ вопросомъ, то за отвѣтомъ отъ князя. Суждено же было и имъ старцамъ дожить до Іены!

Отъ Французскаго правительства присланъ былъ къ коронаціи извѣстный въ революціи Сіесъ. Ни старъ, ни молодъ, средняго роста, съ кошачьими глазами, съ багровымъ цвѣтомъ въ угрюмомъ лицѣ, не словоохотливый, на Француза по всему этому мало похожій; рѣдко съ кѣмъ онъ, а еще рѣже кто съ нимъ начиналъ говорить; подозрѣвали, не прикрывалъ ли онъ молчаніемъ и сумрачнымъ взглядомъ иные—глубокаго умысла, другіе—отсутствія способностей. Фельдмаршалъ Калькрейтъ на какой-то вопросъ во дворцѣ отвѣчалъ ему весьма отрывисто: non, monsieur, non, sans phrases. Былъ онъ въ Берлинѣ, по видимому, какъ незваный гость хуже Татарина, такъ что когда, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ его, фабричный народъ сдѣлалъ ночью буйство за Бранден-

бурскими воротами, то Подъ Липами тотчасъ прокричали: бунтъ по наущенію Сіеса. Смуты не были еще тогда по вкусу Берлинцамъ.

По мундиру (*) звали и меня всюду за княземъ. Пріятные обѣды, и часто, бывали у фельдмаршала Меллендорфа и у всеобщаго тогда въ Берлинѣ пріятеля мануфактуръ-совѣтника Шмидса, богатаго весельчака, великана ростомъ и брюхомъ. Памятны мнѣ два обѣда; для одного у Меллендорфа я бѣгалъ, какъ угорѣлый. Отдавая письмо часовъ въ девять утра въ воскресный день, князь велѣлъ мнѣ ѣхать тотчасъ къ банкиру его, взять у него тысячу фридрихсдоровъ и отвезти туда и тому, куда и кому въ письмѣ написано, да непремѣнно до обѣда. Письмо было отъ сына одного изъ Австрійскихъ магнатовъ,

---

(*) На мнѣ былъ мундиръ, тотъ же что́ и а князѣ, Псковскаго пѣхотнаго полка.

фельдмаршала: получилъ-де приглашеніе на обѣдъ отъ Меллендорфа, неожиданно арестованъ; не пріѣдетъ къ обѣду, арестъ огласится, и онъ тогда посрамитъ не только себя, но и отца и всю фамилію. Слышавъ отъ отца, что князь въ молодости, въ Парижѣ, былъ ему добрымъ пріятелемъ, просилъ его прислать ему 1000 фридрихсдоровъ и спасти отца его отъ неизбѣжнаго срама; да не замедлить, чтобы онъ поспѣлъ къ обѣду по приглашенію. Поскакалъ я къ банкиру, метался во всѣ углы, нашелъ его за городомъ, съ трудомъ убѣдилъ его ѣхать со мною въ контору и доставилъ еще во время сумму по назначенію. Нашелъ сіятельнаго въ гостинницѣ подъ охраненіемъ двухъ драгунъ съ обнаженными саблями: уѣхалъ изъ Берлина, не расплатившись; кредиторы подстерегли его, какъ онъ снова пожаловалъ въ Прусскую столицу, и приняли въ обезпеченіе себя эту тамъ обычную мѣру.

За другимъ обѣдомъ разговоръ зашелъ о Франціи. Прославляли, кто помоложе, дальновидность тѣхъ правительствъ, которыя дорожили дружбою Франціи; любопытствовали знать, какъ думалъ о томъ Русскій фельдмаршалъ, который не принималъ участія въ бесѣдѣ, пока и старики не заговорили. «Не дальновидность въ этомъ нахожу я, сказалъ онъ, а просто какое-то затмѣніе и, если у васъ всё также пойдетъ еще лѣтъ восемь, много десять, то не пришлось бы бояться уже не за честь только, но и за жизнь».«Князь, вы пугаете насъ», въ одинъ голосъ сказали Меллендорфъ и Калькрейтъ. «Сожалѣю, отвѣчалъ онъ, а не могу отступить отъ своей мысли».

Князь Николай Васильевичъ имѣлъ отъ Императора важное по тогдашнему положенію дѣлъ въ Европѣ порученіе, цѣлью котораго было единодушное, твердое противуборство идеямъ, отъ которыхъ до сихъ поръ не-

счастныя смуты на Западѣ и которыхъ распространеніе и дѣйствіе Императоръ издалека такъ вѣрно предвидѣлъ. Но Прусскій кабинетъ, во главѣ котораго былъ тогда гр. Гаугвицъ, полагалъ все спасеніе Пруссіи въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ изъ Берлина, князь писалъ Государю, «что Пруссія скоро и дорого заплатитъ за угодничество Французскому правительству; но дѣлать нечего, способа нѣтъ убѣдить Гаугвица и короля». На вопросъ о тамошнихъ войскахъ, описавъ всѣ подробности, такъ заключилъ: «Упаси Господи, чтобы въ гвардіи и арміи Вашего Величества было такъ мало воинскаго духа и чтобы нижніе чины у насъ такъ отолстѣли, какъ здѣсь».

Изъ Берлина для того же велѣно князю отправиться въ Вѣну, но и тамъ баронъ Тугутъ, не во всемъ впрочемъ согласный съ графомъ Гаугвицемъ, находилъ безопаснѣйшимъ си-

дѣть у моря и ждать погоды. Эрцгерцогъ Карлъ, съ которымъ князь три дня пробылъ въ Прагѣ, былъ прозорливѣе. Былъ онъ тогда молодъ, но не здоровьемъ. Князь изъ Вѣны писалъ объ немъ Государю, что онъ орелъ изъ всей фамиліи, съ вѣрнымъ и свѣтлымъ взглядомъ па людей, на дѣла и на вещи, съ горячею любовью къ отечеству, но и съ безпредѣльною покорностью брату-императору, скроменъ въ разсказѣ о военныхъ своихъ дѣйствіяхъ, съ отличнымъ умомъ и сердцемъ, но въ крайне-болѣзненномъ состояніи. Требовались тогда всѣ эти подробности объ эрцгерцогѣ не безъ причины.

Изъ Вѣны отправились мы во свояси. На послѣдней передъ Тешеномъ станціи отсталъ я отъ князя за починкою экипажа, пріѣхалъ туда уже въ сумерки; вся городская площадь и на ней домъ, который князь занималъ во время Тешенскаго конгреса, были ярко освѣщены. Биргеръ-мей-

стеръ и магистратъ, сожалѣя, что князь не принялъ приготовленнаго ему угощенія, убѣдили меня посмотрѣть на городскую ихъ гвардію въ строю подъ ружьемъ и на жилище бывшаго Европейскаго посредника. Здѣсь я не умѣлъ отказаться отъ роскошнаго ужина и догналъ князя уже гораздо за полночь. Какъ же онъ обрадовался мнѣ и какъ я сѣтовалъ самъ на себя, когда увидѣлъ, что онъ даже не раздѣвался отъ безпокойства, не случилось ли что со мною!

Въ Берлинѣ князь Н. В. получилъ отъ Императора весьма благосклонныя письма; а два собственноручныхъ письма, полученныя въ Вѣнѣ, были и тѣхъ еще милостивѣе. Въ Люблинѣ фельдъегерь встрѣтилъ его также съ собственноручнымъ высочайшимъ письмомъ въ пріятнѣйшихъ выраженіяхъ и съ приглашеніемъ ѣхать прямо въ Петербургъ, «дать скорѣе обнять себя».

Отъ Люблина далеко ли до Брестъ-Литовска? Въ самый день пріѣз-

да въ Брестъ, князь получилъ съ фельдъегеремъ именный, уже не собственноручный, указъ — не ѣздить въ Петербургъ, а по обстоятельствамъ остаться въ Литвѣ. По числамъ этотъ указъ былъ отправленъ на другой день послѣ полученнаго въ Люблинѣ рескрипта. На ночлегѣ въ Слонимѣ, встрѣтилъ князя третій фельдъегерь, по словамъ его и по числу отправленный черезъ нѣсколько часовъ вслѣдъ за вторымъ: привезъ вторичное именное высочайшее повелѣніе князю — не ѣздить въ Петербургъ, а остаться въ Вильнѣ. Князь видѣлъ тучу, собравшуюся надъ нимъ такъ внезапно и такъ неожиданно; но былъ спокоенъ, какъ въ ясную погоду: давно онъ пересталъ считать себя своимъ. Третій гонецъ съ ума было свелъ меня и Тимана, сказавъ на ухо, что генералъ Римскій - Корсаковъ часа за два передъ нимъ прискакалъ въ Вильну. Свободно мы вздохнули уже на мѣстѣ. Генералъ Римскій-Корсаковъ

вдругъ, за что самъ не зналъ, высланъ изъ Петербурга на житье въ Вильну.

Князь нашелъ въ Вильнѣ семейство свое, но не на радость. Княгиня занемогла; вслѣдъ за нею занемогла и дочь, кн. А. Н. Волконская. Въ этомъ семейномъ горѣ его, три Петербургскія почты, одна вслѣдъ за другою, привезли: первая — высочайшій приказъ о назначеніи начальникомъ Литовской инспекціи генерала Ласси; другая — указъ изъ Сената о назначеніи его же Литовскимъ военнымъ губернаторомъ; третья — указъ изъ Сената о назначеніи гр. Эльмпта Лифляндскимъ и Эстляндскимъ военнымъ губернаторомъ. Князя Репнина словно не стало; ни слова о немъ. Въ это самое время княгиня Наталья Александровна скончалась, а княгиня Волконская лежала при смерти. Послѣ похоронъ князь продиктовалъ мнѣ слѣдующее письмо къ Императору: «Убѣждаясь совѣстью, что не могу уже быть полезенъ въ службѣ

В. И. В., всеподданнѣйше прошу В. В. уволить меня отъ службы.» — Въ приказѣ отдано: «Генералъ-фельдмаршалъ кн. Репнинъ по прошенію увольняется отъ службы съ мундиромъ».

Дождавшись выздоровленія дочери, онъ уѣхалъ въ Москву, сопровождаемый благословеніями всего края. Какъ всегда, такъ и во все это время семейной печали его, бывъ при немъ неотходно, я не слышалъ отъ него слова, не замѣтилъ въ немъ и любопытства знать, отъ чего бы могъ быть въ сердцѣ царевомъ такой переходъ отъ милости къ гнѣву — и въ одни сутки.

Не забыть мнѣ отеческой заботливости его о мнѣ, тогда юношѣ, даже и при отъѣздѣ: сверхъ денегъ съ избыткомъ, онъ оставилъ мнѣ прекрасную верховую лошадь и все необходимое для холостаго хозяйства. Два походныхъ подсвѣчника, его же прощальный подарокъ, до сихъ поръ хранятся у меня, какъ драгоцѣнность. «Служи, другъ мой, сказалъ онъ, обнимая

меня при прощаньи, вѣрно, прилежно и честно; старайся понравиться начальнику; будетъ въ чемъ тебѣ нужда, пиши ко мнѣ; а случится невзгода, пріѣзжай прямо на дворъ къ другу твоему Репнину».

Не одинъ разъ я спрашивалъ самъ себя, въ чемъ бы состояло существенное, отличительнѣйшее качество государственнаго человѣка? Зналъ я многихъ у насъ во главѣ не той-другой части управленія; не съ однимъ и дѣло имѣлъ, съ инымъ глазъ на глазъ до ранней зари; ни въ комъ не было недостатка въ добромъ желаніи; не въ одномъ проявлялась и свѣтлая, не-та-другая черта изъ тѣхъ, которыя, по общему разумѣнію и требованію, всѣ вмѣстѣ должны составлять прямо государственнаго мужа. Но ни въ комъ не случилось мнѣ замѣтить того простаго, нелукаваго ока, безъ котораго все тѣло темно.

Оглядка на самаго себя въ государственномъ дѣлѣ заслоняетъ про-

стое око: не сказать бы чего не впопадъ, не забыть бы чего, не вставить бы чего лишняго, не разстроить бы связей, не навлечь бы на себя гнѣвнаго взгляда. Отъ всѣхъ такихъ и подобныхъ расчетовъ и отъ боязливаго по нимъ пересмотра себя, какъ передъ зеркаломъ, человѣкъ, сколько бы ни было въ немъ ума, и знанія, и опыта, вслушиваясь безпретанно въ свои мысли, въ одну вслѣдъ за другою, разъединяется до того, что съ волненіемъ въ душѣ и языкъ пріучается называть вещи не своимъ именемъ. Простое око въ государственномъ человѣкѣ не то, что̀ искренность: это постоянное и неуклонное взираніе на одну и единственную цѣль — на благо и славу Отечества, съ такою къ нему любовью, для которой самая тяжелая для сердца человѣческаго жертва не дорога, которая не ищетъ своихъ-си. Такой любви нельзя возъимѣть безъ того, чтобы не забыть, не отчудить себя отъ

самого себя, а забвеніе, отчужденіе себя отъ самого себя пріобрѣтается только рѣшительною борьбою съ самолюбіемъ и другими не столь благовидными, но столько же, по временамъ еще и болѣе сильными, страстями, и благодатною надъ ними побѣдою; и едва ли не оно-то и есть отличительнѣйшее, существенное достоинство истиннаго государственнаго мужа. Съ этой стороны не встрѣчалъ я, да и теперь не знаю, другаго князя Николая Васильевича. Но Репнины и родятся вѣками.

*

Генералъ Ласси скоро прибылъ въ Вильну. Изъ адъютантовъ, по производству въ отсутствіе князя и по другимъ причинамъ разсѣявшихся, остались при немъ уже только Карнѣевъ и я: сокращенный штабъ всего военнаго и гражданскаго въ Литвѣ управленія. Новый начальникъ не переставалъ повторять намъ — быть всему такъ, какъ было при князѣ;

щадилъ насъ, до того дорожилъ нашимъ временемъ, что самъ приходилъ къ намъ по нѣскольку разовъ въ день слушать доклады и подписывать бумаги; мы приходили къ нему только обѣдать. Столъ у почтеннаго Бориса Петровича Ласси былъ Русско-шотландскій: завѣтныя, каждый день тѣ же, четыре блюда — щи, картофель съ рыбою на раскаленной сковородѣ, ростбифъ, плумъ-пудингъ; вино въ глазахъ его было лишнее снадобье: у честнаго-де человѣка сердце весело и безъ вина. Самъ не садился за столъ, а, ходя около, въ мундирѣ, при шпагѣ, съ генеральскою шляпою на головѣ, любилъ поджигать аппетитъ у гостей прибаутками; по привычкѣ ли или по заповѣди, ложился спать въ семь часовъ вечера, вставалъ въ три часа утра, начиналъ день двумя чашками крѣпкаго кофе, въ 6 часовъ кушалъ овсяную кашу на сливкахъ, затѣмъ до 5 часовъ пополудни жевалъ шоколадъ, котораго до-

статочный запасъ не выходилъ у него изъ кармана, въ шесть часовъ заключалъ свой день двумя же чашками крѣпкаго кофе. Неизбѣжное изрѣдка отступленіе отъ этого правила было ему весьма непріятно. Послѣ стола, обыкновенно говаривалъ намъ: «черезъ два часа приду подписывать», и рѣдкій день не заходилъ къ намъ въ семь часовъ утра съ вопросомъ: нѣтъ-ли чего подписывать? Прислана была между тѣмъ новая форма мѣсячныхъ рапортовъ по инспекціямъ, на одной страницѣ почтоваго листа, при малѣйшемъ недосмотрѣ въ графахъ и числахъ преопасная, а потому и хлопотливая. Карнѣевъ взялъ на себя это дѣло и для того каждый мѣсяцъ обыкновенно на три дня запирался. Все прочее въ этотъ промежутокъ времени я — валяй да катай! Впослѣдствіи Карнѣевъ и я тѣшились воспоминаніемъ, какъ все это шло у насъ, да еще и съ рукъ сошло.

Объѣхавъ инспекцію, Борисъ Петровичъ получилъ повелѣніе сдѣлать вновь строгій инспекторскій смотръ расположенному въ Брестѣ Литовскомъ полку, котораго шефомъ, мѣсяца за два передъ тѣмъ, назначенъ былъ генералъ Римскій-Корсаковъ. Пріѣхали въ Брестъ въ концѣ Ноября, ночью; холодно было, къ тому жъ меня сонъ давилъ. Принявъ приказаніе отъ генерала, я побѣжалъ на квартиру и легъ спать. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, будетъ ли у меня завтракъ и моя тогда, по обезьянству, любимая овсяная каша на сливкахъ. Между этою мыслью и лѣнью встать и спросить деньщика, поднялась во мнѣ такая борьба, что я не только не могъ заснуть, но просто въ потъ меня бросило; съ досады я вскочилъ и вышелъ спросить о своей кашѣ; спросивъ не успѣлъ оборотиться, слышу что-то обрушилось; прибѣжалъ деньщикъ со свѣчею, и что же?—въ комнатѣ, гдѣ я легъ было спать, по-

толокъ обвалился, и доски свисли концами прямо на дорожную подушку, на которой за минуту передъ тѣмъ лежала голова моя. Возовъ двадцать вывезли песку, глины и всякаго хлама изъ развалины, пока то дорылись до моей дорожной подушки. Очевидный перстъ милосердія Божія! Страннымъ покажется, что пошлой овсяной кашѣ суждено было спасти меня отъ неминуемой смерти. Въ Нѣмецкой книгѣ «Ahnungs-Vermögen» и во многихъ другихъ есть разные толки на подобные случаи. Душѣ человѣческой, въ какомъ-то ея состояніи, присвоивается какая-то способность предчувствовать и предугадывать. Я плохо понялъ всѣ эти психологическіе толки и держусь въ простотѣ сердца вѣры въ милосердіе Господа Спасителя нашего, долготерпящаго и призывающаго насъ къ покаянію. Души человѣческія такъ дороги Ему, Искупителю нашему, что для спасенія ихъ, гдѣ-то сказано, Онъ посылаетъ вой небесныхъ.

Новый 1799-й годъ мы встрѣтили въ Вильнѣ. Въ этомъ—хорошо не помню—или въ 1798 г. я видѣлъ въ Вильнѣ прохожденіе Венеры черезъ меридіанъ. Въ тамошнемъ университетѣ обсерваторія снабжена была весьма порядочными инструментами, и живъ еще тогда былъ извѣстный астрономъ, старикъ-каноникъ Почебутъ. Я нерѣдко забѣгалъ къ нему навѣдываться, что̀ дѣлалось на небѣ. Позвалъ онъ меня посмотрѣть на Венеру въ славѣ ея. Было это пополудни; день былъ тихій и свѣтлый, небо безоблачное, солнце въ полномъ сіяніи. Стрѣла изъ лука не такъ быстро летитъ, какъ эта ярко-алая въ безпредѣльности искра летѣла съ бѣлымъ, широкимъ и длиннымъ, какъ у кометы 1811 года, хвостомъ, обсыпаннымъ милліонами разноцвѣтныхъ бриллiантовъ; безчисленные милліоны этихъ эфирныхъ, краше всѣхъ земныхъ, драгоцѣнностей, горѣли съ чудеснѣйшими переливами свѣта, вдругъ

собирались въ густыя радуги, вдругъ тѣ же радуги ломались: подумалъ бы, что солнце тѣшилось дивною и неизообразимою игрою лучей своихъ. Во всю мою жизнь я не видѣлъ ни другаго такого явленія въ природѣ, ни подобнаго ему въ великолѣпіи. На небо, повѣдающее славу Божію, и на твердь, возвѣщающую твореніе рукъ Его, смотрѣли въ Вильнѣ въ эту минуту Почебутъ, да я, да его famulus; оттого какое-то сожалѣніе смѣнило во мнѣ восторгъ благоговѣйнаго удивленія. Есть радости въ жизни, которыми хотѣлось бы подѣлиться съ знакомымъ и незнакомымъ.

*

Неожиданно Ласси получилъ повелѣніе перевести главную свою квартиру въ Гродну, куда мы и прибыли вмѣстѣ съ весною 1799 года. Громогласная наша главная квартира все еще состояла изъ Бориса Петровича, Карнѣева, меня и четырехъ писарей унтеръ-офицеровъ. Скоро затѣмъ при-

сланъ къ генералу отъ иностранной коллегіи Петръ Яковлевичъ Убри для переписки съ пограничными властями. Явился и назначенный къ нему бригадъ-маіоромъ полковникъ Ивановъ. Намъ, адъютантамъ, отъ нихъ было не легче, но подъ одной крышею веселѣе. Стали между тѣмъ и полки приходить въ Литву одинъ за другимъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ. По присылаемымъ съ границы губерніи рапортамъ и маршрутамъ видно было, когда они выступили изъ прежнихъ квартиръ, а Ласси не имѣлъ объ нихъ и намеку. Возрасла Литовская армія до 90 т. войска. Не замедлили прибывать въ главную квартиру подъ начальство Бориса Петровича и генералы: Віомениль, Дотишанъ, Нумсенъ, Ланжеронъ, Бенкендорфъ, Титовъ и другіе. Становилось у насъ что-то похожее на главную квартиру.

Недолго генералъ былъ въ неизвѣстности о такомъ приливѣ къ намъ

войскъ и военачальниковъ: получилъ высочайшій секретный рескриптъ, въ которомъ кратко и ясно было сказано, что онъ могъ получить повелѣніе выступить со всѣми ввѣренными ему войсками черезъ 24 часа въ походъ за границу, и потому былъ бы въ готовности. Борисъ Петровичъ Ласси былъ храбрый генералъ и человѣкъ преблагородный и преблагомыслящій, а на тотъ разъ призадумался. Тотчасъ отправленъ бригадъмаіоръ во всѣ полки для осмотра и понужденія, а мы составили статистику всѣхъ полковъ по послѣднимъ рапортамъ. Оказался богатый во всемъ недостатокъ; у начальника же провіантскаго депо, Скосаревскаго, денегъ не нашлось всего на все и 25 т. руб., такъ что продовольствіе, и особливо фуражъ войскамъ, и то очень скудный, нужда заставляла ужé добывать реквизиціями. Борисъ Петровичъ, исчисливъ все то, безъ чего онъ не могъ ступить шага впередъ,

велѣлъ намъ написать подробное представленіе, полагалъ сперва Императору, согласился потомъ Обольянинову, тогда генералъ-провіантмейстеру. Бумага подписана и приготовлена къ отправленію по эстафетѣ. Ушедши отъ насъ, генералъ встрѣтился съ Віоменилемъ. Этотъ переувѣрилъ его, что надобно писать обо всемъ прямо Государю и въ собственныя руки, а Обольянинову послать списокъ съ представленія. Воротясь, Борисъ Петровичъ велѣлъ такъ и сдѣлать, и сверхъ того написать рапортъ Императору о назначеніи къ нему Бенигсена. Сей послѣдній жилъ тогда въ своемъ имѣніи Минской губерніи, гдѣ нашъ дядя Карнѣевъ былъ губернаторомъ. Отъ дяди мы имѣли двусмысленныя свѣдѣнія о Бенигсенѣ и доложили о томъ генералу; не внялъ намъ: пошли наши бумаги. Вмѣсто ожидаемаго по разсчету времени отвѣта, пріѣхалъ въ Гродну В. В. Ханыковъ, тогда членъ

провіантскаго департамента; не выходилъ почти отъ насъ изъ канцеляріи, но ни слова не молвилъ ни генералу, ни намъ о нашихъ бумагахъ; черезъ три дня уѣхалъ обратно въ столицу. Едва онъ успѣлъ воротиться, по нашему разсчету, какъ Борисъ Петровичъ получилъ съ фельдъ-егеремъ высочайшій рескриптъ въ отвѣтъ на свое представленіе: признано неумѣстнымъ. Велѣно быть въ готовности къ походу; слѣдовало то и исполнить; не спрашивалось, что̀ нужно войскамъ въ походѣ: будетъ сказанъ походъ, дастся и все потребное. Просьба же о Бенигсенѣ приписана наущеніямъ окружающихъ, которыхъ, сказано въ рескриптѣ, лучше удалить, нежели слушать. Вслѣдъ затѣмъ другой фельдъегерь привезъ генералу высочайшій рескриптъ съ извѣщеніемъ, что Его Величество изволилъ признать за благо Карнѣева и Лубяновскаго отставить отъ службы. Не лгу: добрый, почтенный Борисъ Петровичъ плакалъ, объявляя намъ этотъ указъ.

Какъ мы попали подъ руку во время-оно, не ранѣе какъ уже въ 1817 г. П. Х. Оболъяниновъ разсказывалъ мнѣ про то съ повинною, самъ говорилъ, головою.

III.

Не исключенные, не выброшенные, не выкинутые изъ службы, а отставленные, мы потому могли прiѣхать въ Москву и водворились въ домѣ князя Николая Васильевича. Принялъ насъ, какъ отецъ принимаетъ дѣтей. Карнѣевъ скоро уѣхалъ, а я вызвался быть по прежнему адъютантомъ, и зажилъ съ Тиманомъ въ избыткѣ и удовольствiи.

Образъ жизни князя Николая Васильевича по смерти княгини, къ тому же въ отставкѣ, былъ тихiй, все же боярскiй; ни за столъ онъ не садился, ни вечера онъ не проводилъ безъ гостей, нерѣдко во множествѣ,

всегда незваныхъ; въ домѣ его простота со строгимъ приличіемъ, но безъ всякой затѣйливой роскоши, отличалась совершеннѣйшею чистотою; во всемъ были видны порядокъ, благородство, обиліе. Въ лицѣ его, даже и въ старости, трудно сказать, чего было болѣе, величія или пріятности; по такому лицу невольно почтилъ бы великаго человѣка и въ рубищѣ; огонь и разумъ изъ глазъ его изливались въ голосѣ свѣтломъ, въ рѣчи ясной, безхитростной, свободной, но кроткой. Въ гостинной онъ съ рѣдкимъ искусствомъ и съ постояннымъ радушіемъ заводилъ и оживлялъ отъ мелкихъ предметовъ общую бесѣду, всегда занимательную; съ однимъ дѣлилъ печаль, съ другимъ радость; никогда не выходило изъ устъ его слово презрѣнія; ни самъ онъ и никто у него не говорилъ о правительствѣ; не было также ни игры въ карты, ни злорѣчія, ни пересудовъ ни на чей счетъ; никогда онъ не говорилъ о себѣ и о

службѣ своей; любилъ похвалить другаго, вспомнить о знаменитыхъ людяхъ прошедшаго времени, разсказывать случаи изъ практической жизни, слушать любопытные и забавные разсказы. Не проходило вечера, въ который не вынесъ бы я чего нибудь для себя новаго изъ гостиной князя Николая Васильевича. Нѣсколько такихъ пріобрѣтеній.

Зашла рѣчь о гр. Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ. Князь отозвался о немъ съ отличнымъ уваженіемъ, называлъ его разумнымъ и искуснымъ администраторомъ по военной и гражданской части. Не безъ грѣха же и онъ былъ, сказалъ при этомъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Императрица вздумала прогуляться въ саняхъ; солдатъ прокрался при сходѣ съ лѣстницы съ просьбою на головѣ; велѣла флигель-адъютанту принять просьбу и доложить, когда воротится, а солдату дождаться. Была то жалоба отъ всего стоявшаго въ Казани полка на

полковника. Въ тотъ же день на вечерней бесѣдѣ Императрица отдала жалобу графу Захару Григорьевичу и приказала нарядить на мѣстѣ строгое слѣдствіе, а солдата, пока оно кончится, у себя подержать. Розыскъ тянулся; потомъ и розыскъ, и солдатъ вышли изъ памяти. У полковника было много родни; наступили на Чернышева; тотъ, видя, что о слѣдствіи не спрашивали, послалъ солдата не въ ближнее мѣсто. Свѣдала про то Императрица. «А что наше Казанское слѣдствіе?» спросила Чернышева черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на вечерней же бесѣдѣ.—Еще не кончено.—«А солдатъ, что̀ подалъ мнѣ просьбу?»—Живетъ у меня; къ обѣду ему три блюда и къ ужину три, чарка вина, пива бутылка. — «Imposteur, вспыхнула Императрица, меня спроси, гдѣ онъ». Велѣла возвратить солдата въ полкъ съ награжденіемъ и немедленно представить ей слѣдствіе. Полковникъ отставленъ.—«Что̀ же этимъ доказывает-

ся? говорилъ князь; что и разумный и правдолюбивый человѣкъ легко еще можетъ спотыкнуться, и что всякому изъ насъ надобно безсмѣнно стоять на часахъ у себя. Графъ Захаръ Григорьевичъ, впрочемъ, былъ дѣйствительно скоръ и горячъ. Въ семилѣтнюю войну чуть не оторвалъ пальца у главнокомандующаго Бутурлина. Совѣтовались, гдѣ и какъ дать сраженіе, ходили по картѣ; главнокомандующій искалъ Одеръ и спрашивалъ, гдѣ жъ эта рѣчка? Схватилъ Чернышевъ фельдмаршала за палецъ; этотъ кричитъ «больно! а онъ бѣгаетъ его пальцемъ по Одеру и твердитъ ему: «не рѣчка, ваше сіятельство, а рѣка, рѣчище, Одерище».

Пріѣхали на вечеръ съ большаго у кого-то обѣда, гдѣ говорено было о ревизіи губерній: разсылались въ ту пору сенаторы по губерніямъ. Старикъ въ звѣздахъ разсуждалъ за столомъ о пользѣ ревизіи для государства: обмоетъ губернію, выброситъ

соръ, разбудитъ сонныхъ; народъ оживетъ и будетъ благословлять Государя. «Если только эта ревизія (вдругъ раздался голосъ съ конца стола) пойдетъ не такъ, какъ была ревизія при покойной Императрицѣ».—А какъ была та ревизія? спросилъ старикъ въ звѣздахъ.—«Не знаю гдѣ какъ, отвѣчалъ голосъ съ конца стола, а какъ она была въ Тулѣ, ваше превосходительство, про то нельзя мнѣ не знать: я былъ тамъ въ то время на службѣ».—Старикъ въ звѣздахъ замолчалъ. Другіе покоя не дали голосу съ конца стола, пока не разсказалъ, какъ дѣлается сенаторская ревизія. Онъ служилъ тогда депутатомъ отъ Ефремовскаго уѣзда; всѣ депутаты были собраны и съ двумя уѣздными предводителями верхомъ на лошадяхъ отправлены верстъ за пять отъ Тулы для встрѣчи сенаторовъ; приняты благосклонно и поскакали по два въ рядъ, кто какъ умѣлъ, передъ экипажемъ. Въ приготовленномъ для пребыванія

сенаторовъ домѣ у подъѣзда ожидалъ ихъ намѣстникъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ со всѣми властями; послѣ чая пошли представленія, потомъ ужинъ. На другой день ихъ высокопревосходительства слушали молебствіе въ соборѣ и оттуда посѣтили присутственныя мѣста, гдѣ отъ всѣхъ высшихъ и нисшихъ начальниковъ милостиво приняли рапорты. Въ этотъ день обѣдъ былъ у намѣстника и балъ у него же. На третій день осматривали оружейный заводъ, обѣдали у губернатора, на балѣ были у губернскаго предводителя. На четвертый день обозрѣвали городъ и окрестности, кушали у вице губернатора, вечеръ провели на балѣ у губернатора. Въ пятый день ревизія заключилась раннимъ обѣдомъ у намѣстника. Сенаторы, входя въ экипажъ, изъявляли всѣмъ, большому и малому, отличное удовольствіе и признательность за усердіе къ службѣ и найденный ими вездѣ отличный порядокъ; затѣмъ съ

Богомъ отправились, а мы, депутаты, съ двумя предводителями какъ встрѣтили, такъ и провожали ихъ за городъ.—Старикъ въ звѣздахъ послѣ стола тотчасъ уѣхалъ. Ни хозяинъ и никто изъ гостей не вѣдали, ни гадали о допотопной ревизіи въ Тулѣ, а голосъ съ конца стола не узналъ старика въ звѣздахъ: онъ-то и былъ одинъ изъ сенаторовъ - ревизоровъ. Посмѣялись, и князь улыбался.—«Могло это и такъ быть, говорилъ, но могло такъ быть и потому, что ревизоры знали Кречетникова, а онъ зналъ свое дѣло; Михайло Никитичъ ни самъ, и подъ нимъ никто, не дремалъ».

«Послали меня въ молодости, по тогдашнему обычаю, въ Парижъ, гдѣ я весело жилъ и проказничалъ, — разсказывалъ князь. Пріѣзжаетъ къ нашему послу курьеръ и между прочимъ привозитъ ему отъ Императрицы Елисаветы Петровны повелѣніе—немедленно выслать меня въ Петербургъ; за что и про что, ни посолъ, ни я не понимали. Явился я къ Государынѣ».

— «Здравствуй, Николаша! — такъ изволила называть меня,—ты, небось, испугался? Въ Парижѣ, слышу, ужасть, какой развратъ и распутство: Бога забыли. Вспомнила о тебѣ: что̀ тебѣ дѣлать въ этомъ Содомѣ? Живи лучше дома!» — Елисавета Петровна, разсказывалъ князь, отмѣнно жаловала его еще съ ребячества; брали его потому и въ придворные маскарады, когда назначалось быть всѣмъ дамамъ въ мужскомъ платьѣ, а всѣмъ мужчинамъ въ женскомъ; во всей Венгріи и со свѣчею не отыскалось бы Венгерца прелестнѣе Императрицы; за нимъ же пожилыя статсъ-дамы бѣгали, не та-другая ловила его и уводила въ скромное мѣсто.... »

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, уѣхавъ изъ Петербурга, пока жилъ въ Москвѣ, рѣдкій вечеръ не былъ у князя Николая Васильевича. Однажды онъ разсказывалъ. Когда, по кончинѣ Императрицы Екатерины, Государь приказалъ ему, не помню

съ кѣмъ, разобрать кабинетъ, то въ бюро найдены двѣ связки почтовой бумаги, перевязанныя на̀ крестъ голубыми ленточками, за собственною маленькою печатью и съ собственноручною надписью: à mon fils Paul après ma mort. Государь, удивленный, сорвалъ печати и съ нетерпѣніемъ пересматривалъ листы одинъ за другимъ; на одномъ листѣ остановился и со слезами сказалъ: «Боже мой! какъ я несчастливъ! Узнаю это только теперь»—оставилъ у себя эти бумаги.

Спустя много лѣтъ послѣ того, ходили по рукамъ записки, «Mémoires secrets de l'Impératrice Catherine II»: тѣ ли двѣ связки или другія подъ этимъ названіемъ, ея ли или чужое сочиненіе? Мнѣ удалось читать списокъ съ нихъ, оканчивающійся 1758-мъ годомъ. Много въ нихъ согласнаго съ преданіями о тогдашнемъ времени. Есть въ нихъ и историческіе факты: ихъ, впрочемъ, немного, да и описаны на̀ скоро, какъ то: низложеніе канц-

лера Бестужева. За то весь домашній быть Императрицы, Цесаревича и Цесаревны, какъ на ладонѣ: много забавнаго, много мелкихъ интригъ между придворными, много игры словъ, несовсѣмъ непорочныхъ; много намековъ и поводовъ, Богъ вѣсть, къ какимъ толкамъ и заключеніямъ. Подумаешь, что само простосердечіе, съ нещадною для самого себя откровенностью, свободно ведетъ разсказъ про себя и про свои небезгрѣшныя молодецкія отъ скуки проказы и похожденія, вызовы кошачьимъ мяуканьемъ на ночныя свиданія, подготовленныя встрѣчи и проч., и проч. Но когда тоже перо и съ неменьшимъ простосердечіемъ передаетъ задушевную мысль, которая родилась въ молодой принцессѣ (коль скоро она, прибывъ къ чужому двору, осмотрѣлась) которая съ годами и съ обстоятельствами все болѣе въ ней укоренялась, въ которой одной наконецъ она находила успокоеніе, силу терпѣнія, отраду и крѣ-

пость во всѣхъ огорченіяхъ, въ одиночествѣ и униженіи, въ горькихъ слезахъ и лишеніяхъ, въ скорбяхъ и нуждахъ всякаго рода; — мысль, а потомъ таинственный, изъ глубины души, голосъ, что ей суждено быть Императрицею и Самодержицею всея Россіи: то трудно повѣрить, чтобы тотъ, кто столько лѣтъ жилъ одною непреоборимою вѣрою въ будущую высокую судьбу свою, рѣшился самъ собственноручно написать и потомству оставить такой аттестатъ о себѣ, да еще и не въ покаяніе.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ собрались на святки къ митрополиту Платону въ Сергіеву лавру. Князь отпустилъ съ ними Тимана и меня. Болѣе двухъ недѣль мы прожили въ лаврѣ, гдѣ тогда, 25-го Декабря 1799-го года, рукоположенъ во епископы бывшій потомъ Новгородскій митрополитъ Серафимъ. Провели мы это время съ удовольствіемъ и не безъ

пользы: осматривали святыню, сокровища, библіотеку, памятники лаврскіе; любимую свою Ваѳанію митрополитъ самъ намъ показывалъ. Обѣдали у него въ часъ пополудни; за обѣдомъ и кромѣ насъ всегда были гости; въ 7-мъ часу вечера приходили къ нему чай пить, просиживали у него до 11 часовъ; ввечеру, кромѣ него, Лопухина, Тургенева, Тимана и меня, слушателя, никого не бывало.

Знатенъ и славенъ былъ на Руси Московскій митрополитъ Платонъ. Съ обширнымъ знаніемъ, съ короткимъ знакомствомъ съ знаменитыми людьми своего времени; съ наблюдательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ на людей и на вещи, съ счастливою памятью, онъ имѣлъ даръ слова, какъ въ проповѣди, такъ и въ разсказѣ, свободный, простой, живой, увлекательный; любилъ слушать, любилъ и самъ говорить. Проповѣди его — не образецъ краснорѣчія; но надобно бы-

ло видѣть и слышать его декламацію, безъ порывовъ и вспышки, всегда умѣренную, всегда достойную сѣдинъ, сана и святыни. Онъ зналъ тайную силу голоса, всегда у него свѣтлаго; зналъ, гдѣ возгремѣть и гдѣ стихнуть, для своей цѣли; разумѣлъ дѣйствіе движеній и силу неожиданнаго, пламеннаго взгляда. Онъ не поражалъ и не сокрушалъ, какъ Боссюэтъ требовалъ того отъ проповѣдника слова Божія; но рѣчь его была исполнена жизни, и если не всѣ, слушая проповѣди его, отирали слезы, то конечно никто не выходилъ изъ церкви безъ сожалѣнія и желанія еще бы послушать его. Не мало было бесѣдъ у него съ Тиманомъ о философскихъ и богословскихъ предметахъ. Проповѣдь, которую онъ говорилъ 25 -гоДекабря 1799-го года, Тиманъ и я перевели на Французскій языкъ и поднесли ему переводъ; Лопухинъ взялся напечатать его въ Парижѣ. Онъ былъ этимъ очень доволенъ.

«Что, впрочемъ теперь, — сказалъ при томъ, — наши проповѣди! Было ихъ время при Елисаветѣ Петровнѣ: надобно было тому щелчка дать, другаго съ рукъ сбыть, — къ проповѣднику! Тотъ съ каѳедры отправлялъ прямо въ геенну такого царя, въ которомъ милость не соглашалась съ правосудіемъ и оттого не скоро карала злодѣевъ. Иной приговоръ до проповѣди не одинъ годъ лежалъ на столѣ; послѣ проповѣди съ приложеніемъ руки сходилъ со стола».

При насъ пріѣхалъ въ лавру новый Калужскій архіерей Ѳеофилактъ (экзархъ Грузіи). Калужская епархія была до того подъ вѣдѣніемъ Московскаго архіерея. На докладъ о пріѣздѣ, митрополитъ не безъ чувства сказалъ: «Прощай, христолюбивая Калуга! Благословеніе Господне на тя Того благодатію и человѣколюбіемъ!» И, вставъ со стула, преподалъ ей обѣими руками прощальное архипастырское благословеніе.

Затѣмъ говорилъ: «Не часто я бывалъ въ Калугѣ, а однажды былъ тамъ съ досады. Открывалась губернія по новому учрежденію; не пристойно же, полагалъ я, да и нельзя быть такому великому торжеству безъ архіерея; ожидалъ приглашенія; ждать-пождать,—не приходило, а назначенный для открытія день былъ уже не за горами; рѣшился я посѣтить свою Калужскую паству и невзначай прибылъ въ Калугу за два дня до открытія. Кречетниковъ, намѣстникъ, тотчасъ пріѣхалъ знакомиться и говорилъ мнѣ о какомъ-то у нихъ торжествѣ. Спрашиваю, что̀ за торжество и по какому случаю? Объясняетъ. Незванный гость, того ради и лишній: хочу уѣхать. Уговариваетъ; остался и спрашиваю: что̀ же мнѣ дѣлать на торжествѣ? Присылаетъ церемоніалъ. Смотрю, между прочимъ написано: палить изъ пушекъ и на всѣхъ колокольняхъ звонить во всѣ колокола, когда намѣст-

никъ, въ день открытія, отправится въ соборъ къ обѣднѣ. На все я согласился, кромѣ звона намѣстнику во всѣ колокола; пріѣхалъ въ соборъ и безъ колокольнаго звона. Открывъ губернію въ Калугѣ и потомъ въ Тулѣ, онъ ѣздилъ въ Петербургъ съ донесеніями, какъ это водилось; на возвратномъ пути посѣтилъ меня и разсказывалъ, какъ былъ принятъ отмѣнно милостиво, въ уборной.— «Былъ у васъ въ Калугѣ при открытіи Московскій архіерей? спросила его между прочимъ Императрица: какъ вы встрѣтились? Вѣдь онъ не безъ норову».—Встрѣтились пріятелями, разстались друзьями.—«А здѣсь какая прошла клевета — продолжала—увѣряли, что онъ въ день открытія, при поѣздѣ въ соборъ, требовалъ отъ васъ для себя пальбы изъ пушекъ. Я не повѣрила: пришлось бы тогда вамъ требовать себѣ отъ него звона во всѣ колокола».

Много разсказывалъ митрополитъ о князѣ Потемкинѣ, называлъ его сво-

имъ другомъ. Первый шагъ его: превосходно умѣлъ онъ языкъ ломать, поддѣлываться подъ чужой голосъ и выговоръ; забавлялъ тѣмъ Орлова Григорія; захотѣла по этому Императрица взгянуть на забавника. При первомъ представленіи онъ такъ удачно и смѣло отвѣчалъ на вопросъ ея порусски, ея голосомъ и выговоромъ, что она до слезъ расхохоталась. Черезъ нѣсколько дней на вечерней бесѣдѣ она играла въ карты. Орловъ былъ въ партіи. Потемкинъ, молодой офицеръ гвардіи, подошедъ къ столу, сталъ возлѣ Императрицы и руку на столъ положилъ. Орловъ тихомолкомъ хотѣлъ замѣтить ему неприличіе такой вольности. «Оставьте его, сказала Императрица: онъ вамъ не мѣшаетъ».

Описывалъ митрополитъ торжественную аудіенцію, когда Сѵнодъ благодарилъ Императрицу за освобожденіе архіеревъ и монастырей отъ суеты суетствій, отъ вотчинъ. Новгород-

скій (Димитрій Сѣченовъ) не былъ при этомъ; все дѣлалось черезъ него, да онъ уже видѣлъ свою ошибку въ надеждахъ: духу не достало сказать благодарственную рѣчь; говорилъ Гавріилъ, тогда Петербургскій, потомъ Кіевскій. Собрались у Кулябки, Кіевопечерскаго архимандрита и, выпивъ рюмки по двѣ стараго Венгерскаго, отправились во дворецъ въ придворныхъ каретахъ. Было тамъ многое множество съ радостными лицами, какъ въ свѣтлый праздникъ или послѣ побѣды надъ супостаты. Отворились двери въ тронную. Въ порфирѣ и въ коронѣ, высоко и величаво, сидѣла Императрица подъ балдахиномъ; у подножія трона стояли съ одной стороны Русская знать, мужчины и женщины, съ другой — иностранная министерія. Церемоніймейстеры съ жезлами встрѣтили на порогѣ и ввели депутацію; совершивъ три поклоненія, стали по старшинству одинъ за другимъ; Платонъ послѣдній за

великаномъ Кулябкою. Гавріилъ, ступивъ три шага впередъ, говорилъ благодарственную рѣчь. За вотчины даны штаты. Гавріилъ, въ продолженіе рѣчи, три раза восклицалъ: «о! блаженные штаты!» Кулябка, три же раза, поворачивая голову къ Платону, шепталъ на хохлацкомъ языкѣ что-то гораздо неблагодарственное. Платонъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Императрица потомъ сошла съ трона, сказала депутаціи милостивое слово, откланялась и удалилась. Конецъ дѣлу, и Богу слава, а власти воротились къ Кулябкѣ допить Венгерское за упокой вотчинъ.

Знатному сановнику съ другими наградами за службу торжественно обѣщана похвальная грамата съ описаніемъ подвиговъ его во славу отечества: дорожилъ ею, но долго не получалъ ея; приписывая это забвенію при множествѣ дѣлъ, просилъ, кого слѣдовало, напомнить Императрицѣ о граматѣ. — «Ея Величество,

тотъ отвѣчалъ, отозвалась на докладъ его, что грамата не прислана ему затѣмъ, что Московскій архіерей еще не сочинилъ ея». — Съ этимъ отвѣтомъ онъ по обычаю пріѣхалъ на вечеръ къ митрополиту. Оставшись глазъ-на-глазъ, гость началъ съ вопроса хозяину: какъ онъ назоветъ человѣка, который выдаетъ себя за друга его и которому стоило бы удѣлить не болѣе часа изъ своей жизни, чтобы утѣшить его на всю жизнь; а онъ и того не хочетъ сдѣлать?—Какой это другъ? Это обманщикъ, отвѣчалъ хозяинъ. – Самъ себя назвалъ, сказалъ хозяину гость, показывая письмо съ отзывомъ Императрицы.

Гость мой, говорилъ митрополитъ, принялъ тотъ отзывъ за чистыя деньги, а въ немъ сказано было ему вотъ что: довольно-де для тебя и той граматы, что̀ ты сочиняешь мнѣ съ Московскимъ архіереемъ. Мы видались весьма нерѣдко, и любимый

нашъ разговоръ между четырехъ глазъ былъ объ Императрицѣ. Судили и рядили пощадно. Провѣдала и не пропустила случая дать намъ щелчка, не прямо въ глазъ, подолгоруковски, а мѣтко въ бровь.

Тиманъ спросилъ: Что это подолгоруковски?—Какой-то генералъ, отвѣчалъ митрополитъ, присталъ къ Долгорукову-Крымскому и добивался знать, что̀ онъ думалъ о немъ. Тотъ долго отнѣкивался, потомъ требовалъ слова не сердиться за то, что̀ сорвется у него съ языка, и послѣ всѣхъ этихъ предосторожностей, какъ тотъ не отставалъ: — ты изъ каналiй каналья, сказалъ ему; самъ хотѣлъ; слышали честные люди?

Императрица (разсказывалъ митрополитъ) на возвратномъ пути изъ Крыма прiѣхала въ Москву съ сильнымъ предубѣжденiемъ противъ какихъ-то мартинистовъ: негодовала, что улицы въ подмосковныхъ посыпаны были пескомъ; видя на ули-

цахъ въ Москвѣ также песокъ, и къ тому еще темносѣрую краску на фонарныхъ столбахъ, называла это предзнаменованіемъ похоронъ ея, все по наущенію мартинистовъ. Въ Успенскомъ соборѣ архимандритъ въ ея присутствіи говорилъ проповѣдь; показался ей и онъ мартинистомъ. «Меня здѣсь погребаютъ, говорила Платону, да и проповѣдникъ вашъ долженъ быть темный мартинистъ; посмотрите на него, кости да кожа, весь высохъ». — Тогдашній же губернаторъ Московскій разсказывалъ мнѣ (продолжалъ митрополитъ), что она, призвавъ его въ кабинетъ, съ гнѣвомъ говорила ему о погребальномъ пескѣ, о злодѣйскихъ намекахъ въ газетахъ, объ изданіи возмутительныхъ книгъ подъ названіемъ духовныхъ, о потачкѣ его всему тому въ угодность мартинистамъ, — и выслала его изъ кабинета. Вскорѣ затѣмъ приказала воротить его и, осмотрѣвъ съ ногъ до головы, «да ты, видно сказа-

ла, и въ самомъ дѣлѣ не мартинистъ, пополнѣлъ; поди же конфискуй типографію Новикова».

Уходили мы отъ митрополита каждый разъ съ сожалѣніемъ, что надобно было перестать его слушать.

Воротились мы изъ лавры. Не безъ занятія былъ я у князя Николая Васильевича, а онъ все думалъ, что я жилъ въ праздности Родственница его, весною 1800 года, ѣхала къ водамъ за границу: онъ отпустилъ меня съ нею. И онъ, и первый мой благодѣтель И. В. Лопухинъ благословили меня въ путь съ отеческою любовію, и между прочими наставленіями взяли съ меня клятвенное слово не вступать въ масонскія ложи и ни въ какія тайныя общества. Тиманъ отъ того же остерегалъ меня, давъ мнѣ множество писемъ къ своимъ знакомымъ въ Германіи и Италіи. Нога моя потому никогда не была ни въ одной масонской ложѣ и ни въ какомъ тайномъ обществѣ, хо-

тя я слылъ у многихъ не только масономъ, но и мартинистомъ.

Нѣмецкіе города были въ то время наполнены масонскими ложами, не взирая на то, что великіе мастера, такъ называемые отцы ихъ, завѣщательнымъ пастырскимъ посланіемъ—Hirten-Brief—заключили всѣ сношенія съ ними, положивъ на себя ненарушимое Silanum. Писано оно въ началѣ Французской революціи, когда мятежный духъ новой философіи и безвѣрія началъ проникать и въ эти общества. Съ тѣхъ поръ уже не было въ нихъ, да и не могло быть, ничего путнаго. У насъ эти ложи закрылись въ исходѣ минувшаго столѣтія, но въ началѣ нынѣшняго возобновились. Еще въ 1810 году знакомые въ Москвѣ приглашали меня въ ложи, показывали мнѣ и такъ называемыя работы свои: суесловіе, которое и разумные люди могутъ же, въ какомъ-то затмѣніи, считать важнымъ и полезнымъ. Это были

овцы безъ пастырей въ разсѣяніи. Не было у нихъ чистой, высокой, нравственной цѣли; едва ли кто изъ нихъ и понималъ ее. Самъ Феслеръ, преобразователь масонскихъ ложъ въ Берлинѣ, основатель по своей системѣ ложи и въ С. Петербургѣ, не хотѣлъ ли, не умѣлъ ли сказать мнѣ, что̀ есть истинное масонство. Если вѣрить неложнымъ преданіямъ, стариннымъ, въ добромъ духѣ писаннымъ книгамъ и послѣднему прощальному посланію, то истый франмасонъ былъ не тотъ, кто зналъ обряды, знаки, пароли, лозунги, притчи, символы этого толка; и не тотъ, кто могъ разсказывать слышанное про Египетскія мистеріи, про труды въ строеніи Соломонова храма, про смерть великаго зодчаго Гирама, или про седмь столповъ, утвержденныхъ премудростью въ ея домѣ, или про сраженія съ химерою и другими чудовищами въ потьмахъ и еще на краю пропасти; и даже не тотъ, кто твердилъ

себѣ и другимъ: будь благъ и совершенъ безъ страха наказанія, но и безъ всякой надежды на вознагражденіе; — а тотъ, кто, мимо всѣхъ символовъ и образовъ, съ твердою вѣрою въ воплотившагося спасенія нашего ради Сына Божія Іисуса Христа и съ любовью къ Нему, николиже отпадающею, работалъ съ простымъ окомъ и помышленіемъ надъ самимъ собою, надъ потаеннымъ сердца человѣкомъ, надъ внутреннимъ своимъ храмомъ, соединяя съ тѣмъ дѣло любви къ ближнему въ нравственныхъ и тѣлесныхъ его недугахъ, страданіяхъ, нуждахъ. Такихъ франмасоновъ вездѣ, и у насъ, какъ я слышалъ, было очень, очень немного. А обществъ мартинистскихъ, кажется, совсѣмъ у насъ не было, хотя они и были преслѣдуемы. Былъ во Франціи извѣстный писатель S-t Martin, человѣкъ весьма умный и глубоко-религіозный; изъ сочиненій его книга «Des erreurs et de la vérité»

вышла до революціи, но уже тогда, когда имя Того, Кому Богъ даровалъ имя, еже паче всякаго имени, да о имени семъ всяко колѣно поклонится, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, — между такъ называвшимися тогда мыслящими и просвѣщенными людьми, безнаказанно не произносилось. Этою книгою онъ, одѣвъ искусно въ ней истину покровами, хотѣлъ заставить вѣтренныхъ, легкомысленныхъ, буйныхъ, но остроумныхъ своихъ соотечественниковъ одуматься и осмотрѣться. Сдѣлалась она извѣстною; но по духу вѣка нравилась не вездѣ, и у насъ весьма немногимъ. Оттого всякаго на кого падало подозрѣніе въ несогласіи съ философіею, тотчасъ записывали въ мартинисты.

*

Выѣхавъ за Русскую грань, спѣшили мы въ Карлсбадъ. Однажды тамъ, идучи въ 9 часовъ утра отъ Мельбруна домой, неожиданно я встрѣтилъ на улицѣ покойнаго гр. Николая Пет-

ровича Румянцова. Имѣлъ я честь видѣть его сіятельство въ домѣ князя Николая Васильевича; но не воображалъ себѣ, чтобы лицо мое могло быть не совсѣмъ чужимъ для него и еще на чужой сторонѣ; онъ былъ такъ милостивъ, что не только узналъ, но, остановивъ меня, съ благосклоннымъ участіемъ предостерегалъ отъ бѣды, которую я накликалъ самъ на себя тѣмъ, что одѣтъ былъ не по указной формѣ и ходилъ въ круглой шляпѣ. Самъ же его сіятельство въ 9 часовъ утра былъ во Французскомъ кафтанѣ, въ длинномъ камзолѣ, въ распудренныхъ букляхъ, съ длинною косой, съ треугольникомъ на головѣ, въ башмакахъ съ широкими пряжками. Заѣхалъ въ Карлсбадъ на нѣсколько часовъ повидаться съ знакомымъ.

Съ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцовымъ въ томъ же году я познакомился въ Теплицѣ такимъ образомъ: выходя изъ дому, на крыльцѣ, я сказалъ что-то порусски своему

человѣку; въ то самое время кто-то сходилъ съ крыльца смежнаго дома: это былъ графъ Сергѣй Петровичъ. Въ тотъ же день онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Не успѣлъ я войти къ нему, какъ онъ съ веселымъ лицомъ и со смѣхомъ встрѣтилъ меня вопросомъ: изъ какой я школы — Лопухинской или Репнинской, и за тѣмъ осыпалъ меня вопросами о масонскихъ ложахъ и о мартинистахъ. Я руками и ногами отбивался, а онъ на своемъ стоялъ, называя меня молодымъ, но уже темнымъ мартинистомъ. Отсюда забавныя пренія между нами каждый день за обѣдомъ и послѣ въ прогулкахъ по окрестностямъ Теплица. Съ умомъ необыкновенно бѣглымъ и острымъ и съ счастливою памятью, графъ Сергѣй Петровичъ безмѣрно много читалъ и, выключая нѣкоторые предметы, о которыхъ онъ, казалось, ничего знать не хотѣлъ, мало было такихъ, о которыхъ онъ не имѣлъ бы разнообразнѣйшихъ

свѣдѣній. Съ благодарностью вспоминаю о постоянной ко мнѣ его благосклонности.

Тогда же въ Теплицѣ я случайно познакомился съ докторомъ Гошъ; принялъ меня дружелюбно, и рѣдкое утро проходило безъ того, чтобы онъ послѣ ванны не бесѣдовалъ со мною въ роскошномъ саду князя Клари, — антиподъ графа Сергѣя Петровича по образу мыслей. Не одинъ разъ онъ со слезами говорилъ мнѣ, что младшій братъ его, знаменитый генералъ Гошъ, унесъ съ собою въ гробъ всю радость его жизни и оставилъ его сиротою на землѣ. Разсказывая про извѣстное 5-го Октября нападеніе Парижской сволочи на Версальскій дворецъ, онъ съ нѣкоторою гордостью говорилъ, что братъ его Гошъ, тогда еще сержантъ, съ другимъ, помнится Міомандромъ, двое, вѣрные долгу, прогнали отъ дверей кабинета несчастной Маріи Антуанеты цѣлую стаю голодныхъ тигровъ и кровожадныхъ фурій.

Зиму $\frac{1800}{1801}$ г. мы провели въ Дрезденѣ: тамъ получили извѣстіе о кончинѣ Императора Павла, прежде оффиціальнаго, частное—съ непонятною скоростью, хотя тогда не только не было телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, но и шоссе еще рѣдко гдѣ показывалось. Изъ Русскихъ въ ту зиму въ Дрезденѣ составилась бы порядочная колонія; но всѣ мы, и знатные, и безвѣстные, и старые, и молодые, мужчины и женщины, приняли эту вѣсть, къ удивленію туземцевъ, съ горестными и чувствами и лицами.

Къ Родіону Александровичу и Варварѣ Ивановнѣ Кошелевымъ я имѣлъ письмо отъ Сергѣя Ивановича Плещеева: принятъ ими съ отличнымъ благорасположеніемъ, и они же ввели меня въ домъ графа Виктора Павловича Кочубея, гдѣ я представленъ и Натальѣ Кириловнѣ Загряжской. При этихъ именахъ живо представляется мнѣ вся благосклонность,

а когда я занемогъ въ Дрезденѣ, то и все заботливое попеченіе этихъ особъ обо мнѣ, безвѣстномъ молодомъ человѣкѣ, не чужомъ для нихъ лишь потому, что и ихъ и моя родина была Русь святая. Довольно было бы и этого для души, незнакомой съ неблагодарностью; но я находилъ въ нихъ до конца ихъ жизни тоже, ничѣмъ съ моей стороны не заслуженное, но всегда неизмѣнное ко мнѣ благорасположеніе во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ни встрѣчалъ ихъ, и при всѣхъ со мною невзгодахъ. Наталья Кириловна была даже такъ милостива, что частехонько требовала отъ меня отчета въ моихъ занятіяхъ и Дрезденскихъ знакомствахъ. «Не хотѣлось бы мнѣ, мой милый,— говорила мнѣ, — чтобы ты избаловался».

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ въ Дрезденѣ былъ тотъ же знатный Русскій бояринъ по гостепріимству. Не говоря о балахъ у него и

обѣдахъ, мнѣ онъ приказывалъ бывать у него и по утрамъ; иногда при мнѣ одѣвался; на рукахъ, какъ вервіи, сплетены были жилы; разсказывалъ о Чесменскомъ дѣлѣ. Останавливался съ флотомъ въ Ливорно. Тутъ заболѣла у него поясница; посовѣтовали ему обливаться холодною водою; вмѣсто обливанья, пошелъ въ море, а оно на ту пору разыгралось; сталъ лицомъ къ берегу и, опершись на шестъ, далъ волю морю обкачивать поясницу волнами: стало легче. Въ Москвѣ таже бѣда съ поясницею, а море не дошло туда; оборотился на порогѣ бани спиною наружу и приказалъ качать въ поясницу изъ пожарной трубы: отдало. Многое слышалъ я здѣсь отъ старика-очевидца о стоянкѣ въ Ливорно и о привезенной съ торжествомъ на корабль плѣнницѣ (княжнѣ Таракановой).

Въ Карлсбадѣ, куда мы возвратились на лѣто, получилъ я горестное

для меня извѣстіе о кончинѣ князя Николая Васильевича. Отъ княгини Александры Николаевны Волконской, отъ сына ея князя Николая (потомъ Репнина), отъ И. В. Лопухина, И. П. Тургенева и князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго собралъ я слѣдующія свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ его жизни.

Въ первыхъ числахъ Марта 1801 года онъ отправился въ Нижегородское свое имѣніе; пробылъ нѣсколько дней по нездоровью во Владимірѣ, а по манифесту о восшествіи на престолъ Александра I-го воротился въ Москву; не доѣзжая до дома, послалъ сказать о пріѣздѣ другу своему Лопухину. Не ожидали мы, другъ мой, (говорилъ ему) такъ скоро кончины Императора.—«Да еще какой!» сказалъ Лопухинъ. При этомъ словѣ онъ весь затрясся, и тутъ же ротъ у него покривило. Это нечаянное потрясеніе не имѣло однакоже, по видимому, опасныхъ послѣдствій. Меж-

ду тѣмъ получилъ онъ отъ новаго Императора приглашеніе прибыть въ столицу, и полагалъ отправиться въ Петербургъ послѣ именинъ своихъ 9-го Мая. Дня за три до этого числа пріѣхалъ къ нему оттуда внукъ его, князь Николай. Въ тотъ же день обѣдалъ у него И. П. Тургеневъ и нашелъ его въ домашнемъ саду. На другой день поѣхалъ онъ въ любимое свое Воронцово, и передъ обѣдомъ долго ходилъ по тамошнему парку съ внукомъ, преподавая ему наставленія, какъ вести себя въ различныхъ случаяхъ жизни, соблюдая въ сердцѣ страхъ Божій и вѣру въ Спасителя, любовь къ добродѣтели и къ ближнему; возвращаясь изъ саду въ домъ, совѣты и наставленія внуку такъ заключилъ: «Помни, другъ мой Николаша, слова мои; можетъ быть, мнѣ уже не удастся еще такъ поговорить съ тобою; помни Бога». Внукъ не одинъ разъ повторялъ мнѣ эти слова. Во весь тотъ день, равно какъ и

въ день своего ангела, онъ былъ спокоенъ; къ вечеру 9-го Мая случился пожаръ въ сосѣдней деревнѣ; онъ стоялъ на балконѣ съ открытою головою, пока не поѣхали отъ него на помощь люди и трубы; ушелъ къ себѣ въ обычный часъ; на другой день вышелъ въ паркъ и тамъ, ходя обыкновеннымъ, бодрымъ своимъ шагомъ, вдругъ зашатался, не могъ идти, оперся на внука и на садовника; поданы кресла; самъ онъ тотчасъ велѣлъ послать за священникомъ, исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ и всѣхъ своихъ благословилъ. Медицинскія пособія съ перваго приступа оказались недѣйствительными; говорилъ мало; скоро совсѣмъ не могъ говорить; нѣсколько часовъ еще дышалъ и въ тотъ же день скончался.

Не перестал князь Николай Васильевичъ благодѣтельствовать мнѣ и по кончинѣ своей. Въ Италіи получилъ я извѣстіе, что, по ходатайству добраго и почтеннаго Бориса

Петровича Ласси, Императоръ Александръ во время коронаціи пожаловалъ отставнаго штабсъ-капитана Лубяновскаго, *служившаго съ отличіемъ при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Репнинѣ*, въ коллежскіе ассесесоры съ причисленіемъ къ герольдіи до опредѣленія въ службу.

Служба заставила меня опомниться. Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я: не вѣкъ же мнѣ баклуши бить! И, проживъ еще около года въ Италіи, воротился на родину. Какъ я убилъ три года въ тогдашнюю поѣздку мою за границу, про то теперь, конечно, никто не полюбопытствуетъ знать изъ «Путешествія по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 годахъ; «да и мнѣ оно памятно не потому, что въ одинъ 1806 годъ разошлось его около сорока тысячъ экземпляровъ, а потому, что отъ него у меня, за всѣми издержками, изъ ничего оказалось сто двадцать пять тысячъ рублей.

Къ счастію моему, нашелъ я отца и мать еще въ живыхъ; но не при чемъ было мнѣ долго оставаться у нихъ, ни въ чемъ они не могли и помочь мнѣ. Отдавъ меня Господу Спасителю нашему, обливъ слезами, они благословили меня искать службы въ Петербургѣ, куда я и пріѣхалъ въ Октябрѣ 1802-го года.

IV

Съ перваго шага въ столицѣ, я въ полной мѣрѣ почувствовалъ злополучіе ищущаго должности: судьба до той поры такъ баловала меня, что мнѣ не о чемъ было, за тѣмъ и не умѣлъ я просить о себѣ. — Не успѣлъ еще я однакоже осмотрѣться, съ какого конца начать поискъ, какъ Н. К. Загряжская прислала за мною и съ прежнею благосклонностью совѣтовала мнѣ не шататься по улицамъ, а искать службы и во всякомъ случаѣ показаться гр. В. П. Кочубею. Графъ принялъ меня милостиво, и въ Ноябрѣ 1802 года я опредѣленъ секретаремъ къ министру внутреннихъ дѣлъ: — неожиданное въ тогдашнемъ быту моемъ счастіе,

которое приписалъ я Божіему Промыслу, призрѣвшему на слезы добродѣтельныхъ моихъ родителей.

Министерство внутреннихъ дѣлъ съ учрежденія его было обширнѣе нынѣшняго. Изъ отрывковъ его въ послѣдствіи составились департаменты, цѣлыя министерства. Называли его тогда блистательнымъ, а оно въ сравненіи съ нынѣшними министерствами было не только скромно, но на людей даже скупо. Нынче сто рукъ нужны тамъ, гдѣ тогда одинадцатая была лишнею. Едвали однакоже это можно безусловно приписать лишь раздѣленію работы, впрочемъ до роскоши дробному. Нужда здѣсь, кажется, сама о себѣ промышляетъ: тысячи молодыхъ людей всякаго званія, рѣдкій изъ нихъ не нищій, приготовляютъ себя по отеческому преданію къ статской службѣ дома, въ судахъ, въ частныхъ, публичныхъ заведеніяхъ, и какъ на морѣ волна за волной, такъ они толпа за толпой спѣшатъ

выйти на этотъ берегъ. Изъявъ немногихъ, которымъ способности, болѣе или менѣе обработанныя наукою, и еще немногихъ, которымъ счастливые случаи пролагаютъ дорогу, большая часть, и то не всѣ правильно, изучаютъ одно ремесло, не мудреное, но въ ихъ глазахъ выше всякой промышленности, ремесло владѣть перомъ какъ челнокомъ за ткацкимъ станомъ; этимъ ремесломъ начинаютъ и оканчиваютъ служебное поприще, не приготовивъ себя ни къ чему иному, не имѣвъ къ тому и способовъ. Гдѣ же внѣ службы эти люди съ семьями нашли бы себѣ кусокъ насущнаго хлѣба? Надобно и то сказать, что вѣкъ нашъ мало что оставилъ на мѣстѣ, чего не переломалъ бы и не переиначилъ; пришли съ нимъ новыя идеи, новыя надобности, новыя требованія, между прочимъ и въ управленіи и въ письмоводствѣ, по стремленію къ централизаціи, къ такъ называемому упро-

щенію, къ точной во всемъ, большомъ и маломъ, отчетности, къ вящшему всего усовершенствованію. На все это нужны руки, и не въ маломъ числѣ.

Въ атмосферѣ министерской нельзя же мнѣ было не уклонить сердца въ словеса лукавствія, и отъ того ли, или отъ чего бы то ни было, знакомыхъ у меня скоро было множество. Старики жаловали меня за рѣдкое уже, какъ они говорили, почтеніе къ ихъ сѣдинамъ, заслугамъ и опытности. Въ этомъ кругу старцевъ и юношей не помню, чтобы свиданія были безъ толковъ и пересудовъ о министерствахъ. Однимъ они были не по сердцу, другіе видѣли въ нихъ починный пунктъ сближенія съ просвѣщенною Европою и достославный потому памятникъ новаго царствованія; а были и такіе, которые не находили здѣсь въ сущности ничего новаго, а только перемѣну въ названіяхъ, въ распредѣленіи, въ формѣ: не безъ министровъ же у насъ-де было и прежде.

Инымъ слѣдомъ, кажется, вышедши на свѣтъ, обозначился у насъ девятнадцатый вѣкъ, не взявъ себѣ отъ предшественника своего ни вѣры въ старинныя установленія, въ отеческія преданія, ни той власти, которая, невидимая, умѣетъ держать всякаго въ своей границѣ и въ общежитіи слыветъ авторитетомъ.

Оттого духъ, словно изъ подъ пресса, излился на всяку плоть. Надобно было видѣть тогда движеніе свѣжей по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по однимъ только лѣтамъ, поколѣніе прощалось не до свиданія, а уже на вѣки вѣковъ съ старосвѣтскими предразсудками; кругомъ пошли головы отъ смѣлаго говора о государственныхъ вопросахъ и рѣзкаго указанія, чему и какъ быть по извѣстной запискѣ Лагарпа; вслухъ развивались такія идеи, которыя можетъ быть и до того были не совсѣмъ новы у насъ, но были безгласны и безсловесны: надежда, какъ ви-

но, веселила сердца. Вслушиваясь въ бесѣды, въ этихъ недеждахъ и радостяхъ, я впервыя услышалъ рѣчь о людяхъ aux idées libérales, или, какъ тогда переводили, о людяхъ съ высшимъ взглядомъ, о необходимости общаго преобразованія, о конституціи. Удалось мнѣ въ ту пору читать переписку между двумя сановниками, изъ которыхъ одинъ правилъ отдаленною провинціею, другой стоялъ на высокомъ мѣстѣ въ столицѣ. Тотъ изъ за горъ безъ умолка твердилъ о конституціи; этотъ доказывалъ ему, что у насъ есть конституція, и другой намъ не нужно. Но на всей этой прорвѣ отъ изліянія духа, отъ натиска идей былъ, кто, не взирая на лице благости и кротости, стоялъ твердою ногою и Русь держалъ въ рукѣ мощной и крѣпкой. Скоро за тѣмъ начались войны съ Франціею, послѣдовала война отечественная, за тѣмъ побѣды, торжества и слава со всѣмъ ея обаяніемъ.

*

Въ осенній сумрачный вечеръ Императоръ изъ Казанскаго собора отправился къ арміи подъ Аустерлицъ.

Памятенъ мнѣ этотъ вечеръ по слѣдующему странному случаю. Гине, о которомъ говорено выше, пріѣхавъ изъ Риги по надобностямъ, познакомился черезъ Ригскихъ скопцовъ здѣсь съ главнымъ изъ нихъ, возвращеннымъ изъ Нерчинска, и столько насказалъ мнѣ о немъ, что и я любопытствовалъ видѣть и слышать его. Жилъ онъ тогда въ домѣ съ свѣтелкой въ Измайловскомъ полку. Случись же такъ, что Гине и я поѣхали къ нему въ этотъ же вечеръ и отъ Казанскаго же собора. Входя въ свѣтелку, я видѣлъ, въ сторону отъ лѣстницы, въ большой горницѣ много народу шумно молились. Старикъ, какъ мы вошли къ нему, приподнялся съ постели и благословилъ меня: «Се! еще одна овца заблудшая, говорилъ, возвращается въ стадо!» Вдругъ потомъ, взявъ меня за руку, спросилъ: «Что?

Алексаша уѣхалъ?» Я смотрѣлъ въ глаза ему, не понимая, о комъ меня спрашивалъ. «Ну! Государь-то, продолжалъ онъ, уѣхалъ; что будешь дѣлать?—а еще третьяго дня вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, я умолялъ его не ѣздить и войны съ проклятымъ Французомъ теперь не начинать. Не пришла еще пора твоя, говорилъ ему; побьетъ тебя и твое войско; придется бѣжать, куда ни попало; погоди, да укрѣпляйся, часъ твой придетъ; тогда и Богъ поможетъ тебѣ сломить супостата. Упаси Его Боже! А добру тутъ не быть; увидите. Надобно было потерпѣть нѣсколько годиковъ; мѣра супостата, вишь, еще неполна». Ни одного слова здѣсь нѣтъ моего. Нельзя было не подивиться предсказанію, но еще болѣе посѣщенію и непонятной терпимости. Старикъ этотъ, мѣщанинъ или крестьянинъ, прозвищемъ, помнится, Савостьяновъ, слылъ у сообщниковъ своихъ Спасителемъ. Были у него и бо-

городица, пожилая, но еще здоровая женщина, и пророчицы. При мнѣ четыре ихъ вошли въ свѣтелку, блѣдныя, но рослыя и красивыя дѣвки: поклонились Спасителю въ землю, приняли отъ него благословеніе и, взявшись за руки, стали въ кружокъ; когда же онъ запретилъ духу, то начали вертѣться,—словно колесо закружилось,—и въ этомъ странномъ круженьи вдругъ не запѣли, а завыли. Между тѣмъ четверо же мужчинъ, сидя на скамьѣ, въ кожаныхъ рукавицахъ, били тактъ, изо всей силы хлопали въ ладоши. Я ничего не разслушалъ и не понялъ, хотя старикъ повидимому хотѣлъ потѣшить меня, приговаривая, что онъ отъ всего отрекся и все Ему отдалъ. У скопцовъ есть подспудное, пренечестивое и преуродливое повѣрье, словно отрывокъ Далайламскаго толка.

Въ общежитіи, какъ въ воздухѣ; здѣсь вѣтеръ, тамъ мысли перемѣня-

ются. Съ Аустерлицкаго похода замѣтно стало движеніе совсѣмъ инаго духа, по тогдашнему прозванію, религіознаго, и съ такимъ успѣхомъ, что даже изъ людей съ высшимъ взглядомъ выходили въ люди религіознаго духа. Вчастую бывало слышишь отъ кого и не ожидалъ: пора прійти въ разумъ истины, искать прежде всего царствія Божія и правды Его. И дѣйствительно искали того — въ масонскихъ ложахъ, у Экартсгаузена, у Шведенборга, у Генриха Штилинга, у Грабьянки. Я былъ знакомъ со многими ищущими, но ни разу не былъ съ ними на сходкѣ; хотя тихомолкомъ воспользовался именно этимъ разгаромъ, урывками и украдкой отъ обязанностей, перевелъ, мамоны ради, Штилингову «Тоску по отчизнѣ».

Грабьянка былъ какой-то необыкновенной феноменъ (въ 1806/1807 году):—перебѣгали къ нему даже и отъ Штилинга и отъ Экартсгаузена. Я

познакомился съ нимъ такимъ образомъ: пожилой д. т. совѣтникъ Данауровъ, которому я былъ извѣстенъ еще по дому князя Николая Васильевича, встрѣтивъ меня на набережной, въ разговорѣ между прочимъ удивлялся, что я не былъ еще знакомъ съ графомъ Грабьянкой; чудеса наскалъ мнѣ о немъ и позвалъ меня къ себѣ на обѣдъ, гдѣ обѣщалъ быть и Грабьянка.

Въ назначенный день я нашелъ у него человѣкъ тридцат гостей, болѣе или менѣе тогда уже извѣстныхъ то умомъ и дарованіями, то сѣдиною отъ трудовъ службы, чинами, крестами, звѣздами: во всемъ этомъ я былъ гораздо моложе всѣхъ ихъ. Входитъ Грабьянка, посѣдѣвшій, но еще бодрый старикъ, средняго роста, съ краснымъ лицемъ, съ яркимъ огнемъ въ глазахъ: вожделѣннѣйшій благовѣстникъ не былъ бы принятъ съ бо̀льшимъ радушіемъ и уваженіемъ. Послѣ общихъ привѣтствій и лакомой

закуски, хозяинъ не успѣлъ назвать меня ему по имени, какъ онъ, взявъ меня за руку, отвелъ къ окну и обдалъ слѣдующимъ,—ни буквы не прибавляю,—привѣтомъ: vous savez donc, iak sie zowie (Польская эта присказка въ разговорѣ поминутно срывалась у него съ языка). Vous savez donc que le Ciel m'a envoyé ici pour établir et organiser le nouveau royaume de Jérusalem. Rendez grace, iak sie zowie, à la Providence qui vous montre cette planche de salut *). Много и скоро говорилъ въ этомъ смыслѣ; потомъ вызвался приготовить и принять меня въ общество; назначилъ дни и мѣсто свиданія; послѣ четырехъ бесѣдъ объявилъ, что не могъ уже ступить впередъ ни шага со мною, пока я не присягну въ храненіи даль-

---

*) Вы конечно, чтò называется, знаете, что Небо послало меня сюда учредить и образовать новое Іерусалимское царство. Благодарны, чтò называется, будьте Провидѣнію, что оно указываетъ вамъ этотъ якорь спасенія.

нѣйшихъ тайнъ; показалъ мнѣ при этомъ длинный списокъ членовъ своего общества, многихъ весьма не юныхъ и въ лентахъ; показалъ и форму присяги и планъ будущаго храма въ новомъ Іерусалимѣ. Я вышелъ отъ него съ отсрочкою на недѣлю для размышленія, но и съ твердымъ намѣреніемъ никогда уже къ нему не возвращаться. Вѣра въ него доходила до странностей: нѣкто, самъ учитель во Израилѣ, вошедши къ нему невзначай, видѣлъ лице его преобразившимся и клятвенно увѣрялъ меня въ истиннѣ видѣнія. Грабьянка же, когда показывалъ мнѣ планъ будущаго храма, говорилъ объ этомъ самомъ видокѣ и о другомъ не менѣе горячемъ ревнителѣ, что никакъ не могъ съ ними сладить: въ будущемъ храмѣ было одно мѣсто у ногъ Богородицы и одно же у ногъ Іоанна Евангелиста; тому и другому равно хотѣлось сидѣть у ногъ Матери Божіей. Грабьянка принадлежалъ къ

старинному Авиньонскому обществу и былъ въ немъ безсмѣннымъ секретаремъ или, какъ называлъ себя, лѣтописцемъ. Объ этомъ обществѣ былъ у насъ какой-то розыскъ при Императрицѣ Екатеринѣ. По словамъ лѣтописца, они въ собраніяхъ въ Авиньонѣ при единодушной молитвѣ слышали по временамъ голосъ съ неба и имъ руководствовались; по такому же голосу съ неба общество закрылось и разсѣялось, а онъ, лѣтописецъ, по внушенію свыше, сохранивъ уставъ и тайну его, прибылъ въ Петербургъ основать новое царство Іерусалимское:—тоже масонство съ различіемъ въ формахъ и въ духѣ, здѣсь католическомъ. Все это кончилось тѣмъ, что Грабьянка арестованъ и, сколько мнѣ извѣстно, скоро умеръ (*). Я зналъ сына его въ По-

---

(*) Одинъ изъ вписанныхъ въ общество членовъ, по видимому, былъ вмѣстѣ и соглядатаемъ: думаю такъ потому, что онъ мнѣ

дольской губерніи. Отецъ, разстроивъ въ молодости свое имѣніе,—жена свое во̀время еще успѣла взять у него,—промышлялъ благовѣствіемъ о приближеніи царствія новаго Іерусалима; находилъ ли гдѣ, не знаю, а у насъ въ столицѣ, въ XIX столѣтіи, нашелъ къ себѣ теплую вѣру. Не въ судъ и не во осужденіе, а нельзя не подивиться, какъ люди и мыслящіе, даже чающіе утѣхи Израилевы, падки на уду всякаго тайнаго общества; словно хотятъ, сошедши тихомолкомъ съ царской, битой дороги, въ обходъ по тропѣ, болѣе прямой и болѣе близкой, опередить толпу и скорѣе дойти до рая, хотя дверь тамъ на всякъ часъ и для всякаго настежъ отворена.

Общество Авиньонское при разгарѣ Французской революціи сроднилось съ иллюминатами, удержало однако-

---

читалъ умно составленную записку объ этомъ обществѣ и что скоро затѣмъ Грабьянка арестованъ.

же въ обрядахъ своихъ духъ католицизма. Одинъ изъ сообщниковъ убійцы Густава III былъ принятъ и посвященъ въ это братство: Грабьянка едва ли не былъ вводителемъ его.

*

Отошелъ я отъ министерства. Первымъ у насъ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ графъ (князь) Викторъ Павловичъ Кочубей; до того при Императрицѣ онъ былъ посланникомъ въ Константинополѣ, при Императорѣ Павлѣ вице-канцлеромъ; потомъ жилъ до кончины его въ Дрезденѣ. Съ умомъ, отлично и счастливо образованнымъ, къ тому сметливымъ и, какъ говорили, даже болѣе, чѣмъ осторожнымъ, съ благороднѣйшими чувствами, съ искреннею привязанностью къ особѣ Царя, онъ былъ исполненъ наилучшихъ намѣреній, желалъ добра всею волею и всѣмъ помышленіемъ, въ трудѣ не щадилъ себя. Отъ богатаго въ это министерство его сѣва не все взошло; чтó и

взошло не все принялось; остались однакоже полезные памятники, не на бумагѣ только (форма сношеній, введенная нынче во всеобщее употребленіе) но на самомъ дѣлѣ; между прочимъ: распространеніе тонкоруннаго овцеводства, пособіе государственному казначейству почтовымъ сборомъ, вольный промыселъ солью въ Имперіи, Одесса, настоящій кладъ для южныхъ и западныхъ губерній.

Съ учрежденія министерства в. д. Карлъ Ивановичь Габлицъ и Михайло Михайловичь Сперанскій были директорами департаментовъ, по тогдашнему — управляющіе экспедиціями. Габлицъ, въ послѣдствіи сенаторъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, потому старой школы и стараго штиля, съ знаніемъ дѣла, мѣстъ, мѣстныхъ обстоятельствахъ и съ большимъ запасомъ опытности, былъ, при спросѣ—мужъ совѣта, Нѣмецъ именемъ и по вѣроисповѣданію, истый Русскій душою и сердцемъ. Онъ занялъ у опыта что-

то похожее на даръ предвѣдѣнія: дѣйствительно изъ того, что̀ тогда дѣлалось, мало что подержалось далѣе срока его.

Братъ его Романъ служилъ нѣкогда при графѣ Яковѣ Александровичѣ Брюсѣ. Императрица Екатерина, по смерти друга своего графини Брюсъ, велѣла ему и одному ему собрать въ ея кабинетѣ и спальнѣ всѣ ея записки къ покойной, не читать ихъ и, запечатавъ, отдать изъ рукъ въ руки самой Императрицѣ, что̀ онъ и исполнилъ, но не безъ грѣхопаденія: сердился потомъ самъ на себя, что самыя короткія, но за то любопытнѣйшія изъ тѣхъ записокъ, въ судъ и осужденіе ему, не только не умерли въ его памяти, но вчастую срывались и съ языка.

Совсѣмъ изъ другаго міра былъ Михайло Михайловичь — въ послѣдствіи графъ Сперанскій. Въ исходѣ 1802 года я нашелъ его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и уже въ

числѣ знаменитостей молодаго поколѣнія по уму и витійству;—таланты тогда были еще не такъ нерѣдки, какъ нынче, по преизбытку изліянія духа. По этой славѣ, не бывъ подчиненъ, я самъ искалъ подчиниться ему: надобно было изучать человѣка. Въ продолженіи семи лѣтъ рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобъ мы не видѣлись и не говорили о всемъ — о земномъ и неземномъ. Это время назову я весною Сперанскаго. Лѣто его, когда и зной, и трудъ въ потѣ лица, и грозы, началось по отъѣздѣ моемъ изъ столицы. Встрѣчались мы потомъ мимоходомъ, а переписывались часто, хотя не всегда постоянно. Не называю себя, на перекоръ самолюбію, другомъ Сперанскаго, а безгрѣшно могу сказать, что мы были довольно близки другъ къ другу такъ, чтобы по временамъ видѣть себя насквозь.

Вышелъ онъ изъ безвѣстности, по службѣ, собственною своею силою ума

и способностей. Умъ его въ дѣлахъ съ перваго шага рѣзко обозначался отличною способностью по одному слову, по легкому намеку разгадывать и развивать чужую мысль въ полномъ ея объемѣ, еще болѣе рѣдкимъ умѣньемъ прививать другому свою мысль, такъ чтобы тотъ и не замѣтилъ, что то не его мысль. И все онъ имѣлъ для того: — разнородныя свѣдѣнія отъ непрестаннаго чтенія съ разборчивымъ и тонкимъ разсудкомъ, богатство отъ того мыслей и стройную въ расположеніи ихъ послѣдовательность, счастливую память, пылкое воображеніе, быстрый полетъ отъ ветхаго къ новому, легкость въ работѣ, не всегда опредѣлительной, но всегда изящно отдѣланной, власть надъ собою и со всегдашнею готовностью отразить противорѣчіе, такую же готовность сождать или и совсѣмъ уступить; пріятную, мужественную наружность; лице спокойное и тогда, когда глаза не то говорили; рѣчь нетоль-

ко въ добромъ расположенiи духа, но и въ разгарѣ сердца ровную, кроткую, увлекательную. Такимъ я находилъ его во все время службы его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ наукѣ письмоводства, на сценѣ тогда не было ему равнаго.

Цвѣтущимъ, блистательнымъ перiодомъ службы и жизни его представляется промежутокъ времени отъ возвращенiя его изъ Эрфурта, гдѣ онъ былъ въ свитѣ государевой по званiю статсъ-секретаря, до высылки его изъ столицы. Я видѣлъ только восходъ этой, по тогдашней молвѣ, славы его, уѣхавъ въ Тверь на житье въ Сентябрѣ 1809 г.; но и при мнѣ еще молодое поколѣнiе примѣтно начало отлагаться отъ него по изданiи извѣстнаго указа объ экзаменахъ: — на него возвергали печаль, хотя и не справедливо, по незнанiю настоящихъ побужденiй. Вскорѣ за тѣмъ и старѣйшее поколѣнiе, неожиданно уви-

дѣвъ на немъ Александровскую ленту, встревожилось.

Изъ Твери, въ 1810 г., я переселился въ Москву. Говоръ о Сперанскомъ былъ тамъ скромный, какъ о человѣкѣ случайномъ и близкомъ къ Царю. Но года не прошло, какъ послышались совсѣмъ не тѣ уже рѣчи въ домахъ и на Тверскомъ бульварѣ, особенно со времени начальства гр. Ростопчина въ старой столицѣ. Удачно пущенъ былъ въ обращеніе гулъ: «деретъ кожу съ Имперіи; сгубитъ этотъ Сперанскій государство» — какъ общее мнѣніе, голосъ Москвы передъ грозою.

Какъ бы то ни было, я не видѣлся съ Михайломъ Михайловичемъ съ Сентября 1809 по 1815 годъ. Въ этомъ году дозволено ему изъ Перми водвориться въ деревнѣ своей Великопольѣ, подъ Новгородомъ. Праздникъ для меня былъ свиданіе съ нимъ въ проѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ.

Не могли мы довольно наговориться, я особенно не могъ довольно наслу-

шаться, и прежде всего разсказа о послѣдней передъ высылкою изъ столицы аудіенціи его у Императора. По словамъ Михайла Михайловича, въ которыхъ здѣсь нѣтъ ни одного моего, это было такимъ образомъ. Дня для доклада не было ему назначено; велѣно было однажды навсегда спрашивать по мѣрѣ надобности записками, когда явиться съ докладомъ; нерѣдко и безъ того былъ призываемъ. Записки тѣ, съ назначеніемъ дня и часа, возвращались обыкновенно съ тѣмъ же посланнымъ, рѣдко на другой день, позже никогда. Нѣсколько дней прошло безъ зова и безъ записокъ; набралось между тѣмъ къ докладу много бумагъ; отправлена обычная записка: день, другой, третій, недѣля — записка не возвращалась. Неизвѣстность, отъ чего бы то могло быть, встревожила; но, подумавъ, до какой степени военныя приготовленія, тогда въ полномъ разгарѣ, поглощали все время и все вниманіе, этой заботѣ приписалъ онъ молчаніе и съ дня на

день болѣе свыкался съ этою мыслію. Такъ прошло невступно семь недѣль, пока-то онъ обратно получилъ послѣднюю свою записку съ обычной отмѣткой числа и 8 часовъ вечера. Никого не было ни въ секретарской, ни передъ кабинетомъ. Принятъ съ тѣмъ же свѣтлымъ лицемъ и съ прежнею милостью. Послѣ краткаго объясненія, отъ чего такъ долго не видѣлись, Его Величество слушалъ доклады: все представленное, что̀ подписано, что̀ утверждено, что̀ одобрено—все съ особеннымъ благоволеніемъ. Собравъ бумаги, Сперанскій ожидалъ приказанія, отпуска. Императоръ, прошедши ото̀ стола по кабинету, остановился и, принявъ царскій видъ: «Надобно мнѣ, изволилъ сказать, объясниться съ вами, Михайло Михайловичъ»; и съ разу началъ съ обвиненій, безъ малѣйшаго гнѣва и неудовольствія, съ совершеннымъ спокойствіемъ, но такъ свободно, плавно и связно, что обвиняемому между предыдущимъ и послѣдующимъ обвиненіемъ не было

мѣста ни на полъ-слова. Было четыре вины; въ подкрѣпленіе четвертой, показавъ ему собственноручную записку его, Государь предоставилъ самому разсудить, могъ ли онъ за тѣмъ остаться при особѣ Его Величества? — Заключилъ потому дозволеніемъ представить лично въ слѣдующее утро просьбу объ увольненіи отъ службы. Выходя изъ кабинета, опальный оборотился отъ двери и, видя Императора въ скорбной задумчивости, въ порывѣ сердца хотѣлъ еще разъ откланяться. Крѣпко обнявъ его, Александръ Павловичь со слезами сказалъ: «имѣлъ я несчастіе — отца лишился; это другое». Разстались.

Въ четырехъ обвиненіяхъ рѣчь была (здѣсь въ краткихъ словахъ, тогда пространная) о побужденіи къ войнѣ съ Наполеономъ, о вмѣшательствѣ въ дѣла дипломатическія, о намѣреніи измѣнить образованіе Сената, послѣдняго еще не тронутаго учрежденія Петра Великаго; наконецъ о при-

миреніи съ Балашовымъ. Собственноручная же записка была такого содержанія: Балашовъ и Сперанскій, Богъ вѣсть за что, разошлись и долго другъ на друга скоса глядѣли. Мѣсяца за два или за три до этого происшествія, близкій къ Балашову Воейковъ, по короткой связи съ близкимъ къ Сперанскому Магницкимъ, взялся съ нимъ примирить ихъ. По многимъ совѣщаніямъ стороны согласились; оставалось рѣшить, кому ступить первый шагъ. Сперанскій принялъ то на себя; но въ назначенный для перваго свиданія часъ, раздумалъ ли, или же ему не поздоровилось,—не поѣхалъ къ Балашову и запискою просилъ Магницкаго предварить его о томъ черезъ Воейкова. Магницкій эту записку подлинную послалъ Воейкову; тотъ отдалъ ее Балашову: представлена какъ неопровержимое свидѣтельство собственнаго и по закону совершеннаго признанія. Въ чемъ? Зналъ про то Александръ Дмитріевичь Балашовъ.

Въ размышленіи, какъ лучше употребить по сказанному слѣдующее утро, онъ поздно воротился домой изъ огня по пословицѣ въ полымя; нашелъ у себя незваныхъ и нежданыхъ гостей,—въ передней частнаго пристава, далѣе министра полиціи съ извѣстнымъ Сангленомъ. Министръ объявилъ ему высочайшую волю взять изъ кабинета его всѣ бумаги, представить ихъ Его Величеству, а самаго его въ туже ночь отправить съ частнымъ приставомъ въ Нижній Новгородъ: приставъ и кибитка готовы. Не рѣшился онъ оставить бумаги въ рукахъ Балашова, а подъ глазами его всѣ до одной безъ разбора запечаталъ въ пакеты съ надписью Е. И. В. въ собственныя руки и пакеты счетомъ отдалъ подъ росписку министру полиціи. За тѣмъ, сопровождаемый Балашовымъ и Сангленомъ, сѣлъ съ своимъ Лаврентіемъ въ кибитку и съ частнымъ приставомъ на облуку отправился въ Низовскую землю Здѣсь конецъ разсказа его.

Изъ Нижняго онъ переселился въ Пермь, изъ Перми въ Великополье, отсюда въ Пензу, изъ Пензы въ Иркутскъ, оттуда уже въ Петербургъ. Въ продолженіе этого времени, послѣ свиданія въ Великопольѣ, видѣлся я съ нимъ два раза въ Пензѣ передъ отъѣздомъ въ Сибирь и при возвращеніи его оттуда; оба раза все еще съ незажившею, даже свѣжею раною въ сердцѣ, не взирая и на полученное передъ отъѣздомъ въ Сибирь собственноручное царское письмо, исполненное милости, довѣрія, желанія вновь по прежнему сблизиться и соединиться.

Сошелся я съ нимъ въ столицѣ не ранѣе 1834 года. Въ доброжелательствѣ, любви и пріязни ко мнѣ былъ онъ тотъ же, во многомъ—другой человѣкъ. Такъ въ нерѣдкихъ нашихъ по прежнему бесѣдахъ никогда я не слышалъ отъ него любимой за 25 лѣтъ передъ тѣмъ въ министерствѣ в. д. поговорки: il faut couper dans le

vif, tailler en plein drap. Почтенный Михайло Михайловичь уже говаривалъ, что и необходимыя по времени и обстоятельствамъ перемѣны надобно вводить постепенно, съ большою осторожностію, а не ломать и передѣлывать наскоро.

Необыкновенный былъ онъ феноменъ въ кругу службы по уму, дарованіямъ и трудамъ. И о чемъ не писалъ онъ, съ своей точки зрѣнія, всегда увлекательно, по обязанности, по охотѣ, по порученіямъ? Что же и не было ему поручаемо? Самъ говаривалъ мнѣ, что во всю свою жизнь онъ столько ни о чемъ не писалъ, сколько написалъ о финансахъ. Однажды же, говоря о Сводѣ Законовъ, изданія 1832 года, самъ припомнилъ, что, по выходѣ изъ министерства в. д., бывъ назначенъ членомъ комиссіи составленія законовъ и, встрѣтивъ меня въ лѣтнемъ саду, сказалъ мнѣ, что онъ въ своемъ элементѣ. Дѣйствительно суждено было ему совер-

шить истинно полезный государственный трудъ Сводъ Законовъ Россійской Имперіи: — Сперанскій тѣмъ не весь и умеръ у насъ. Но здѣсь еще не весь онъ. Не забыть мнѣ уединенныхъ бесѣдъ съ нимъ, когда бывало онъ, отдѣлясь отъ труда и пререканій по службѣ, отъ клеветъ и пересудовъ, отъ радостей и скорбей житейскихъ, заходитъ ли всегда смѣло и далеко въ лабиринтъ умствованій человѣческихъ, раскрываетъ ли въ видимомъ твореніи премудрость невидимую, указываетъ ли перстъ Всемогущаго и неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія въ событіяхъ міра, разлагаетъ ли лукавые изгибы сердца человѣческаго, возлетаетъ ли въ порывѣ умиленія въ горнюю страну міра любви и свѣта: не переталъ бы его слушать! Такъ можетъ говорить только тотъ, въ чьемъ сердцѣ свѣтится искра святаго огня.

Нарушилъ я, чтобы не раздробляться, хронологическій порядокъ. Возвращаюсь къ министерству в. д. Пись-

моводство по разнымъ комитетамъ сверхъ прочихъ обязанностей, и безъ того не легкихъ, на меня же возлагалось, въ томъ числѣ и по комитету о земскомъ войскѣ, милиціи, гдѣ присутствовали всѣ министры и сверхъ того нѣсколько заслуженныхъ старцевъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова. Бумага здѣсь много терпѣла; но памятно не то, а мощь и сила царскаго слова. Царь указалъ, для защиты вѣры и государства отъ враговъ, собрать земское войско, шесть сотъ тысячь ратниковъ, одѣть, на извѣстное время снабдить продовольствіемъ и чѣмъ гдѣ можно вооружить ихъ; далъ на то два мѣсяца сроку, раздѣлилъ это войско на области, назначилъ областныхъ главнокомандующихъ, прочихъ начальниковъ велѣлъ имъ взять отъ дворянства. Давно отслужившіе службу, ветхіе лѣтами и недугами, но не любовью къ Царю и отечеству, главнокомандующіе, услышавъ царское сло-

во, забыли и старость, и покой, и болѣзни, и черезъ 24 часа были уже на пути—графъ Орловъ Чесменскій въ Курскъ, кн. Юрій Долгоруковъ въ Кострому, князь Прозоровскій въ Херсонъ, прочіе также. Духомъ все пошло, строилось и собиралось; отцы и матери сами отдавали дѣтей Царю-Государю; деньги, оружіе, вещи всякаго рода приносились въ жертву Отечеству; косы въ сабли, шины съ колесъ въ пики передѣлывались; дворянинъ только тотъ не явился на службу, кому руки и ноги переставали служить; генералы просились въ ратники; образовались сотни, полки, отряды; черезъ два мѣсяца шесть сотъ тысячь воиновъ, казаковъ по одеждѣ, съ ружьями, саблями, пиками, кому чтò досталось, стояли въ строю и ждали манія, чтобы итти сквозь огонь и воду, бить и колоть супостата. Нельзя было—и кто же могъ бы? равнодушно читать донесенія объ этомъ пламенномъ движеніи Русскаго духа;

старики въ комитетѣ слезы роняли. Событіе, которое, какъ явленіе силы царскаго слова и Русскаго духа, безъ сомнѣнія займетъ страницу въ Исторіи.

Хуже для меня 1807 годъ не могъ оканчиваться. Графъ В. П. Кочубей собирался сложить съ себя званіе министра в. д. Я же, при неизвѣстности, могу ли остаться при новомъ начальникѣ, совсѣмъ неожиданно накликалъ еще на себя другую бѣду;—спѣшилъ-пока не упалъ курсъ на разумъ истины (о чемъ выше) показаться на свѣтъ съ своимъ переводомъ Тоски по отчизнѣ. Первыя двѣ части вышли изъ цензуры и изъ печати, слѣдующія подготовлялись. Для опыта, послужитъ-ли мнѣ счастье, сказалъ я въ типографіи пустить въ ходъ сто экземпляровъ первой части; разобраны всѣ на расхватъ. Ничего болѣе по видимому нельзя было, и то лишь мнѣ, ожидать отъ того, кромѣ пользы или убытка: вышло совсѣмъ иначе.

Вскорѣ за тѣмъ министръ в. д. семь разъ сряду, съ 9 часовъ утра до 3 пополудни, не былъ принятъ съ докладомъ. Въ недоумѣніи просилъ аудіенціи. Изъявлено крайнее неудовольствіе, что держалъ при себѣ человѣка, которому мѣсто въ Якутскѣ,—кого же?—издателя Тоски по отчизнѣ. Министръ такъ и сякъ огородилъ меня; разсказавъ однакоже весь разговоръ съ Императоромъ, заключилъ тѣмъ, что мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ пропасть года на три на четыре, пока забудется, какъ и звали меня. Въ слѣдъ за тѣмъ я позванъ къ Николаю Николаевичу Новосильцову: по высочайшему повелѣнію объявилъ мнѣ за переводъ и изданіе этой книги монаршее негодованіе. Дозволивъ мнѣ прочитать ему двѣ отмѣченныя собственноручно страницы, онъ похвалилъ и мысли, и изложеніе; когда же я пожалѣлъ, что такой просвѣщенный отзывъ не дошелъ до Государя, то почтенный Николай

Николаевичъ и языкомъ и руками отвѣчалъ мнѣ: «О! это не мое дѣло»,— и повторилъ мнѣ монаршее негодованіе. Тогда я просилъ его повергнуть къ стопамъ Его Величества сердечное мое сокрушеніе, что такимъ несчастнымъ образомъ я навлекъ на себя царскій гнѣвъ, и честное мое слово—все, что̀ было у меня въ рукописи, бросить въ огонь, а изъ напечатаннаго, кромѣ разобранныхъ ста экземпляровъ, ни одного листа этой книги не взять изъ типографіи. Николай Николаевичъ потомъ объявилъ мнѣ, что Императоръ на сей разъ всемилостивѣйше изволилъ принять дворянское мое честное слово съ строгимъ однако внушеніемъ мнѣ остерегаться. Я исполнилъ свое слово буквально, а изъ типографіи не требовалъ ни листа и заготовленной для третьей части бумаги. Тяжело мнѣ было оставаться хотя и не между Якутами, все же на замѣчаніи, въ тѣни подозрѣнія.

Провидѣніе здѣсь явилось мнѣ въ лицѣ досточтимаго старца, графа (князя) Николая Ивановича Салтыкова. Хотя по закрытіи комитета о милиціи не имѣлъ я уже и повода являться къ нему за приказаніями, но фельдмаршалъ, услышавъ объ моемъ горѣ, любопытствовалъ знать отъ меня какъ все то было: съ тѣмъ я и ушелъ отъ него. Спустя нѣсколько недѣль, приславъ за мной, «не на шутку же, сказалъ мнѣ, запятнали тебя добрые люди; за малымъ стало, что въ Сибирь не отправили. Надобно было мнѣ видѣться съ Государемъ; говорили много и долго; при прощаньи попросилъ я пожаловать тебѣ что нибудь за труды въ комитетѣ: отозвался весьма немилостиво, съ жаромъ и гнѣвомъ. Я далъ пылу пройти; сказалъ, какъ самъ знаю тебя и отвѣчалъ за тебя, какъ за дѣтей своихъ и за самаго себя: смягчился и былъ даже доволенъ; самому какъ будто на сердцѣ стало легче; зналъ тебя въ

лице и по бумагамъ; спрашивалъ, чего хочу для тебя. Я выпросилъ тебѣ Анну на шею съ алмазами. (Это былъ первый мой знакъ отличія). Не погибать же тебѣ отъ навѣтовъ; служи вѣрой и правдой; Богъ честныхъ людей не покидаетъ».

Было это въ концѣ 1807; а въ 1816 году, къ удивленію моему, изданіе этой самой роковой книги по высочайшему повелѣнію, безъ всякаго отъ меня спроса, дозволено мнѣ окончить. Князь А. Н. Голицынъ писалъ мнѣ тогда, что это было у него долго на совѣсти, пока и онъ, хотя черезъ десять лѣтъ, нашелъ случай отдать мнѣ справедливость передъ Государемъ Императоромъ. Этотъ эпизодъ въ моей жизни, мелочный и для меня лишь немаловажный, заключаетъ въ себѣ не съ одной стороны крупные уроки. Я же тѣмъ горжусь, что удалось мнѣ застать еще въ девятнадцатомъ столѣтіи истаго, правдолюбиваго Русскаго

боярина старыхъ вѣковъ—князя Салтыкова.

Съ увольненіемъ гр. Кочубея отъ министерства, я терялъ любимаго и уважаемаго по уму и по сердцу начальника. Сверхъ того я почти не выходилъ изъ его дома, откуда и лучшія мои знакомства того времени. Изъ числа ихъ отъ Василія Степановича Тамары (посланникъ въ Константинополѣ, потомъ сенаторъ) я слышалъ много полезнаго. Слѣдующій же, отъ слова до слова, разсказъ его не чудесный, а любопытный. Два штабъ-офицера, раненные въ Финляндскую войну, привезены въ столицу лечиться; одинъ изъ нихъ выздоровѣлъ, возвращался въ армію и пришелъ проститься съ товарищемъ, съ которымъ былъ очень друженъ; этотъ въ шутку сказалъ, если пуля невзначай угодитъ ему прямо въ сердце, то навѣстилъ бы его съ того свѣта, сказалъ бы, что̀ и каково тамъ. Обѣщано, хотя и неравнодушно;—разста-

лись. Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій; больной тихо оправлялся. Въ одну ночь видитъ во снѣ товарища. «Вотъ я сдержалъ свое слово, тотъ говоритъ ему; я убитъ сегодня въ сраженіи; здѣсь хорошо; но я еще не осмотрѣлся. Ты сходи къ В. С. Тамарѣ и попроси у него себѣ книжку что̀ у него въ коробу подъ фаянсовымъ сервизомъ; въ ней все, что̀ тебѣ нужно знать». Больной записалъ число и сновидѣніе, а по приказамъ узналъ, что товарищъ дѣйствительно убитъ того числа въ сраженіи. Сколь скоро смогъ, бросился къ Василію Степановичу. Этотъ по своему обычаю руками и ногами отбивался отъ новаго знакомства съ человѣкомъ, совсѣмъ ему неизвѣстнымъ; уступилъ наконецъ убѣдительной просьбѣ. Незваный гость объяснилъ ему причину посѣщенія, разсказалъ все какъ было, прочиталъ записку о сновидѣніи и просилъ приказать отыскать въ коробѣ съ фаянсовымъ сервизомъ завѣт-

ную книжку. Тамара въ первый разъ въ жизни слышалъ отъ него имя покойника, а о коробѣ съ сервизомъ не зналъ не вѣдалъ. Призванъ дворецкій, и тотъ не помнилъ въ домѣ короба съ фаянсовымъ сервизомъ. Хозяинъ потомъ самъ не хотѣлъ отпустить отъ себя гостя безъ осмотра всѣхъ угловъ въ своемъ домѣ. Дворецкій повелъ его въ кладовую, оттуда въ подвалъ. Тамъ, въ темномъ углу, подъ разнымъ хламомъ стоялъ ящикъ съ фаянсовымъ сервизомъ: изъ Англіи въ Константинополь, а оттуда, обогнувъ Европу, на кораблѣ привезенъ въ Петербургъ съ другими вещами и оставался въ забытьѣ по ненадобности. Что же? Подъ сервизомъ между листовъ оберточной бумаги нашлось, въ листахъ же, прекрасное изданіе Подражанія Іисусу Христу Ѳомы Кемпійскаго на Французскомъ языкѣ. Василій Степановичь обѣими руками отдалъ его гостю. Я смѣло могу прибавить къ этому его разсказу

только то, что Тамара не умѣлъ и въ шутку сказать неправду или назвать вещь не своимъ именемъ.

О преемникѣ гр. Кочубея кн. Алексѣѣ Борисов. Куракинѣ мнѣніе было не единодушное. Судить впрочемъ о людяхъ, даже и вблизи, очень трудно; не легче, какъ знать, какъ люди въ душѣ судятъ о насъ. Для меня онъ и съ перваго шага и въ послѣдствіи постоянно былъ отмѣнно хорошій начальникъ, хотя нещадно налагалъ на меня работу и за другихъ, такъ что я не одинъ разъ въ недѣлю приходилъ отъ него домой не ранѣе 4-5 часовъ по полуночи. За то однажды, возвратясь съ докладомъ, онъ объявилъ мнѣ высочайшее повелѣніе — представить Его Величеству записку и въ ней безъ жеманства сказать, чѣмъ бы я самъ хотѣлъ, чтобы Государь Императоръ изъявилъ мнѣ благоволеніе. Нравилась Его Величеству моя редакція бумагъ, подносимыхъ къ высочайшему подписанію. Такой отзывъ,

написалъ я, былъ для меня выше и дороже всякой награды. Государь не повѣрилъ и пожаловалъ меня, въ Іюнѣ 1808 года, въ статскіе совѣтники. Эта записка съ означеніемъ на ней высочайшей воли хранится до сихъ поръ у меня въ подлинникѣ. Не долго я былъ подъ начальствомъ князя Куракина; но это было для меня тяжелое время, мимо другихъ причинъ и потому, что ко мнѣ перешло и все то, что̀ прежде дѣлалъ М. М. Сперанскій.

Въ началѣ 1809 года я женился. Есть счастіе и на землѣ, не дорогое, для всѣхъ, для каждаго по состоянію, равно доступное: — спокойствіе въ душѣ отъ пребыванія въ вѣрѣ, въ любви и семейномъ согласіи; здоровье и отсутствіе нужды, другимъ словомъ, довольство. Для лучшаго счастія нужна иная, а не наша атмосфера, гдѣ еще безпрерывно видимыя и невидимыя силы междоусобно воюютъ. Пока же мы на землѣ, сомнѣваюсь, чтобы безъ этихъ трехъ пред-

метовъ первой потребности счастіе жило гдѣ нибудь не только подъ соломой и тесомъ, но и подъ золотою крышею.

Продолжая, холостый и женатый, служить одинаково, какъ лучше не могъ и не умѣлъ, не успѣлъ еще я порядочно обзавестись хозяйствомъ, какъ получилъ приглашеніе отъ покойнаго принца Георгія Ольденбургскаго принять на себя управленіе письмоводствомъ по возложеннымъ на него званіямъ главноуправляющаго водяными и сухопутными сообщеніями и генералъ-губернатора трехъ губерній. Это неожиданное приглашеніе съ перспективою вдаль, — не потаю грѣха, — было по вкусу моему самолюбію. Страннымъ однако же мнѣ показалось, что оно было мнѣ отъ лица и еще отъ принца, которому я совсѣмъ не былъ извѣстенъ, черезъ другое лице, Д. А. Гурьева, тогда министра удѣловъ, который также въ глаза не зналъ меня, и ми-

мо начальника моего кн. Куракина, который имѣлъ уже полное право на мою благодарность. Оттого, на все настойчивое требованіе Дмитрія Александровича Гурьева сказать ему рѣшительное да или нѣтъ, я могъ только предоставить ему самому объясниться съ моимъ начальникомъ, которому тотчасъ же безусловно отдалъ себя на волю. Оба были недовольны, — тотъ, что я по первому слову его не рѣшился на столь отличное призваніе; этотъ, что оно сдѣлано мнѣ мимо его. Довольно долго я ничего не зналъ и не любопытствовалъ знать о послѣдствіи. Въ Маѣ 1809 г. наконецъ присланъ мнѣ списокъ съ указа Сенату о пожалованіи меня въ статъ-секретари съ повелѣніемъ находиться при принцѣ для управленія письмоводствомъ. Немедленно я имѣлъ счастіе представиться Императору. Его Величество изволилъ принять меня въ кабинетѣ, былъ доволенъ отвѣтами моими на вопросы,

по крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось, и здѣсь я удостоился слышать изъ устъ Его Величества, что графъ Кочубей и кн. Куракинъ говорили ему обо мнѣ много хорошаго, а графъ Николай Ивановичь отвѣчалъ за меня, какъ за дѣтей своихъ и за самого себя. Выразивъ кратко и ясно высочайшее намѣреніе при опредѣленіи меня къ принцу, Императоръ отдалъ мнѣ записку съ приказаніемъ отнести ее отъ Его Величества къ принцу, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ по ней заключеніе. Это былъ маловажный и безполезный, но въ исполненіи (по закону о крѣпостномъ правѣ собственности) невозможный проэктъ и упалъ потому самъ по себѣ. Но пока дошло до того, случись же такъ, что съ этой самой бумаги, отъ оскорбленнаго своею же ошибкою самолюбія, въ послѣдствіи былъ почин моихъ скорбей!

Не могъ я желать, а не исполнивъ неоднократнаго требованія Д. А. Гу-

рьева предварительно представиться принцу и великой княгинѣ, тѣмъ еще менѣе могъ ожидать такой благосклонности и такого, не лгу, радушія, съ какими былъ принятъ принцемъ, герцогомъ отцемъ его, по тогдашней молвѣ Несторомъ Германскихъ владѣтелей, и великою княгинею Екатериною Павловною: не случалось еще мнѣ стоять на такомъ крупномъ дождѣ лестныхъ привѣтовъ. Вошелъ я къ принцу съ одною запискою, а вышелъ отъ него съ вязанкою бумагъ: съ того же дня началось его управленіе. Надобно было, спуская съ рукъ, что̀ не терпѣло отлагательства, спѣшить образовать губернскую канцелярію и учрежденіе управленія водяными и сухопутными сообщеніями, вошедшее въ хронологію достопамятныхъ происшествій Россійской Имперіи.

Принцъ самъ представилъ меня Ея Величеству Императрицѣ - матери. Всемилостивѣйше изволила между

прочимъ сказать мнѣ: Soyez des nôtres. Такъ вдругъ повезло мнѣ, что я, сидя съ родными за столомъ въ свои имянины, неожиданно получилъ отъ принца записку въ пріятнѣйшихъ выраженіяхъ со спискомъ съ высочайшаго, подписаннаго того числа, указа Сенату о пожалованіи меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ послѣдней половинѣ Августа 1809 г. великая княгиня и принцъ отправились въ новую свою резиденцію, въ Тверь, черезъ Шлиссельбургъ и Ладогу: принцъ хотѣлъ видѣть Ладожскій каналъ, Маріинскую систему сообщенія и Матко-Озеро. Оттуда я воротился въ столицу съ изустными отъ принца донесеніями, на которыя удостоился принять отъ Императора, для передачи принцу, изустныя же высочайшія повелѣнія. Его Величество изволилъ выслушать меня съ благоволеніемъ, много за тѣмъ распрашивалъ о вещахъ и о людяхъ, былъ, казалось мнѣ, доволенъ пред-

ставленными мною свѣдѣніями; изъяснялъ, чего желалъ и ожидалъ отъ ввѣреннаго принцу управленія, особенно требовалъ, чтобы ни въ чемъ не было ни малѣйшаго отступленія отъ установленнаго порядка; заключилъ продолжительную аудіенцію этими словами: «Я вижу, что ты понялъ меня и свое назначеніе, и не сомнѣваюсь, чтобы не оправдалъ моего довѣрія». Потомъ изволилъ спросить меня, что̀ мнѣ нужно,—прямо сказалъ бы; и какъ я отвѣчалъ единственнымъ желаніемъ сохранить столь мало заслуженную монаршую милость, то Его Величество, положивъ на плечо мнѣ руку, и сказавъ мнѣ: «вини самъ себя», обнялъ и отпустилъ меня, приказавъ ѣхать въ Тверь, ни мало не медля. Императрицѣ-матери въ тотъ же день не могъ я откланяться; назначено мнѣ явиться на другой день въ шестомъ часу утра: и въ эту раннюю пору Ея Величество изволила принять меня уже за

письменнымъ столомъ и за бумагами.

Въ Тверь я прїѣхалъ съ какимъто предубѣжденiемъ, что участь моя по службѣ, хорошо или худо, а тамъ рѣшится. Такъ и сбылось. Перелистывая Тверской дневникъ свой, нашелъ я въ немъ многое множество замѣтокъ о томъ, что̀ видѣлъ и слышалъ, по производству же дѣлъ о забавныхъ, а часто (словно между двухъ огней) и затруднительныхъ встрѣчахъ. Не мало здѣсь любопытнаго, не мало и страннаго по уму и по сердцу. Но все то, что̀ было, покрайней мѣрѣ казалось тогда немаловажнымъ и дѣльнымъ; все это теперь такъ мелко, такъ блѣдно!

Въ первыхъ числахъ Декабря 1809 года Императоръ изволилъ прибыть въ Тверь; въ тотъ же день вечеромъ я позванъ къ Его Императорскому Величеству. «Не взялъ я съ собой никого изъ статсъ-секретарей,— сказалъ мнѣ Государь,—хотѣлъ ближе съ то-

бой познакомиться; поѣдешь со мною въ Москву; я говорилъ объ этомъ принцу».—И приказалъ написать, а если успѣю, то и отправить въ тотъ же вечеръ рескрипты къ главнокомандовавшему въ Москвѣ фельдмаршалу гр. Гудовичу и къ президенту Московской дворцовой конторы Валуеву о высочайшемъ намѣреніи прибыть въ Москву къ Николину дню съ великою княгинею и принцомъ и о нужныхъ по этому случаю распоряженіяхъ. Удалось мнѣ исполнить повелѣніе: рескрипты подписаны и въ тотъ же вечеръ отправлены.

Въ Москвѣ подано множество просьбъ, жалобъ, доносовъ, проэктовъ и писемъ на высочайшее имя. Не мало текущихъ дѣлъ ежедневно приходило и съ почтой. Приказано ни одной бумаги изъ поданныхъ и присланныхъ не оставить безъ разрѣшенія Его Величества въ Москвѣ же; назначенъ мнѣ часъ для доклада; но и сверхъ того не проходило утра и

вечера, чтобы я не былъ позванъ для принятія высочайшихъ повелѣній. Исполненіемъ, казалось мнѣ, Государь былъ доволенъ и не одинъ разъ изволилъ изъявлять мнѣ благоволеніе.

Встрѣчаясь передъ кабинетомъ со знаменитостями и явственно читая на ихъ лицахъ истину словъ: «близь Царь-близь огня», я тѣмъ болѣе боялся осѣчься на паркетѣ Слободскаго дворца, и вотъ что̀ между прочимъ нахожу въ тогдашнихъ замѣткахъ.

Приказываетъ Государь написать указы объ отставкѣ отъ службы двухъ дѣйствительныхъ, одного тайнаго, другаго статскаго совѣтниковъ, С... и Б...; подъ конецъ доклада изволилъ спросить, зналъ-ли я Б..., и на отвѣтъ, что дѣла съ нимъ не имѣлъ, велѣлъ разузнать объ немъ и доложить. Результатъ распросовъ былъ краткій: единогласное мнѣніе о знаніи дѣла; о прочемъ, все же только по слухамъ, не единодушное: — такъ и

доложено. «Нельзя же не вѣрить».... сказалъ Императоръ и, прервавъ рѣчь, желалъ знать, какъ я думалъ по всему тому, что̀ слышалъ. — «По совѣсти вдругъ трудно рѣшиться», сорвалось, съ языка у меня, и я струсилъ, почувствовавъ нескромность этого слова. Что же слышу? — «Упаси Богъ брать на совѣсть, произнесъ Императоръ; такъ надо бы всегда говорить мнѣ: что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ». — И произнесъ это съ такимъ спокойнымъ и свѣтлымъ лицемъ, съ такою ясностью во взорѣ, что то было словно проявленіе чистой души, глубоко-добросовѣстной. Такія выраженія или не всегда показываются, или не замѣчаются, или они неуловимы; а сколько мнѣ ни удавалось видѣть портретовъ Александра Павловича, во всѣхъ недостаетъ незнаю чего-то, но что̀ было въ немъ, и что̀ было въ немъ всего очаровательнѣе. — О Б... велѣно написать къ непосредственному его начальнику. Оттуда отрѣшеніе.

Въ другой разъ рѣчь не впопадъ. Прихожу съ докладомъ послѣ развода. Видя въ рукахъ у меня не мало бумагъ: «Отъ бумагъ, какъ и отъ толпы, никуда не уйдешь», сказалъ Государь.— «Всякой стремится, молвилъ я, имѣть счастіе взглянуть на Ваше Величество». —Ба!--въ отвѣтъ—поведи бѣлаго медвѣдя по улицамъ: побѣгутъ толпами и за медвѣдемъ». Много при дворѣ непостижимаго!

Въ это время я имѣлъ неожиданную радость: въ Москвѣ тогда пожалована благодѣтелю моему сенатору Лопухину Александровская лента. «Она давно его», сказалъ Императоръ, подписывая грамоту. За тѣмъ изволилъ спросить меня, зналъ ли я Лопухина, и когда я заключилъ отвѣтъ свой объ немъ признательностью за всѣ его мнѣ благодѣянія, назвавъ его другимъ отцомъ своимъ, то Его Величество не безъ удовольствія поздравилъ меня, что я не познакомился съ неблагодарностію. «Благодар-

ность на семъ свѣтѣ,—говорилъ,—рѣже бѣлаго ворона; меня спроси; я про то знаю.» Обращаясь за тѣмъ къ Лопухину, изволилъ произнесть сіи слова: «Ты много объ немъ говорилъ, а я вотъ какъ знаю его: Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и для меня не покривитъ душою».—Много ли такихъ современниковъ, которые могли бы похвалиться такимъ же отъ Александра Павловича похвальнымъ словомъ, хотя и въ сторонѣ и вдалекѣ, все же достойно и праведно завиднымъ?

Государь съ великою княгинею и принцемъ уѣхали изъ Москвы въ часъ по полуночи съ придворнаго бала, а послѣ обѣда въ Твери, въ тотъ же день изволилъ отправиться въ С.-Петербургъ. Былъ тутъ забавный случай: — Ѳ. П. Уваровъ помчался къ обѣду въ Тверь въ слѣдъ за Императоромъ, но не въ пошевняхъ по царскому обычаю, а въ кибиткѣ плотно закрытой. Морозы

постоянно продолжались, прямо Никольскіе. Отсталъ, и въ Завидовѣ не нашелъ уже ни почтовыхъ, ни земскихъ чиновниковъ; старики же коноводы пошли въ Капернаумъ выпить по чаркѣ за благополучное отбытіе. Между тѣмъ, какъ слуга метался по дворамъ за лошадьми, Ѳедоръ Петровичъ изъ подъ фартука кибитки вошелъ въ ямскую избу, присѣлъ въ углу и сладко заснулъ. Экипажъ какъ былъ закрытъ, такъ и остался. Старики, воротясь навеселѣ въ избу, сбирались также отдохнуть — смирно, не потревожить бы проѣзжаго барина. Самъ проснулся и вскрикнулъ: «готовы ли лошади? я васъ!»... Да во что прикажешь закладывать, баринъ? — Оказалось, что слуга, собравъ лошадей и полагая, что Ѳедоръ Петровичъ все тамъ же, за фартукомъ, ускакалъ — поспѣть бы къ столу въ Городню, оттуда и до Твери, и тамъ уже только увидѣлъ, что генералъ пропалъ безъ

вѣсти. Проподалъ до другаго утра. Смѣху было на цѣлые сутки, когда явился.

Со вступленіемъ въ новый 1810 годъ, мнѣ все еще было весьма не дурно у Тверскаго двора; всего же обворожительнѣе было то, что великая княгиня рѣдкій день не входила въ кабинетъ къ принцу при мнѣ и не удостоивала меня разговора: счастье, которое приписывалъ я прежде всего отсутствію лучшихъ интересовъ при сокращенномъ дворѣ, но которое оттого не было для меня менѣе лестно. Богатый, возвышенный и быстрый, блистательный и рѣзкій умъ изливался изъ устъ Ея Высочества съ волшебною силою пріятности въ рѣчи. Съ большимъ любопытствомъ она распрашивала и желала имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія о лицахъ, но не прошедшаго вѣка, а современныхъ; не жаловала скромныхъ и почтительныхъ моихъ отзывовъ; не вѣрила имъ; любила сама говорить о

всемъ и обо всѣхъ; изъ бывшихъ тогда на сценѣ лицъ, начиная съ самой высшей ступени, никого не помню, мимо кого Ея Высочество изволила бы молча пройти; а заключенія ея всегда были кратки, полны, рѣшительны, часто нещадны. Есть души выспреннія, которыя могутъ быть довольны лишь совершенствомъ и въ глазахъ которыхъ за то все то блѣдно, слабо, низко и бѣдно, гдѣ еще замѣтны недостатки. Не потаю грѣха,—слушая, не рѣдко я въ душѣ изумлялся. Самъ принцъ, — праведный Іосифъ въ тѣни, — не всегда въ такихъ случаяхъ былъ равнодушенъ. Отсюда я началъ въ тайнѣ сердца бояться за М. М. Сперанскаго и за самаго себя.

Приглашали меня и на маленькіе вечера къ Ея Высочеству, когда гости одинъ за другимъ изъ Москвы пріѣзжали. Здѣсь между прочимъ отъ гр. А. И. Мусина-Пушкина, очевидца, я слышалъ всю исторію ус-

ловленнаго, но не сбывшагося обрученія великой княжны Александры Павловны съ Шведскимъ королемъ, и поразительное дѣйствіе этой неожиданной неудачи на оскорбленную Императрицу. — Графъ Ростопчинъ отмѣнно искусно представлялъ въ лицахъ разные случаи изъ царствованія Императора Павла, между многими замѣчательное объявленіе войны Римскому тогда еще Императору Францу за неумѣнье жить въ свѣтѣ; объявленіе, послѣ неоднократныхъ поправокъ представленное къ подписи и вдругъ отмѣненное съ пѣніемъ: взбранной воеводѣ побѣдительная! Всѣ разсказы графа Ѳедора Васильевича имѣли полный успѣхъ, — со смѣху отъ нихъ помирали,—не смотря на то, что были— и передъ кѣмъ же? — о царѣ - благодѣтелѣ, который вывелъ разказчика въ люди, осыпавъ его милостями и почестями. — Иначе проходили вечера съ почтеннымъ исторіографомъ.

Не одинъ разъ Николай Михайловичъ въ Твери читалъ Исторію Россійскаго государства, тогда еще въ рукописи. Боялись даже изъявленіемъ удовольствія перервать чтеніе, равно искусное и увлекательное; слушали съ невозмутимымъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что исторіографъ, казалось, любилъ и самъ себя слушать.

Памятно мнѣ 20 Февраля 1810 года. Принцъ, говоря, послѣ доклада, о Москвѣ, о Твери и о жизни губернской, разсуждалъ, — мнился бо службу приносити Россіи, — сколько добра онъ могъ бы сдѣлать Имперіи въ сферѣ болѣе обширной и болѣе видной; потомъ, отдавая мнѣ съ веселымъ лицомъ прочитать за тайну собственноручное письмо къ Императору, требовалъ отъ меня чистосердечнаго мнѣнія о томъ, о чемъ было писано. Судя по глазамъ его, онъ ожидалъ отъ меня безусловнаго, даже радостнаго согласія. Писанное показалось мнѣ совсѣмъ несбыточ-

нымъ, и я, знавъ намѣреніе быть по веснѣ въ Петербургѣ, осмѣлился *только* сказать: отложить бы все до личнаго свиданія. Мысль эта не принята; письмо отправлено. Посланный воротился; спустя нѣсколько времени, принцъ назвалъ меня дурнымъ пророкомъ. Я наказанъ здѣсь за оглядку на самаго себя. Отсрочкою до личнаго свиданія хотѣлъ я, впрочемъ не безъ причины, оградить себя отъ возможной мысли о внушеніи съ моей стороны. Вмѣсто того я сталъ замѣчать съ того времени въ принцѣ, въ обращеніи со мною, что-то похожее на безпокойство сомнѣнія. Великая княгиня также приходила въ кабинетъ къ принцу при мнѣ уже изрѣдка.

Скоро за тѣмъ другая бѣда. Въ приготовленномъ къ подписанію донесеніи Государю о нѣкоторомъ важномъ происшествіи въ Новгородской губерніи сказано было: предписалъ губернатору. Употребленіе здѣсь про-

шедшаго вмѣсто настоящаго, по Тверскимъ понятіямъ, принято было не только за уголовный проступокъ, но за явный обманъ Государя. При бурной запискѣ въ этомъ смыслѣ, бумаги возвращены не подписанныя. *Предписалъ* обращено въ *предписываю*: тѣмъ все и кончилось. О запискѣ я ни слова. Черезъ нѣсколько времени принцъ самъ вспомнилъ объ ней, говоря въ хорошемъ расположеніи духа о любви своей къ лаконизму. Когда же я, и не думая оправдываться, только сказалъ, что Петербургъ все же отъ Твери далѣе Новгорода и пока донесеніе до столицы дойдетъ черезъ Новгородъ, въ Новгородѣ все можетъ быть и исполнено: то глаза ли прозрѣли, потряслась ли вся нервная система, только мнѣ тутъ суждено было внезапно быть свидѣтелемъ рыдательнѣйшей сцены, а по успокоеніи внезапный же взглядъ принца, словно опомнившагося, ясно сказалъ мнѣ, чего ожидать.

Пріѣхалъ между тѣмъ въ Тверь попечитель Московскаго учебнаго округа гр. А. К. Разумовскій. Случись тутъ въ тоже время и гр. Арк. Марковъ. Принцъ, который до того еще въ разговорахъ не одинъ разъ находилъ тотъ порокъ въ нашей администраціи, что онъ, генералъ-губернаторъ, устраненъ отъ управленія учебными заведеніями въ своихъ губерніяхъ, между тѣмъ какъ онъ здѣсь-то и могъ бы сдѣлать нѣчто образцовое для всего государства, — послѣ первой бѣсѣды съ попечителемъ, съ особеннымъ удовольствіемъ объявилъ мнѣ, что гр. Разумовскій безусловно отдавалъ ему всѣ учебныя заведенія въ Тверской и Ярославской губерніяхъ, находя эту мѣру не только полезною, но и salutaire, съ чѣмъ-де согласенъ и гр. Марковъ, человѣкъ государственный; — поручилъ мнѣ потому объясниться съ попечителемъ о какой-то при этомъ формальности и покончить все дѣло такъ, чтобы тотчасъ можно было при-

ступить къ преобразованіямъ. Пошелъ я къ попечителю; удивилъ потомъ принца его отзывомъ: стало на томъ, что я же не понялъ гр. Алексѣя Кириловича. Этотъ на другой день ранехонько собрался въ обратный путь и, сказавъ принцу, что или я не вразумился или онъ худо объяснился, повторилъ ему тоже увѣреніе объ учебныхъ заведеніяхъ. Приказано писать къ нему объ этомъ въ Москву офиціально. Изъ ревности не по разуму, я даже предсказывалъ отвѣтъ попечителя. «Не всегда же мнѣ быть дурнымъ пророкомъ», сказано мнѣ, и отношеніе послано. Попечитель смиренно обратилъ принца къ министру, а графъ Завадовскій отвѣтилъ посвойски. Рѣшился принцъ оскорбленый войти съ представленіемъ къ Императору. Отвѣтъ былъ короткій, — похвала за доброе намѣреніе, неудобство въ изъятіяхъ изъ общаго правила: повторены мои мысли и тѣми же почти словами. Я названъ фа-

тальнымъ пророкомъ. — Небольшая хитрость отгадать по теченію дѣлъ отвѣтъ на вопросъ; но по Тверскимъ понятіямъ это было въ числѣ совершенныхъ невозможностей безъ тайныхъ интригъ и сношеній.

Отъ всего этого — вѣроятно нашлись, по обычаю въ такихъ случаяхъ, и другія причины — скоро я впалъ въ явную опалу, хотя производство дѣлъ все еще оставалось на моихъ рукахъ; портфели сдѣлались путемъ сообщенія въ оба конца. Не знаю, какъ при большомъ дворѣ, а при миніатюрномъ проходить мытарства опалы весьма не весело. Счастье мое, что, по принятому мною съ перваго шага правилу, ни одна докладная записка не разрѣшена, и ни одна исходящая бумага не была при мнѣ подписана; еще бóльшее счастье, что я могъ не сѣтовать самъ на себя, могъ не упрекать себя тѣмъ, что самъ искалъ себѣ скользкаго мѣста и самъ на себя накликалъ бѣду: —

возвергъ на Господа печаль свою, и ожидалъ, что̀ речетъ о мнѣ.

Въ эту пасмурную для меня погоду всѣ сослуживцы мои и знакомые дворяне постоянно оказывали мнѣ неизмѣнную любовь, о которой и теперь вспоминаю съ признательностью. Изъ военныхъ генералъ Бетанкуръ одинъ обходился со мною съ тою же, какъ и прежде, пріязнію.

Въ исходѣ Мая 1810 года получилъ я списокъ съ высочайшаго указа Сенату объ увольненіи меня отъ службы по прошенію за болѣзнью. Ни объ увольненіи отъ службы я не просилъ, ни боленъ не былъ: — уѣхалъ въ Бѣлокаменную.

Пересмотрѣвъ свои Тверскія записки, я бросилъ ихъ въ огонь, оставивъ изъ нихъ у себя только то, что̀ легче сберечь—нѣсколько благодарныхъ воспоминаній. По замѣткамъ о разныхъ, почти ежедневныхъ, случаяхъ собственно по службѣ, вѣр-

ный долгу, я на томъ мѣстѣ также мыслилъ бы и нынче, тоже и говорилъ бы, но теперь вѣроятно съ бо̀льшимъ искусствомъ, съ лучшимъ умѣньемъ и съ меньшею оглядкою на самаго себя: вижу теперь, какъ сквозь всѣ мои представленія и такъ названныя пророчества пробивалось самолюбивое опасеніе, не назвали бы меня въ столицѣ невѣждою, не сказали бы «ошиблись». Лукаво и живуще самолюбіе.

Оставилъ я въ Твери часть себя, ущербъ въ здоровьи, отъ котораго до сей поры стражду. Послѣднее же мое тамъ пріобрѣтеніе было слѣдующее:—Дней за шесть до отъѣзда въ Москву, рано по утру, въ воскресный день, ходилъ я по рощѣ за городомъ на берегу Волги, усталъ и присѣлъ на скамьѣ. Шелъ крестьянинъ, старикъ, пошатнулся и сѣлъ на той же скамьѣ. «Что, другъ, отъ ранней, аль изъ питейнаго?» спросилъ я. Не отвѣчалъ мнѣ, палкою чертилъ по песку

и самъ съ собою такъ разсуждалъ:— «Былъ у меня дѣдушка, отъ старости согнувшись ходилъ, да уменъ былъ, скопи домокъ, и въ почетѣ у всѣхъ; батюшка уже не то, отсталъ отъ него, все же былъ не безъ разума и дома не раззорилъ; за ними я многогрѣшный; да я что передъ ними? На что я гожъ? Все у меня валится сквозь пальцы; а дѣтки мои? Изъ нихъ и дубиною не выколотишь ничего путнаго: пошли себѣ во всѣ четыре конца». Русскій крестьянинъ, еще и не трезвый, а слово въ слово перевелъ притчу Гораціеву.

V.

Жить въ отставкѣ, у кого еще нѣтъ ни кола, ни двора своего, и кто не знатенъ, не славенъ,—не забавная проза. Бѣда нашей братьѣ съ нашимъ дворянскимъ образованіемъ: на то и дворянинъ, чтобы служить; а вытолкни тебя служба за порогъ, не знаешь, куда дѣваться. Одно прибѣжище—бумага и книги. И то, впрочемъ, правда, что всякое занятіе, всякій трудъ—какой бы ни былъ—знатное въ жизни подспорье и премилый товарищъ; съ нимъ никогда не бываешь одинокимъ; съ нимъ можно вѣкъ прожить и не знать, духъ ли, животное ли—скука. Бумага и отъ меня не мало терпѣла: перевелъ я остальныя части Тос-

ки по отчизнѣ, заманчивую сказку богобоязненнаго Штилинга (*); его же Ѳеобальда, Любопытную Картину Опасныхъ Мечтаній (**); перевелъ и Телемака (***). Хотѣлъ попытаться, не удастся ли въ переводѣ подойти сколько-нибудь къ Фенелону въ первобытной, полной жизни, какъ природа свободной и ясной, какъ зеркало чистой души, простотѣ его въ словѣ, равно плѣнительной, разсказываетъ ли онъ быль стародавнюю, говоритъ ли о любви къ добру за его собственную прелесть или о вѣчной истинѣ небесной—всегда и вездѣ прямо къ сердцу. Гомеръ, вѣроятно, передалъ ему эту тайну неподражаемой простоты въ рѣчи; такъ показалось мнѣ по его переводу Одис-

*) Напечатаны въ Москвѣ въ 1817 и 1818-мъ годахъ.

**) Въ 1819-мъ году.

(***) Въ С. Петербургѣ въ 1839 г. Прежній мой переводъ этой книги два раза былъ изданъ въ Москвѣ въ 1797 и 1814 г.

сеи: здѣсь только я слушалъ въ сладость великаго праотца поэтовъ, хотя читалъ и Латинскій, и Нѣмецкій, и Русскій переводы поэмъ его.

Богатый монументъ Фенелону въ Камбре едва ли спасся отъ разрушенія въ разгарѣ Французской революціи; а скромный и убогій, безцѣнный только по воспоминаніямъ, памятникъ ему неожиданно, весною 1812 г., я нашелъ въ подмосковномъ сельцѣ Савинскомъ И. В. Лопухина, между плакучими березами.

Тамъ же я видѣлъ еще древній роскошный дубъ, подъ тѣнью котораго, по сохранившемуся между Савинскими крестьянами отъ дѣдовъ и отцовъ ихъ преданію, сочинитель столѣтняго календаря Брюсъ, въ старые годы сосѣдъ ихъ, любилъ отдыхать съ книгою въ рукахъ, вчастую тамъ и обѣдалъ, а къ обѣду покупалъ у крестьянокъ ломоть ржанаго хлѣба, да кувшинъ молока.

Въ 1812-мъ году Государь Императоръ, возвращаясь изъ арміи въ С.Петербургъ, нѣсколько дней пробылъ въ Москвѣ. — Дворянству и купечеству приказано собраться въ Слободской дворецъ. Императоръ, въ сопровожденіи главныхъ мѣстныхъ начальниковъ и свиты, прибылъ въ залу къ дворянству и, положивъ руку на столъ, среди глубокаго молчанія, твердымъ голосомъ такъ говорилъ: «Господа, я хотѣлъ самъ объявить вамъ, что государство въ опасности. Непріятель съ большими силами вторгнулся въ наши границы; войска наши сдѣлали и дѣлаютъ все, что̀ возможно. Надежда на Бога. Но нужны усилія пособія. Не сомнѣваюсь я въ вашей любви къ Отечеству». Произнесши эти слова, Государь, сопровождаемый восторженнымъ громомъ обычнаго Русскаго привѣта Царю, пошелъ въ залу къ купечеству. Этотъ моментъ истиннаго, основаннаго на глубокомъ

самоотверженіи, собственнаго величія души, если бы перешелъ въ роды родовъ, не помрачилъ бы ни побѣдныхъ лавровъ, ни сіянія славы въ свѣтлые дни жизни Благословеннаго.

Доблестный мужъ — и не царь — въ упорной борьбѣ съ бѣдою всегда явленіе поучительное: надобно было видѣть Александра Павловича въ эту минуту. Во главѣ праваго дѣла за честь и свободу своего государства, крѣпкій вѣрою въ помощь свыше на начинающаго, оперши сь на твердыню Русскаго духа, непоколебимый въ намѣреніи, готовый на всякій подвигъ и на всякую жертву собою, подъ заревомъ бурной грозы, лицомъ къ лицу съ бѣдою, онъ, спокойный, какъ тихій день, казалось провидѣлъ сквозь тучу торжество праваго дѣла и только что не говорилъ: не вложу я меча въ ножны, пока хотя одна душа непріятельская живая останется на Русской землѣ.

Московское дворянство тотчасъ положило дать изъ крестьянъ своихъ десятаго на службу, что̀ и исполнено въ самый короткій срокъ. Купечество пожертвовало нѣсколько милліоновъ рублей. Выходя изъ дворца, я встрѣтилъ знакомаго Русскаго купца въ потѣ лица. На вопросъ, что̀ у нихъ? «Подписался, отвѣчалъ мнѣ, на 25-т. р.; а у меня, самъ знаешь, нѣтъ и 50-т. р. полныхъ; да тутъ зарыдалъ бы и камень».

По объявленіямъ главнаго тогда въ древней столицѣ начальника гр. Ростопчина, и по отъѣздѣ Императора, и послѣ Смоленскаго дѣла, еще и послѣ битвы Бородинской, Москвѣ нечего было бояться: не посмѣетъ злодѣй, говорилъ онъ, приблизиться къ святынѣ Московской; не то—самъ грозилъ выйти съ дружиною на Поклонную гору, стѣною стать и грудью загородить супостату дорогу къ дому Пресвятой Богородицы. Кто не вѣрилъ словамъ его (которымъ менѣе

всѣхъ вѣрилъ самъ онъ) и выѣзжалъ изъ Москвы съ семьею и скарбомъ: того, труса, онъ провожалъ забавными поговорками, ѣдкими насмѣшками, удачными до того, что вчастую по улицамъ горе ходило объ руку со смѣхомъ. Надобно ли было графу Ростопчину опасаться въ общей тревогѣ возстанія черни, и успѣлъ ли бы онъ, какъ провозглашали, отвести ее отъ того прибаутками, онъ про то зналъ; а по видимому ни у кого не было ничего похожаго на то и въ помышленіи: скорѣе можно бы было ожидать отъ черни своевольства отъ подстреканій тѣми же колкими шутками, если бы здравый смыслъ народный не сознавалъ и не уважалъ общаго бѣдствія. Какъ бы то ни было, не случись подъ рукой на ту пору Верещагинъ, графу Ѳедору Васильевичу, по разсказамъ, едва не пришлось бы изъ огня въ полымя. О молодомъ Верещегинѣ, купеческомъ сынѣ, странная молва была

пущена въ обращеніе за найденный у него переводъ какой-то Французской прокламаціи; содержался онъ въ тюрьмѣ, какъ нарушитель общественнаго спокойствія. Когда роковая вѣсть объ отступленіи нашихъ войскъ и сдачѣ Москвы, ночью наканунѣ сдачи, прошла съ быстротою молніи отъ края до края столицы: то народъ, обезпамятѣвъ, съ ранней зари, сталъ собираться на площадяхъ и на улицахъ, не зная, что̀ дѣлать—бѣжать ли къ дружинѣ на Поклонную гору, или дожидаться приказа. Какъ же слетали, да свѣдали, что на Поклонной горѣ ни души не было и не бывало, то бросились опрометью на Лубянку, на дворъ къ Ростопчину. Очевидецъ, остававшійся въ Москвѣ во все утро того дня, человѣкъ пожилой и во лжи не замѣченный, разсказывалъ мнѣ на другой день въ Коломнѣ, что дворъ гр. Ростопчина биткомъ былъ набитъ съ ранняго утра; въ толпѣ стоялъ и онъ, очевидецъ. Показалось

ему, что сбѣжались одни еще узнать, впрямь ли сдавали Москву Французамъ, другіе—попросить графа Ѳедора Васильевича словомъ и дѣломъ не покидать ихъ, а какъ потѣшалъ ихъ, такъ подѣлить съ ними и горе. Въ началѣ 11-го часа полицейская команда съ арестантомъ вошла съ Лубянки на дворъ и съ трудомъ сквозь толпу прорѣзалась къ дому. Вышелъ на крыльцо гр. Ростопчинъ съ гнѣвнымъ лицомъ. «Друзья мои, говорилъ онъ громкимъ голосомъ, темная измѣна! Вотъ кто (указалъ на арестанта) зазвалъ къ намъ Французовъ, измѣнникъ, шпіонъ отъ Бонапарта; возьмите его себѣ!» И тутъ же ударили его саблею по головѣ. Это былъ молодой Верещагинъ. Народъ бросился на него съ яростію: не стало его; потащили бездыханный трупъ на Лубянку; толпа за нимъ, а Ростопчинъ въ другіе ворота и на коня; въ 2 часа по полудни я видѣлъ его въ Люберцахъ, куда ожидали главнокомандовавшаго арміею.

Уѣхалъ я изъ Москвы въ 10-мъ часу утра того самаго дня, въ который непріятель вошелъ въ Москву передъ вечеромъ; со дня на день, съ часу на часъ отлагалъ отъѣздъ за болѣзнію тестя. Этотъ и передъ нимъ три—были подлинно страшные дни: не вспомнилъ бы объ нихъ и съ мѣдною грудью, безъ ужаса и трепета.

Съ той поры я переселялся изъ мѣста въ мѣсто, изъ губерніи въ губернію, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню. И деревенская жизнь не совсѣмъ безполезна: чего не увидишь и чего не услышишь отъ православныхъ, подъ открытымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ, гдѣ все на яву, что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ, и всякая вещь, и всякое дѣло называются своимъ именемъ, и весь разумъ и вся душа на распашку! И что̀ сказать о непоколебимой неизмѣняемости Русской жизни? Живетъ себѣ православный народъ, какъ жилъ за нѣсколько вѣковъ передъ

симъ, наперекоръ преобразованію и нарядному просвѣщенію, — ниже всѣхъ умственныхъ и чувственныхъ силъ цивилизаціи, но за то безмѣрно выше непреложныхъ и разрушительныхъ законовъ-нуждъ той же цивилизаціи. Подумаешь, что у всѣхъ одно лишь въ памяти: не имамы пребывающаго града.

Черезъ два года я воротился на Московское пепелище; затѣмъ былъ въ Петербургѣ; въ эту же поѣздку, какъ выше сказалъ, и въ Великопольѣ. Въ столицѣ, чтобы оправдать довѣріе тестя по дѣламъ его, я сколько ни метался, а долженъ былъ принять на себя смиренный зракъ просителя и не одинъ мѣсяцъ переходилъ отъ одного мытарства тяжбы къ другому. Съ того времени крѣпко врѣзалось у меня въ памяти: miser sum, miseriis succurrere disco.

Слòва еще никому въ Петербургѣ я не молвилъ о свиданіи съ Сперанскимъ; а когда пришелъ на другой

день по пріѣздѣ къ гр. Кочубею, то онъ встрѣтилъ меня не вопросомъ, а извѣстіемъ, что я заѣзжалъ къ Михаилу Михаиловичу. Удивленный такою быстротою сообщеній, рѣшился я приставить къ устамъ своимъ дверь огражденія. Графъ Викторъ Павловичъ въ Сперанскомъ не обрѣталъ вины. По словамъ его, Императоръ до того времени говорилъ ему объ немъ только однажды, спустя мѣсяцъ послѣ происшествія, по поводу секретныхъ дипломатическихъ нотъ, которыхъ никто не имѣлъ ни приказанія, ни дозволенія повѣрять ему, и которыя, не смотря на то, найдены у него между бумагами. Затѣмъ большая часть изъ бельэтажныхъ усердно желали ему здравія же и спасенія и во всемъ благаго поспѣшенія, не выходилъ бы онъ только за грань своего Великополья.

Гр. Викторъ Павловичъ при этомъ разсказывалъ мнѣ, что при первомъ, по высылкѣ Сперанскаго, свиданіи

его съ принцомъ Ольденбургскимъ, этотъ былъ внѣ себя отъ радости, что Императоръ наконецъ рѣшился прогнать отъ себя злодѣя, шпіона, и что онъ принцъ, съ своимъ такимъ же шпіономъ Лубяновскимъ, тотчасъ разстался.

Нашелъ я въ столицѣ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ, и не могъ довольно ни нарадоваться, ни надивиться, какъ все у нихъ шло по добру по здорову. Давно-ли, лѣтъ шесть или семь передъ тѣмъ, я одинъ изъ всѣхъ ихъ за нѣсколько сотенъ своего путешествія по Саксоніи, Австріи и Италіи завелся холостымъ, скромнымъ хозяйствомъ? Незлобно всѣ они завидовали мнѣ, и вчастую не тотъ-другой изъ нихъ дѣлили со мною мои три блюда и бутылку медоку. Иной изъ нихъ женился; жена принесла ему всего на все только себя; другой сталъ на ступень выше; все же и тотъ жилъ однимъ жалованьемъ, гораздо не туч-

нымъ; а всѣ кроили изъ полнаго и совсѣмъ затмѣвали меня. Спроси, говорили мнѣ, какъ живутъ въ Парижѣ порядочные люди. Непонятны были для меня способы къ такой изысканности и роскоши.

Въ эту же поѣздку неожиданно я открылъ важную тайну—предательскій умыселъ, да еще такой, что самъ же я былъ въ немъ сообщникомъ. По дружбѣ управлявшаго секретною канцеляріею министерства полиціи М. Н. Б., я читалъ подлинное отношеніе графа Ростопчина къ министру не за долго до занятія Москвы Французами; это же самое рукописаніе видѣлъ я потомъ у Михайловскаго-Данилевскаго между находившимися у него временно матеріалами для исторіи. Прозорливый графъ Ростопчинъ въ число немногихъ, которые, по его недремленнымъ наблюденіямъ, готовы были руками отдать Москву Бонапарту, благоволилъ помѣстить и отставнаго д. с.

с. Лубяновскаго: нашелъ же таковскихъ! Между этими избранными былъ почтъ-директоръ Ключаревъ, съ которымъ, писалъ, онъ уже управился, а о прочихъ ожидалъ повелѣнія. Счастье, что наши имена не совсѣмъ были чужды для слуха Благословеннаго. Никогда я не могъ, и теперь не могу, постигнуть этой напасти. Графъ зналъ меня въ лицо, но я никогда не имѣлъ чести быть съ нимъ въ какомъ либо сношеніи, и стоялъ онъ слишкомъ высоко отъ меня. За что такой гнѣвъ,—не придумаю. Добрый другъ мой Б. говорилъ мнѣ, что самъ министръ полиціи читалъ въ свое время эту бумагу его не безъ изумленія. Упокой, Господи, душу раба твоего графа Ѳеодора! Три раза въ моей жизни гроза этого рода собиралась надъ моею головою; но каждый разъ, какъ и здѣсь, я узнавалъ о томъ тогда, когда, по милости Божіей, молитвами праведныхъ моихъ родителей, грозы не было уже и въ поминѣ.

Прочитавъ рукописаніе графа Өеодора Васильевича, я въ тотъ же день поспѣшилъ поклониться его сіятельству,—и не ошибся въ расчетѣ: встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, съ благодарностью за воспоминаніе, съ увѣреніемъ въ давнишнемъ, пріятельскомъ ко мнѣ расположеніи; чего не насказалъ мнѣ! Нескоро нашелся бы ровесникъ ему въ изящномъ художествѣ подбивать, по Русской поговоркѣ, слова бархатныя атласомъ. Для перемѣны я вспомнилъ о Московскомъ пожарѣ, какъ о славномъ для него памятникѣ: руками и ногами отбивался отъ этой славы. Дѣйствительно она могла бы отлиться на него лишь потому, что онъ велѣлъ вывезти изъ Москвы всѣ пожарныя трубы. Пожаръ начался съ обжорнаго и москательнаго рядовъ, гдѣ голодный народъ и выпущенные изъ тюрьмы преступники ночью съ огнемъ шарили въ лавкахъ, наполненныхъ съѣстными припасами, масломъ, скопи-

даромъ и проч. Тогдашнее, въ 1815 году положенiе Ростопчина, да и Балашова, въ столицѣ было весьма незавидное.

Много любопытнаго и новаго для меня я слышалъ объ нихъ отъ Сперанскаго при свиданiи съ нимъ, на обратномъ пути.

VI.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ въ 1818 г. Императоръ такъ былъ милостивъ и снисходителенъ, что всѣмъ дворянамъ отъ 1-го до 14-го класса предоставилъ счастіе представляться Его Величеству. Въ одно изъ этихъ представленій и я записался. Было насъ въ этотъ день болѣе 400 человѣкъ. Оберъ-гофмаршалъ по списку называлъ каждаго чинъ и фамилію. Какъ мимо многихъ, такъ и мимо меня, Государь прошелъ со взглядомъ благоволенія; отъ третьяго или четвертаго за мною изволилъ обратить взоръ и поглядѣть на меня. Въ тотъ же день вечеромъ я получилъ отъ покойнаго князя А. Н. Голицына записку, повидался бы съ нимъ на дру-

гой день. Государь приказалъ ему спросить меня, зачѣмъ я не въ службѣ. Спустя нѣсколько времени, онъ же объявилъ мнѣ высочайшее повелѣніе сказать, куда желаю. Отвѣтъ мой былъ безусловная преданность. Дворъ между тѣмъ возвратился въ С. Петербургъ. Я считалъ себя въ числѣ забытыхъ; но въ первыхъ числахъ Апрѣля 1819 г. получилъ указъ о назначеніи меня Пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

За разлитіемъ рѣкъ я нашелъ еще въ Пензѣ предмѣстника моего М. М. Сперанскаго и читалъ у него преисполненный милости высочайшій собственноручный къ нему .рескриптъ, изъ котораго, однакоже, надобно было заключить, что обстоятельства, которыя въ 1812-мъ г. выслали его изъ столицы, въ 1819 г. не дозволяли еще ему возвратиться туда инымъ путемъ, какъ чрезъ Иркутскъ.

*

Не легко быть губернаторомъ послѣ Сперанскаго; самъ онъ зналъ это лучше всѣхъ и, любя меня, прощаясь, говорилъ и съ дороги писалъ мнѣ не брать его въ примѣръ. Неудобство безусловнаго послѣдованія само собою, впрочемъ, представилось мнѣ съ перваго шага.

Скоро по пріѣздѣ въ Пензу получилъ я письмо отъ осьмидесятилѣтняго старца, отца моего: «Первое письмо пишу къ тебѣ, сынъ мой, на новомъ твоемъ переселеніи въ Пензу. Начинаю изліяніемъ недостойныхъ моихъ моленій предъ Спасителемъ нашимъ Господомъ Богомъ Іисусомъ Христомъ, да просвѣтитъ, вразумитъ и наставитъ тебя проходить въ преподобіи и правдѣ званіе, въ которое божественный Промыслъ призвалъ тебя гласомъ Своего Помазанника. Слава Божія и польза ближняго да будутъ первою и послѣднею цѣлью трудовъ твоихъ. Такъ благоугодишь небесному и земному Царю и пребу-

дешь непороченъ. Поручаю тебя вожденію всемилостиваго Провидѣнія Божія, которое, невидимое, видимо есть на насъ грѣшныхъ, и очима видимъ его и руками осязаемъ». Вкратцѣ полный наказъ губернаторскій.

Этотъ постъ имѣетъ трудныя, немаловажныя, поучительныя стороны многія, а пріятную одну: не безъ пользы можно слушать здѣсь, что̀ говорятъ о себѣ нужды людскія, по мѣстамъ съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами. Здѣсь же можно право судить, какъ нужно и какъ уже благовременно не просвѣщеніе, а простое, здравое вразумленіе народа, о которомъ не мало и высказано, и написано, но для котораго до сей поры въ шутку подумаешь, посылаются въ народныя училища молодые франты съ кличкою учителей Русской словесности. Здѣсь же можно вблизи явственно видѣть, что̀ для массы и поколѣнія, съ которымъ суждено жить, по силамъ, не столько еще физиче-

скимъ, сколько умственнымъ, quid ferre recusent, quid valeant humeri, удобно, возможно, потому и общеполезно; здѣсь же порядочный человѣкъ-губернаторъ можетъ дня не провести безъ того, чтобы не сдѣлать, вообще мелочнаго, все же добра. Затѣмъ эта должность есть безпрерывная борьба прежде всего съ самимъ собою, а потомъ съ нуждами и неумолимыми страстями людскими.

Въ 1824 году Императоръ изволилъ быть въ Пензѣ для смотра 2-го корпуса войскъ; прибылъ 30-го Августа на закатѣ солнца. Я старался безъ всякихъ затѣй и роскоши, просто и прочно, лишь бы не бѣдно и не безобразно, сдѣлать все, что̀ могъ и умѣлъ, въ городѣ и по дорогѣ. Архіерей оканчивалъ свое привѣтствіе, какъ уже смерклось; зажжена иллюминація и, къ счастью, удачно: видна была вся изъ оконъ Государевой квартиры не только въ городѣ, но, по возвышенному мѣстоположенію дома, и вдали за рѣ-

кою, гдѣ лагерь трехъ полковъ также былъ весь въ огнѣ. Принявъ рапортъ о состояніи губерніи, «давно не видѣлись, изволилъ сказать мнѣ Императоръ, кажется, со времени принца Ольденбургскаго; кто старое помянетъ, тому, по пословицѣ, глазъ вонъ». И, пожавъ мнѣ руку, приказалъ идти за собою. «Околдовала меня, продолжалъ, эта губернія: мѣста одно другаго пріятнѣе; не воображалъ я, чтобы она была такъ хороша; изъ всѣхъ губерній, гдѣ я былъ, развѣ одна, можетъ быть, нѣсколько лучше, Подольская. И какое изобиліе хлѣба въ каждомъ селеніи! Вездѣ и народъ, показалось мнѣ, доволенъ и веселъ. Дороги и мосты не затѣйливо, просто да прекрасно устроены. Я осматривалъ мостъ на границѣ Нижеломовскаго уѣзда; ходилъ и по дорожнымъ аллеямъ: деревья молодыя, а ни одного не удалось мнѣ вырвать съ корнемъ». Изволилъ потомъ съ особеннымъ благоволеніемъ и похвалою смо-

трѣть на иллюминацію; спросилъ меня: гдѣ же самъ я? и на отвѣтъ мой, что осмѣлился остаться подъ одною кровлею съ Его Величествомъ, сказалъ: «и за это спасибо». Не умѣлъ я иначе изъявить благодарности за столь милостивые отзывы, какъ только желаніемъ, чтобы Его Величество во все время пребыванія въ Пензѣ не имѣлъ ни одной непріятной минуты. «Будь по твоему», сказалъ мнѣ на это Императоръ и вышелъ къ генераламъ.

Шесть дней Государь пробылъ въ Пензѣ, шесть дней радостныхъ для губерніи, счастливыхъ и въ моей жизни. Погода, какъ будто согласясь съ общимъ нашимъ желаніемъ, отмѣнно намъ благопріятствовала и ни на часъ во все это время не измѣнялась: въ Сентябрѣ такъ было тепло, тихо и ясно, что обѣдъ, который Государь принялъ отъ корпуса, данъ былъ за городомъ въ полѣ подъ наметомъ, на скатѣ горы, откуда открывался прелестный видъ на живописныя окрестности.

Дворянство удостоилось дать балъ Его Величеству. Съ своими, съ военными и съ прiѣзжими изъ Саратовской, Нижегородской и Тамбовской губернiй, собранiе было многочисленное. Генералъ-адъютанты увѣряли, что не помнили, когда и гдѣ бы Государь такъ долго оставался на балѣ и когда бы онъ былъ такъ доволенъ, снисходителенъ, привѣтливъ и веселъ. Дѣйствительно, было отъ чего всѣмъ быть въ восторгѣ.

Каждый день Государь отправлялся къ войскамъ въ шесть часовъ утра и возвращался во второмъ часу полудни; въ промежутокъ до обѣда осматривалъ городъ, тюремный замокъ, заведенiя приказа общественнаго призрѣнiя, и при этомъ изволилъ распрашивать меня о нравственности въ народѣ, объ успѣхѣ въ теченiи судебныхъ дѣлъ, о состоянiи земледѣлiя, промышленности, торговли въ губернiи и о способахъ, какъ бы впередъ все то подвинуть.

Маневры шли превосходно; но четвертый, по запечатаннымъ пакетамъ безъ даннаго плана, былъ блистателенъ, и когда Государь, возвратясь, изволилъ говорить мнѣ о точности и быстротѣ исполненія по приказамъ до полученія совсѣмъ неизвѣстнымъ, а я притомъ сказалъ о внезапномъ, но стройномъ движеніи дивизіи Сипягина съ высотъ на долину, то Его Величество былъ очень доволенъ, что и я замѣтилъ эту искусную эволюцію. По столь милостивому ко мнѣ снисхожденію, судя по лицу объ усталости, тутъ я осмѣлился сказать, что Имперія должна сѣтовать на Его Величество. — «За что?» — «Не изволите беречь себя». — «Хочешь сказать, что я усталъ? Нельзя смотрѣть на войска наши безъ удовольствія: люди добрые, вѣрные и отлично образованны; не мало и славы мы ими добыли. Славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но когда

подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря. Отъ этого устаю». Глубоко врѣзались эти слова въ моей памяти: такія рѣчи не забываются; но можно ли безъ слезъ слышать ихъ изъ устъ мудраго, побѣдоноснаго, великодушнаго, благонамѣреннѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ вѣнценосцевъ?

Наканунѣ отъѣзда Государю угодно было послѣ маневровъ проститься (такъ выразился) съ женою и дѣтьми моими. Затѣмъ Его Величество непрерывно былъ занятъ до поздней ночи. Я вышелъ отъ него въ полночь, вице-канцлеръ еще дожидался съ бумагами. «Подано множество просьбъ, сказалъ мнѣ Государь, но на тебя ни одной; всѣ о землѣ, да объ кантонистахъ.» И затѣмъ разговоръ со мною, исполненный благоволенія, заключилъ слѣдующими словами: «Я помню, ты желалъ мнѣ съ пріѣзда,

чтобы я не имѣлъ здѣсь ни одной непріятной минуты. Не только я не имѣлъ никакой непріятности, но и не помню, когда бы я сряду шесть дней былъ такъ доволенъ и веселъ, такъ здоровъ, какъ у тебя». Всемилостивѣйшее царское слово сопровождалось многими наградами. Самъ изволилъ спросить меня, не хочу ли кого наградить изъ служащихъ? Готовый у меня на всякій случай списокъ съ предполженіемъ, что̀ кому, я тутъ же представилъ: то всѣмъ и пожаловано. Мнѣ присланъ Владимірскій 2-й степени крестъ.

Въ больницѣ тюремнаго замка оставалась, до совершеннаго выздоровленія женщина, Мордовка, наказанная за умерщвленіе мужа. Государь выходилъ уже изъ больницы, какъ она вскрикнула: «Ваше Величество! Судья взялъ съ меня пятьсотъ рублей». Воротясь къ ней, онъ долго распрашивалъ ее и потомъ приказалъ мнѣ представить записку о дѣлѣ; отдавая

мнѣ ее на другой день, сказалъ, что онъ не совсѣмъ убѣжденъ въ виновности этой женщины; велѣлъ мнѣ самому все переслѣдовать и объ результатѣ прислать донесеніе въ собственныя руки Его Величества. «Ничего не опасайся, присовокупилъ, мы не ангелы: можемъ ошибаться». Сколько я ни старался найти какой-нибудь недостатокъ по производству дѣла и самаго себя обвинить въ недосмотрѣ, —ничего не нашелъ; такъ и донесъ, испрашивая милосердія преступницѣ: отдать ее въ монастырь на покаяніе, а если и сослать, то не въ каторгу, а на поселеніе. Мѣсяца черезъ два получаю высочайшее повелѣніе прислать все дѣло, потомъ и Мордовку, къ гр. А. А. Аракчееву. Затѣмъ она и съ дѣломъ какъ будто безъ вѣсти пропала. Не прежде 1827 года полученъ указъ изъ Сената, изъ котораго я увидѣлъ, что и дѣло, и Мордовка были отосланы въ аудиторіатъ военныхъ поселеній, который,

давъ во всемъ вѣру Мордовкѣ, даже и въ томъ, будто я предлагалъ ей отъ себя пятьсотъ же рублей за отмѣну показанія о судьѣ, нещадно каралъ всѣхъ отъ земскаго исправника до губернатора Пензенскаго. Дѣло разсматривалось затѣмъ въ комитетѣ министровъ, и въ память покойнаго Императора высочайше повелѣно отдать преступницу на покаяніе по жизнь въ монастырь, гдѣ она, неизвѣстно какими судьбами, плодотворила.

Съ перваго до послѣдняго дня житья своего въ Пензѣ я велъ себя и по службѣ и по образу жизни всегда одинаково, а по нѣкоторымъ успѣхамъ въ управленіи, по нѣкоторому вниманію ко моимъ представленіямъ, по виду довѣрія ко мнѣ большинства во всѣхъ сословіяхъ, считалъ себя не изъ дюжинныхъ. Неожиданно, въ концѣ 1827 года получаю указъ о высочайшемъ назначеніи сенатора для обревизованія Пензенской губерніи. Ревизія—губернія будь вся населе-

на Демьянами-безсребренниками — съ перваго слова, такъ уже принято, есть огласка сомнѣнія не столько еще въ способности, сколько въ добросовѣстности и честности начальника губерніи и его собратій, служащихъ; дала она потому крѣпкаго щелчка моему самолюбію: не полагалъ я даже, чтобы оно было во мнѣ еще такъ живуче.

Ревизоръ сохранялъ все приличіе въ обхожденіи со мною; другіе смотрѣли на меня, какъ обыкновенно смотрятъ на опальнаго, пока рѣшится вопросъ, быть ему или не быть. Я же, зная всенощное бдѣніе въ розыскахъ, ночные обыски въ домахъ разныхъ чиновниковъ, неутомимость, съ которою посланные шарили во всѣхъ углахъ по городамъ и селеніямъ; видя болѣе ста человѣкъ, добрыхъ и бѣдныхъ людей, отрѣшенныхъ, удаленныхъ отъ должностей и преданнымъ уголовному суду; слыша ихъ вопль и рыданіе — не по-

нималъ, отчего такая нещадная погоня за злодѣями и чего доискивались. Передъ отъѣздомъ уже только, ревизоръ показалъ мнѣ, надъ чѣмъ суждено было ему потрудиться. Былъ это доносъ на меня отъ нѣкоего изъ воиновъ, который сплели ему человѣка три-четыре недовольныхъ не только мною, но и собою, и никѣмъ и ничѣмъ, и который тотъ принялъ съ полною вѣрою, повѣривъ имъ прежде всего въ томъ, что, съ пріѣзда его къ рекрутскому набору, въ Пензѣ все вдругъ переродилось. Памятны мнѣ нѣкоторые пункты доноса: «Наклонность къ злоупотребленіямъ разительно развилась въ губернаторѣ Л. послѣ высочайшаго пребыванія покойнаго Императора въ Пензѣ; другой воспламенился бы новою ревностію, а Лубяновскій началъ грабить; городъ Пенза плохо освѣщенъ, оттого ночи не проходитъ безъ грабежа, и все, такимъ образомъ добытое, сносится передъ разсвѣтомъ въ

домъ къ губернатору для дѣлежа; на базарахъ допущены азартныя игры, фортунка, юла, которыя губернаторъ отдаетъ на откупъ и деньги себѣ беретъ." Во всѣхъ прочихъ пунктахъ не высшая поэзія. Есть наглости, которыми странно было бы оскорбляться; но эта показалась мнѣ до того гнусною, что я не вытерпѣлъ и, по отъѣздѣ ревизора, написалъ всеподданнѣйшее письмо Императору въ собственныя руки: ни о чемъ не просилъ и не оправдывался; писалъ только, что «эту смѣлость внушило мнѣ свойственное вѣрному подданному желаніе сохранить о себѣ доброе монаршее мнѣніе; что въ совѣсти своей ничего я не находилъ, что̀ заставляло бы меня блѣднѣть отъ обвиненій; болѣе десяти лѣтъ я считалъ себя и дѣйствительно былъ первымъ слугою губерніи; добро и порядокъ были единственною моею цѣлью; но я служилъ и трудился, какъ сынъ въ домѣ отца, и ниже мысль о мздѣ

лихоимной и платѣ наемничей не обращалась во мнѣ ни на мгновеніе». Покойный Н. М. Лонгиновъ извѣщалъ меня, что письмо это представлено по назначенію. Въ отвѣтъ ни отъ кого не получилъ я ни слова; а гр. В. П. Кочубей говорилъ мнѣ, что ему два раза приказано было донесенія ревизора на мой счетъ разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ со всѣмъ безпристрастіемъ и строгостью. Ни въ чемъ я не найденъ подлежащимъ отвѣтственности. Длинный объ этомъ журналъ возвращенъ въ Комитетъ съ надписью: «согласенъ». Между тѣмъ простылъ и слѣдъ ревизіи. Тогда только я узналъ, до какой мѣры я весь покрытъ былъ черными и безобразными пятнами. Благословите клянущія вы!

Скоро затѣмъ разразилась надъ Пензою другая гроза, холера. Отъ страха всѣ обезпамятѣли; сердце у меня было также не на мѣстѣ, пока я не убѣдился въ больницахъ, что холера не

чума, не прилипчива, не терпитъ отлагательства, требуетъ воздержанія, осторожности, но не карантиновъ и не оцѣпленій. Жертвъ было не мало; но по милосердію Божію, эпидемія въ Пензѣ была не надолго. Министръ внутреннихъ дѣлъ, посланный въ низовыя губерніи по случаю этого бѣдствія, пріѣхалъ въ Пензу къ благодарственному молебствію за прекращеніе холеры и одобрилъ всѣ мои распоряженія. Дней за десять передъ нимъ нѣкто изъ воиновъ и въѣхалъ въ неоцѣпленную, и выѣхалъ изъ неоцѣпленной же Пензы въ Сентябрѣ 1830 г.

Въ Октябрѣ 1830 г. послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату объ увольненіи меня отъ службы съ причисленіемъ къ герольдіи. Нашелъ онъ меня въ минуту какой-то мертвенности, вѣроятно и потому, что это была уже третья, обычная моя отставка отъ службы безъ просьбы и по причинамъ, совсѣмъ мнѣ неизвѣстнымъ. Въ тотъ же день я сдалъ должность со всѣмъ,

что́ было на рукахъ моихъ, и преспокойно ночевалъ уже въ наемномъ домѣ. На вопросъ министра внутреннихъ дѣлъ изъ Саратова или изъ Казани, не зналъ ли я, за что̀ отставленъ, отвѣчалъ ему невѣдѣніемъ. Наказанъ я, однакоже, здѣсь по дѣломъ, хотя по другой службѣ. Не помню, когда бы я по виду такъ мало думалъ о себѣ, такъ забывалъ себя, какъ во время холеры въ Пензѣ; но все это дѣлалъ не съ простымъ окомъ, а съ тайною примѣсью самолюбія: хотѣлъ выказаться послѣ ревизіи, и посчастливилось!

Въ Февралѣ 1831 г. данъ Сенату высочайшій указъ о назначеніи меня Подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Закревскій писалъ мнѣ, что недоброжелатели мои успѣли навлечь на меня тучу непріятностей, и что онъ не хотѣлъ упустить первой удобной минуты, чтобы представить обо мнѣ Императору, потому самому

и безъ предварительнаго со мною сношенія. Честь и слава почтенному графу Арсенію Андреевичу Закревскому за твердость его въ любви къ правдѣ, не въ одномъ подобномъ случаѣ.

Чего бы еще и хотѣть мнѣ, безъ другихъ тогда у меня житейскихъ печалей? — Къ тому же министръ не скрылъ отъ меня въ письмѣ своемъ, что надобно было мнѣ заставить разумѣть о себѣ лучше, нежели какъ то было дотолѣ, по дѣйствію моихъ недоброжелателей. Надобно мнѣ было потому съ головы начинать, не безъ опыта какъ тяжело переработывать эти вещи.

Не участвовавъ въ этомъ назначеніи ни желаніемъ, ни помышленіемъ, я отдалъ себя Спасителю и, одинъ безъ семьи, уѣхалъ изъ Пензы. Харькова я не узналъ: такъ обстроился, обзавелся и расширился; отыскалъ, однакоже домы или мѣста, гдѣ были домы, въ которыхъ прошелъ мой отроческій возрастъ, и онъ представился мнѣ, какъ

на ладонѣ. Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни!

Въ Полтавѣ встрѣтила меня добрая сестра моя и сорокалѣтній другъ мой князь Репнинъ, тогда Малороссійскій военный губернаторъ. По пути поклонился я праху блаженныхъ своихъ родителей, молитвами которыхъ Богъ до сего времени щадилъ меня. Не безъ удовольствія, но и не безъ слезъ, я завидѣлъ съ Млинянской горы домъ, гдѣ родился, и церковь, построенную моими родителями и обсаженную собственноручно отцомъ моимъ отборнѣйшими изъ своихъ лѣсовъ деревьями, удачно и роскошно разросшимися. Смотрю мѣстоположеніе: все также прелестно, и Ворскла по прежнему тихо струилась, и по рукавамъ ея луга разстилались по прежнему зелеными коврами, и вѣковые дубы въ садахъ и рощахъ не только не обветшали, но будто еще помолодѣли, вся природа въ прежней красѣ; у людей только все уже не постаросвѣтски. Куда дѣва-

лось все то довольство, въ которомъ еще на моей памяти Малороссійскіе казаки и крестьяне живали въ хуторахъ, въ селахъ и слободахъ, не зная нужды, беззаботно и весело, въ тѣни роскошныхъ садовъ?

Завидѣвъ Кіевъ, я, какъ ребенокъ, обрадовался, узнавъ церковь Святаго Андрея Первозваннаго. Мальчикомъ еще я былъ въ Кіевѣ съ отцемъ и матерью, и изъ всѣхъ тамошнихъ святынь одна эта церковь врѣзалась у меня въ памяти; я видывалъ ее даже во снѣ, и тутъ былъ доволенъ, что зеркало моей памяти не совсѣмъ заиндивѣло. Поклонившись св. Божіимъ угодникамъ Кіевскимъ, изъ разговора при свиданіи съ предержащими властями я долженъ былъ заключить, что пріѣду въ Каменецъ не на радость.

Пріѣхалъ туда въ Апрѣлѣ на страстной недѣлѣ, за два дня до свѣтлаго праздника; нашелъ въ этомъ городкѣ необыкновенно большое стеченіе людей всякаго рода съ явнымъ на ли-

цахъ безпокойствомъ какого-то ожиданія; плохо потому вѣрилъ обычному благовѣстію, что въ губернскомъ городѣ и во всей губерніи обстояло благополучно, а выходя изъ дому въ субботу въ полночь къ заутренѣ, получилъ донесеніе, что мятежники въ южныхъ уѣздахъ подняли Польское знамя и, съ оружіемъ въ рукахъ, ватагами двинулись къ сборнымъ мѣстамъ, разграбили почтовыя станціи, пресѣкли сообщеніе съ губернскимъ городомъ. Нельзя было безъ негодованія, вмѣстѣ и безъ соболѣзнованія, смотрѣть на этотъ угаръ и круженіе отъ предательскаго умысла и преступнаго легковѣрія.

При этой кровавой вспышкѣ безразсудныхъ мечтаній, пока войска пришли изъ Бессарабіи, надобно было тотчасъ приступить къ исполненію требованій фельдмаршала графа Дибича, собрать съ губерніи до 80 т. четвертей провіанта и фуража, 10 т. быковъ, обратить муку въ сухари,

взять изъ Хотинскаго запаса лекарствъ на 200 т. человѣкъ, и все это выслать въ назначенныя мѣста къ 1-му Іюня. «Иначе, писалъ фельдмаршалъ, войска съ того числа останутся безъ продовольствія, и Подольскій губернаторъ головою будетъ тогда отвѣчать за голодъ и всѣ отъ того послѣдствія въ арміи». Оставалось до срока не болѣе шести недѣль: каждый часъ былъ дорогъ, и много было труда и заботы, но за то не безъ успѣха. Съ помощію Божію къ 1-му Іюля, мѣсяцемъ позже, все было на мѣстѣ. Пособило мнѣ то, что ни я никого, ни меня никто еще не зналъ въ губерніи; я знать, а мнѣ никто показать не хотѣлъ, что̀ у кого было на сердцѣ.

Злоумышленники, собравъ и вооруживъ нѣсколько тысячъ бездомной шляхты и слугъ, подняли стягъ съ бѣлымъ орломъ, присягнули ойчизнѣ, ветхаго, немощнаго Колыску (товарища Костюшки) провозгласили вое-

водою посполитаго рушенья и отъ Ольгополя двинулись обогнуть всю губернію, дать время сообщникамъ примкнуть къ нимъ изъ разныхъ мѣстъ на пути, цѣлымъ корпусомъ пробраться черезъ Галицію въ царство и съ тамошними стать за-одно. Войска изъ Бессарабіи догнали эти толпы на рубежѣ Кіевской губерніи; были жаркія сшибки подъ Дашевымъ, подъ Тавровымъ, подъ Майданомъ-Закревскимъ; здѣсь они разбиты на голову, разсыпались, а сотъ шесть или семь спаслись бѣгствомъ: прорвались въ Австрійскія владѣнія.

Съ паденіемъ Варшавы безразсудная надежда замерла и въ Подольской губерніи, обратилась въ плачъ и вопль отчаянія: отцы и матери не находили дѣтей, жены — мужей, сестры—братьевъ. Надобно было прежде всего прекратить томленіе неизвѣстности; во всѣхъ западныхъ губерніяхъ для разбора, кто правъ, кто виноватъ, учреждены были комиссіи

подъ предсѣдательствомъ военныхъ генераловъ; въ Подольской коммиссіи велѣно мнѣ быть предсѣдателемъ. По положенію края, больнаго столько же отъ ложныхъ мечтаній, сколько отъ недостатка любви и довѣрія, никогда я такъ не боялся, какъ здѣсь, не доступить шага, или ступить лишній шагъ. Не говоря объ отъявленныхъ зачинщикахъ бунта, за которыхъ (по отсутствію иныхъ изъ нихъ до того еще изъ края, по бѣгству другихъ за границу съ мѣста послѣдней сшибки съ войсками), отвѣчало не лицо, а имѣніе; не одна тысяча розысковъ произведена о сообщникахъ-дворянахъ. Участь немногихъ могла разрѣшиться по изданнымъ правиламъ; затѣмъ о каждомъ съ мнѣніемъ коммиссіи испрашивались разрѣшенія. Не помню представленія отвергнутаго, а во всѣхъ высочайшихъ разрѣшеніяхъ дышало: милости хощу, а не жертвы. Всѣ до единаго розыски и слѣдствія при мнѣ еще рѣшительно окончены, такъ что,

оставляя губернію 8 Ноября 1833 г., невступно черезъ три года, я могъ сказать въ завѣщаніе: «иди и впредь не согрѣшай, и не буди невѣренъ, но вѣренъ». — Впослѣдствіи, всеподданнѣйше благодаря за сенаторство, удостоился я слышать изъ устъ Государя Императора, что Его Величество былъ «доволенъ, очень доволенъ моимъ управленіемъ Подольскою губерніею».

По климату не много у насъ такихъ прекрасныхъ губерній: столиственная роза въ садахъ тамъ красуется въ цвѣту до зимняго Николы; весенній посѣвъ на поляхъ нерѣдко начинается въ концѣ Февраля; виноградъ, другіе нѣжные плоды созрѣваютъ на воздухѣ; земля, не такъ какъ люди, — не умѣетъ быть неблагодарною; въ лѣсахъ, вездѣ бережеными, букъ, липа, грабъ, дубъ, ясень, кленъ; въ паркахъ тѣнистыя деревья, каштановыя, орѣховыя и исполинскіе пирамидальные тополи. Надобно было отправить поѣздъ не въ ближнее мѣ-

сто за небывалою здѣсь и невиданною красавицею, за елью, по славѣ о неувядаемой зелени. Одна также во всей губерніи сосновая рощица, и та не природою посажена; одна же во всей губерніи березовая роща, нѣсколько сотенъ плакучихъ отшельницъ изъ сѣвера. Нигдѣ нѣтъ ни песковъ, ни болота, ни топи. Не отошелъ бы отъ живописныхъ береговъ Днѣстра, Збруча и Буга; не разстался бы съ роскошными долинами.

Каменецъ также замѣчателенъ по мѣстоположенію — гнѣздо на бугрѣ, котораго лишь темя удобно для поселенія, по крутизнѣ ската къ подошвѣ со всѣхъ сторонъ. Каменистый въ уровень съ этимъ бугромъ хребетъ, обогнувъ его дугою, съ одной только стороны пересѣкается долинами, между которыми выдвинулась, въ уровень же съ бугромъ, огромная груда, гдѣ Турками построена крѣпость. Бугоръ, на которомъ городъ, подумаешь, оторванъ отъ хребта и отбро-

шенъ, словно отколокъ. Рѣчка Смотричъ, выходя изъ-за груды, вмѣсто того чтобы, перешагнувъ сажень десять, пойти за ту же груду въ другую долину, будто въ раздумьи поворотила обмыть прежде кругомъ всю подошву бугра. Геогносту здѣсь, да и во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, было бы надъ чѣмъ потрудиться.

20-го Іюня 1854-го года.

*

Этимъ заключаются Записки Ѳедора Петровича Лубяновскаго.

Оставивши Подольскую губернію, которою онъ управлялъ послѣднее время будучи уже сенаторомъ и гдѣ жива еще память о немъ, онъ съ 1834 г. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ присутствовалъ въ Сенатѣ и былъ первоприсутствующимъ въ департаментахъ и въ 1-мъ общемъ собраніи Сената до 1867 года.

До глубокой старости всегда готовый на помощь ближнему словомъ

и дѣломъ, съ любознательностью слѣдилъ онъ за всѣмъ современнымъ, перечитывалъ все, что ни появлялось въ печати. При самыхъ обширныхъ, всесторонних познаніяхъ, съ умомъ испытующимъ, онъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ. Его рѣчь была и поучительна, и привлекательна; въ служебномъ же мірѣ его память раскрывала цѣлый архивъ минувшихъ лѣтъ. Онъ скончался на 92-мъ году, 2 Февраля 1869 года. Послѣдній годъ жизни онъ угасалъ, но до того жилъ полною умственною жизнью.

Литература была любимымъ его отдохновеніемъ. Кромѣ изданныхъ имъ: Путешествія по Саксоніи, Австріи и Италіи въ 1800, 1801 и 1802 годахъ и переводовъ—Телемака, Тоски по отчизнѣ, Ѳеобальда, онъ издалъ въ 1839 году послѣдній свой переводъ Телемака и въ 1845 году Замѣтки за границею 1840 — 1843 года.

Издаваемыя теперь его Записки собраны имъ самимъ въ настоящемъ ихъ видѣ въ послѣдніе годы его жизни и окончательно въ 1867 году.

